
Былички и бывальщины
Былички и бывальщины

Былички и бывальщины

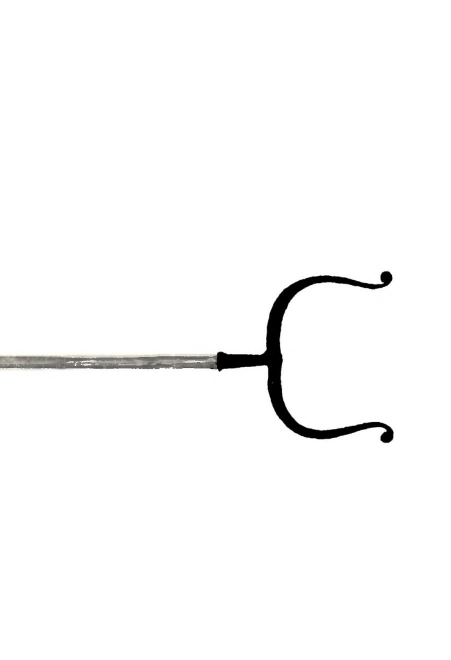

Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье

Пермское книжное издательство
1991

ББК 82.3Р
Б 95

Составитель
К. ШУМОВ

Художник
С. КОВАЛЕВ

Б $\frac{4702010205-64}{М152(03)-91}$ 64—91

ISBN 5-7625-0117-5

От составителя

Странно устроена человеческая память. Проходят столетия, меняются поколения, а мы продолжаем хранить в себе победные клики средневекового воина, горький плач по умершему предку, обычаи и обряды, которые зародились еще в те времена, когда люди только осваивали нашу землю. Продолжаем хранить, зачастую не отдавая себе в этом отчета. Когда-то населила человеческая фантазия просторы планеты богами и героями, демонами и спасителями — сформировалось особое, мифологическое, мышление, кото-

рое незримо проникает и в день сегодняшний. Причем славянская мифология известна нам значительно хуже, чем греческая и римская, хотя она не менее интересна и живет до сих пор — в «медвежьих» уголках земли русской, в быту и традициях многих и многих людей. Она многолика и узнаваема, страшновата и поучительна. Целый пласт народного творчества, мало знакомый неспециалисту, представлен в жанрах быличек и бывальщин. Эти бытующие сегодня рассказы о встрече человека с нечистой силой и есть отголоски древней как мир мифологии.

Истории о домовых, леших, русалках, водяных и чертях интересны не только тем, что отражают религиозную сторону человеческого сознания,— они рассказывают о быте человека, правилах его поведения, нравственных принципах. Это целый мир, своеобразный и неоднозначный.

Урал и Сибирь стали теми регионами, в которых произошло своеобразное оживление мифологических традиций. Причины этого лежат в истории заселения края русскими, в особенностях природно-климатических условий жизни. Человек как бы заново осваивал настоящий первобытный мир, отвоевывал у природы место обитания: вырубал лес под пашню, обживал тайгу, становился охотником-промысловиком,— и его отношения с окружающей средой вновь приобрели характер первозданности, таинственности. В тайге появился леший, в полях — полудница, в омуте — водяной и русалки. Персонажи языческого пантеона укрепились в сознании, стали воплощением всех опасностей, которые подстерегают человека в незнакомом лесу, на неизведанной речке. Все, чему трудно было дать рациональное объяснение, приобретало фантастический облик.

Фантазия человека противоречива: она то безгранична, то ограниченна. Не случайно в облике нечистой силы хорошо читаются знакомые черты. Так, леший является человеку как старик высокого или маленького роста, лешачиха — «баба, только черная, а в хайле огонь», русалка — девушка с длинными волосами, домовой — старичок или «кошенок», дворовой — ласка или змейка. Нечистая сила могла иметь и смешанный облик (человек с «коневьими» ногами, с рогами и хвостом). Особняком стоит образ огненного змея, являвшегося в виде огненного шара. Ученые считают, что именно он — самый древний, связан с представлениями о боге-Солнце или боге-Громовике.

Каждый из демонологических персонажей, как правило, принадлежит какому-либо месту, является его духом. Леший — дух леса, домовой — дома, водяной — реки или пруда, русалка — воды или

дерева, полудница — ржаного поля или полдня в жаркий день, банник, овинник — бани и овина.

По одной из христианских народных легенд вся нечистая сила — это ангелы, низринутые богом на землю за провинность. В этом сюжете отразилось отношение человека к нечисти; в нем же проявилась еще одна особенность демонологических представлений — их связь с христианской религией. Для человека, живущего в мире богов и демонов, святые и черти абсолютно равноправны, они сталкиваются и взаимодействуют друг с другом. Символы христианской веры могут уберечь человека от козней сатанинской силы: крест или молитва позволяют избежать беды при встрече с лешим или русалкой; повернув икону ликом к стене, можно привязать к одному месту колдуна; нательный крест и родительское благословение уберегут ребенка от злых чар.

Изначально былички рассказывались для того, чтобы передать человеку навык поведения при встрече с нечистой силой, поэтому-то, кроме описания ее внешнего вида, они включали в себя обереги, призванные помочь человеку. Казалось бы, с уходом из сознания веры в существование нечистой силы должны уйти из быта и былички. Исследователи еще в середине XIX века предсказывали скорый конец демонологическим рассказам, считая, что гудки паровозов, электричество и другие блага цивилизации вытеснят из тайги лешего, из подпола — домового, из бани — банника. Однако рассказы о нечистой силе живут и поныне, они записываются от людей любого возраста, вне зависимости от уровня образования и профессии. Конечно, есть еще люди, верящие в реальность описываемых событий, но все же чаще о домовых рассказывают только по традиции, а слу-

чаи встречи с ними относят ко временам дедов и прадедов. Прошлое зачастую идеализируется, поэтому былички приобретают особенный смысл для человека, в них он сохраняет память о предках, для него быличка — как старинный бабушкин сарафан, ветхий, бесполезный, но дорогой,— «поминка» по человеку.

Ребятишки тоже слушают и рассказывают былички — и не только из любопытства, не только потому, что интересно. Эти рассказы реализуют потребность ребенка испытывать полную гамму человеческих чувств, в том числе и страх. Для чего? Неосознанно маленький человек проходит эмоциональную психологическую закалку. Ведь, не зная страха, трудно его преодолеть. Смелость и мужество — это способность преодолевать страх, поэтому умение бояться — первая ступенька к воспитанию смелого человека.

Есть и другие назначения у

быличек и бывальщин. Как это ни парадоксально, но они выполняют роль воспитательную, причем воспитание осуществляется по основным принципам народной педагогики, когда главным является не морализаторство, а тактичная бережная передача традиций. Если внимательно вчитаться в тексты быличек, можно обнаружить, что направлены они на воспитание, например, неприязни к пьянству: очень часто встречаются сюжеты, в которых демонологические персонажи легко причиняют вред именно пьяным или наказывают род человеческий не войнами, болезнями, а пьянством.

Содержат былички и своеобразную психогигиену. Один из самых популярных сюжетов в Прикамье заключается в том, что к тоскующей по погибшему или пропавшему мужу женщине приходит в его облике леший или сатана, просит скрыть его от людей, никому о нем не рассказывать, а

через какое-то время убивает свою жертву. Этот рассказ — своеобразное предупреждение: нельзя давать волю чувствам, переживания могут поставить человека на грань смерти. Внушаемое с детства предостережение, выраженное не в форме нравоучения, естественно закрепляется в сознании, помогает держать себя в тех рамках, которые диктуются нормами общинной морали.

Если не подходить к быличке с предубеждением, если не воспринимать ее только как отражение религиозного сознания народа, то открыть в ней можно очень многое. Именно многоплановость жанра делает его актуальным и сегодня. Подтверждение тому — наличие пародий, так называемых «антибыличек», в живом бытовании. Это свидетельствует о том, что бытовые представления о демонологических персонажах постепенно разрушаются, значит, быличка меняет свою ориентацию,

многие необъяснимые явления находят свое разумное толкование. Но не только. Пародия призвана вызывать противоположную с оригиналом эмоцию, т. е. смех. Смех, как и страх,— это тоже воспитание чувств.

Как же будут и будут ли в принципе дальше развиваться былички? Окончательно перейдут в сказочный жанр или вообще уйдут из нашего обихода? Думается, ни то и ни другое. Быличка продолжает развиваться, но уже в иной среде. Из крестьянской общины она переходит в узкие группы людей, объединенных общей профессией либо интересом, который может лежать вне профессиональной деятельности. По аналогии с традиционной крестьянской быличкой создаются современные «мифы» туристов о Белом Спелеологе, Черном Альпинисте, Хозяине пещеры, «вагонном», «судовом» и т. п. Мы плохо представляем себе эти рассказы,

поскольку они редко выходят за пределы ограниченного круга людей. А между тем именно они продолжают в своем развитии линию, намеченную быличкой. И ведущими в них становятся те функции, которые были скрыты в традиционном фольклоре.

Очень часто рассказывается история появления Черного Альпиниста, который погиб из-за предательства друга, шедшего с ним в одной связке. Альпинисты во время восхождения никогда не ложатся ногами к выходу из палатки. Новичкам объясняют это тем, что Черный ходит по альплагерям и пытается найти своего бывшего друга-предателя, заглядывает в палатки, смотрит в лицо, но если увидит ноги, то обязательно вытащит человека из палатки. На самом деле эта традиция связана с необходимостью располагаться в палатке так, чтобы в любой экстремальной ситуации у человека была возможность

как можно скорее выбраться из нее.

Кроме того, что образы туристических «быличек» концентрируют в себе все сложности и опасности, подстерегающие человека в прямом столкновении с природой и учат правилам поведения в горах, они служат и закреплению негласного кодекса чести, морального кодекса альпинистов или спелеологов.

Группы людей, в которых бытуют такого рода рассказы, разнообразны, но их объединяет и нечто общее. Это общее — ситуация столкновения с природой один на один, выход из естественной для городского человека среды обитания. У спелеологов это пещеры, у альпинистов — горы, у моряков — море. Кстати, моряки — одна из самых ярких категорий людей, в среде которых суеверия и вековые традиции живут и прочно сохраняются.

В одном и том же явлении один

увидит шаровую молнию, другой — огненного змея, третий — инопланетный корабль. Увидит — и расскажет. Суть в том, что механизм зарождения рассказов остается неизменным. Именно эта особенность и является гарантией того, что фольклор, как искусство слова, появившийся в глубокой древности, живет и сегодня и будет жить еще очень долго.

***

Все тексты быличек и бывальщин, представленные в сборнике, записаны на территории Пермской области сотрудниками и студентами Пермского университета в течение 1985—1989 гг. и бо́льшей частью зафиксированы на магнитную ленту.

Книга состоит из нескольких разделов. Каждый включает в себя былички и бывальщины, объединенные одним сюжетом и персонажем: рассказы о полуднице,

рассказы о водяном и русалках, рассказы об овиннике или гуменнике и т. д. Однако и внутри одного раздела встречаются разные обозначения персонажа (так, дух бани в одном сюжете может быть назван *банником, банной старостой, чертом, дьяволом)*. Это связано с особенностями бытования демонологической прозы и объясняется существовавшим когда-то запретом на упоминание имени духа, что и привело к созданию целой системы имен-замен. Домовой чаще называется *суседко*, домовиха — *суседиха;* леший — *лесной, дедушко* и т. п. Кроме того, в последнее время при сохранении сюжетов имена некоторых персонажей все чаще заменяются на общие обозначения нечистой силы: *нечистый дух, сатана, черт, дьявол, окаянный*, реже — *леший*. Это не означает полной утраты представлений о духе, чье имя уже забыто; частично они переходят в бранную лекси-

ку: так, *полудницей* называют грязную, неаккуратную женщину, *сатаной* или *колдуном* — плохого, злого человека. В некоторых деревнях можно еще услышать рассказы о *полуднице* как духе жаркого полдня или поля, о *дворовом* как духе хозяйственного двора.

Тексты, персонажи которых практически слились с другими, помещены в соответствующие разделы (например, рассказы о дворовом — в раздел о домовом). Все встречающиеся в текстах сборника обозначения духов даны в «Указателе персонажей», где после наименования персонажа стоят номера текстов, в которых он упоминается.

Внимательный читатель обнаружит несомненное сходство между некоторыми рассказами, помещенными в разные разделы. Это объясняется особенностями как зарождения жанра былички, так и его развития до наших дней.

Изначально, видимо, круг мифологических сюжетов и персонажей был ограничен. Постепенно появлялись новые персонажи, но многие свои свойства они заимствовали у прежних. Так, почти все они выступают в качестве предвестников будущего. Непосредственно этот мотив реализовался в рассказах о девичьих гаданиях, когда молодые обращались за предсказаниями к черту, домовому, овиннику. Но даже простое появление духа уже означало для человека предсказание: нечистый появляется «к худу». Некоторые сюжеты в процессе развития претерпевали значительные изменения. Процесс этот, растянутый во времени, порождал ситуацию, в которой в рамках одной местной традиции сталкивались изначальный сюжет и его поздние видоизменения. Их достаточно явная общность не осознается исполнителями, поэтому в сборнике предпринята попытка

сохранить реальность конкретной фольклорной ситуации, а не представления исследователя о развитии сюжета.

Еще одна особенность материала определяется тем, что в сборнике представлены разные территориальные традиции Прикамья. Так, в Куединском районе колдуньи называются векшицами, они наделяются некоторыми способностями, которые отсутствуют в рассказах о колдуньях, записанных в Чердынском районе. Принцип публикации не позволяет наглядно продемонстрировать различия территориальных традиций. Сделать это можно, воспользовавшись разделом «Указатель исполнителей», где сообщаются место записи, а также фамилия и возраст исполнителя. Найти эту информацию можно по номеру, стоящему после каждого текста в скобках.

Мы сочли возможным в ряде случаев применить минимальную

редакторскую правку текстов, выпустив некоторые не имеющие непосредственного отношения к сюжету фразы исполнителей и заменив бранную лексику. При подготовке текстов учитывались основные диалектные особенности речи: грамматические, лексические, фонетические.

В конце книги помещен словарь диалектных и устаревших слов, встречающихся в тексте.

НЕ БОЙСЯ ЧЕРТЕЙ — БОЙСЯ ЗМЕЙ!

Рассказы о змее

1. Вот было. Я сама видала, небольшая ишшо была. Так он словно головенка по небу летел, искрами так и сыпал. Люди старые говаривали, что он к одному старику летал. В

свя́зи он какой-то был со стариком. Чуть которы крыши не поджег. Прямо сама видела! Головенка эта летит и искрами сыплет. *(17)*

2. Огненный змей есть. Люди рассказывали. Женщина одна. Она повезла в Пянтег мужика. Он на тракториста учился. Поехали вечером, поздно уже. Господи! Какой свет показался! Как змей извивается по всей дороге, по всему лесу светит. С ними ничё не сделал. *(45)*

3. Мы едем к Сове (река), ниже к лесу, горизонтально всё, как лукошко прошло! Сзади искры сыплются, так и ле-

ЧЁРТ

тит... На звезду не скажешь, на комету тоже. Как упало, так и сгорело. *(124)*

4. Не так давно огненный шар летал у нас прямо по улицам. Кто-то пролетел, никто не знает. Вот как огонь летит какой-то, искрится. То ли от дьявола, то ли от бога. Перед войной вот тока мережило. *(41)*

5. Бес-то у меня тоже был. Держала я свинью. В доме одна половина была полом, а другая землей. Захожу свинью кормить, а она, проклятая,

пол взрыла. Обругала я ее да змея вспомянула. Вышла и думаю: «Нехорошо скотину ругать». Пошла снова к ней. Гляжу: свет озмеился на земле, светлая полоска видна. Я тут сразу боженьку вспомнила, свет и пропал. Пошла к соседке, рассказала ей, а она и говорит: «Сама виновата. Раз ты заругалася, змея вспомнила, вот он и пришел». *(89)*

6. Одна женщина сноху ненавидела. Сказала ей: «Лучше змею видеть, чем тебя!» Тут ей змей вокруг шеи и обвился.

Пойдет она в баню — змей под лавочку, а из бани — он обратно вокруг шеи обматывается. *(89)*

В ЗНОЙНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Рассказы о полуднице

7. По ржам, по хлебу ходила полу́дница-то. Тожо пугали: «Ага, полудница-то, она полудница! Как схватит!» А нихто и не видал, слух шел. Кто оденется так неприятно, грязно

там, что: «Ох, ты опеть, как полудница, вышла!» Это было раньше. *(82)*

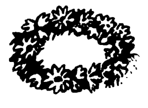
8. Рожь у нас была большая, высокая. «Не ходите в рожь, там полудница живет! — говорят.— Кто пойдет рожь мять, того полудница поймает. Сама большая, как ржаной суслóн. Поймает и не отпустит. И мы вас не найдем». *(91)*

9. А сестра у меня еще была, Анна. Нас много осталось от отца-то, девять штук, все маленькие, только ей было, Анне, сестре, семнадцать лет.

ПОЛУДЕНКА

У нас было поле, там, на камню. Мама там сенокосили, жали. Мама ее рано утром послала жать ячмень, чтобы он не ломался, колоски не ломать. Она пошла туда. При-

шла, ну, грит, вижу: такая идет по полю снаря́женная, на голове у нее, грит, такой венец, а платье сзади волокется метра полтора, белое на ней. Я, грит, перепугалася, как ее увидела, до поля-то дошла, она прямо в глаза глядит и на меня идет. Я, грит, бежать обратно, бежать, тут гумно было. Дак она забежала, ог-

лянулась — никого нигде нету. Ну, женщина, грит, не мужчина. Потом домой пришла, маме рассказала. «Ой, девка, девка, чё это ты увидела такое страшное. Днем ведь, не ночью, ничё». Потом она лето-то прожила, осенью поступила бухгалтером работать, там была командировка на Цепее-то, на этом, Дивьем. А тогда, видите, машины-то не были, ездили в Соликамск, возили грузы на

ко́нях. По кипы, по сено их отправили. Вот она из Соликамска ехала, штаны тогда не носили, и простыла. До Ныро-

ба доехала, ее сразу положили в больницу, она две недели пролежала с желтухой и померла. Вот это ей девица показалась. Это ведь все чё-то кажется не к добру. *(40)*

В ТИХОМ ОМУТЕ...

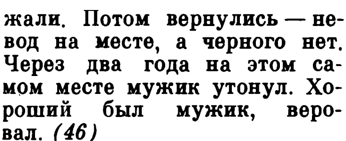
Рассказы о водяном и русалках

10. Говорили, обязательно было. Как их называли — мельник-сатана. У нас тогда суеверие крепко было, поэтому и боялись. Сейчас что, на мельницах охраны всё, а тогда

ведь оставляли так. Вот и стращали этим сатаной-мельником. Мол, воровать пойдешь, он тебя там и привяжет. Ты не уйдешь. Сло́вом привяжет. Было такое. Он привязать может. Будешь стоять, покудав хозяин не придет. Это сатанинное, а сатана не каждому разглашат, бог быстрей разгласит тайну, чем сатана. Вот я и попал. Меня водяной этот, мельник, приговорил. А сатана-то ведь там, в мельнице. Значит, мельник с ним знался. *(13)*

11. Ходили часов в двенадцать под рейдом рыбачить. Невод закинули, потянули потом — тяжело. На берег вытянули — что-то черное, косматое. Оно как поворотилось, все испугались, всё бросили и убе-

РУСАЛКА

жали. Потом вернулись — невод на месте, а черного нет. Через два года на этом самом месте мужик утонул. Хороший был мужик, веровал. *(46)*

12. Как-то я семь карасей споймала мордой, зимой. Заморожены были. Домой пришла — глядь! — живые. Дед мне: «Отнеси рыбу обратно, мол, тут главарь ихний». Дедка сам и отнес в реку. Как сбухают в воду через лед и исчезли! *(106)*

13. У отца друг был, Лука Егорович, в Керчево жил. Рассказывал, гоститься ходил к водяному. Летом пошел на Маяцкое озеро. Гляжу, говорит, на пеньке сидит баба. Волосы долгушшие, черные. «Не бойся, говорит, подходи, не

бойся».— «А я и не боюсь, у меня ружье».— «Не стреляй в меня»,— мне говорит. Я, говорит, боюсь подходить, а интересно. Значит, думаю, если чё, я ее застрелю. «А вы и не стреляйте, тогда у вас всё будет». Как, говорит, вода расколыхнулася, и выходит оттудова мушшина. Такой чернушший выходит. И вышел, говорит, тутока. «Не бойся, говорит, не бойся! Не бойся нас, не стре-

ляй».— «Я, говорит, не буду стрелять».— «И никому не сказывай, что видел нас. А чем нуждаешься, как живешь?» —

«Потихоньку живу».— «Пойдем к нам в гости». А я говорю: «Как я там буду, в воде-то?» Пошел за имя́, говорит, пошел. Сначала там вода была, потом

сделалась такая квартира. Сколько, говорит, комнат! Я там часа два или три был. Зашел в избу к нему, а на столах чего только нету! А потом и говорю: «Мне ведь как-то выходить надо».— «Иди, говорит, только никому не сказывай, десять лет никому не сказывай, никому ни звука, а то мы к тебе на дом пойдем, тебя задавим. И все у тебя будет». Ушел, говорит, не выстрелил

даже, а уток домой ташшу. А потом зима началась. Он мне, говорит, хлеба давал, вот я от его и разжился. Мужик от его разбогател и золото и муку от его привозил. А через десять лет: «Мне, говорит, хочется посмотреть, как ты живешь. Предупреди жену, только пускай никому не сказывает». Она, говорит, пельмяни настряпала. Водки я, говорит, взял. Вот в

двенадцать часов поднялся такой ветер! Баба испугалася. Водяной сторкал в двери, зашел. Баба: «Я шас пойду!» —

«Не вздумай нигде сказать, если ты скажешь, хозяина оставлю, а тебя задавлю». Пробыл он минут десять и сказал, чтобы больше не приходил. Только потом тот мужик отцу сказал. Отец на́м это рассказывал. *(45)*

14. В Печинки идешь, там три речки. Так вот, есть Середняя речка. Мать рассказывала, Александра Федоровна звать, блазнило ей. На ветках елок девки сидят, песни сказывают да над ней хохочут. Это мама сказывала: «Как пойду, всё девки хохочут». *(17)*

15. На речке Чудовке блу-

дят, теряются. Еще отец был маленьким, с ним такое было: русалки на деревьях будто бы сидели и чесали волосы. Сидят и кричат: «Фараон!» Не заманивают, а кричат они к плохой погоде. А Фараон — это дьявол какой-то, идет против бога. *(1)*

16. У нас дедушка ехал через мельницу. Едет — у мельницы сидит баба, волосы чешет. И лошадь не пошла и всё. Вся лошадь в пене и не идет. Он догадался — стегнул себя веником по спине крест-накрест через себя. Лошадь и пошла. *(92)*

17. Утонул тот старик, восемьдесят годов ему было, как утонул, он рассказывал. У

него еще отец ходил к верху, там Ужты место зовется, Ужты. И вот он ночевать остался один в избушке на покосе. Верст за пять, за шесть будет тамока. И вот эта вышла-то и села — русалка ли, кто ли — на березу и чёшет волосы, черные, до озера. И всё расчесывает и качается. И говорит: «Я Даша, я Даша». Он испугался да гукнул. Она-де только булькнула в озеро. И вот до сих пор Дашиным озером и зовут. *(48)*

18. Этот Бесов камень считается. Бесов камень. Камень, как обрезан, а яма глубока, а там тожо пустынники ишшо жили, подле камня-то. Ну вот,

этот пустынник-то и увидел: вышла-де женщина, грит, вышла из воды, вышла на камень и качат ногами. Волосы, грит, длинные-длинные у ей. Она, грит, расчасыват их и ногами качат. Увидела его, нырнула, и с час ходит вода. И назвали этот камень Бесов. *(13)*

19. Мать говорила. В августе были белые ночи, и пошли они полоскать белье с подружками, взяли корзинку, до пру-

да не доходят, видят: сидит девка, чешет волосы зеленые зеленым гребешком, подходят ближе, она увидела их и —

шлеп! — под плотик. Видели они только ее лицо красивое и зеленый блестящий хвост. *(98)*

20. Слушай, я тебе расскажу тогда. Озеро еще есть тут, по тракту, в Булыге. Я забыла, кто рыбу ловил, сказывал. Вышла, грит, русалка ли, кто ли, крылья-те де рыбные, а башка-то человечия. Вышла-де посередь озера, дак я все бросил да убежал. Не стал, грит, ловить-то. *(42)*

21. У меня сестренка в Анфимове, она живая щас. Перед войной ничё в магазинах не было, должна была война начаться. У меня мужа взяли в армию. Ну вот, она поехала за семянами на Ветлан, на колхозной-де лодке. Вода была большая. А там был Степан,

мужик. Он тоже поехал. Он ехал впереди, она сзади. И вот когда на Ветлан приплыли, он говорит: «Агафья!» — «Чё?» — «Ты ничё не видела?» — «Нет».— «А я видел».— «А чё ты видел?» — «То ли, грит, две, то ли три женщины сидели под этим камнем. Волосы у их метра по полтора, а ноги-де в воде. Это-де, наверное, русалки. Ой, грит, господи, ты хоть меня обратно не оставляй — я боюся». А надо было ехать поза березками — вода-то разлилася, он, грит, шибко едет, дак я, грит, так насмеялася над им, пока ехала. И потом, дней пять не прошло, стали собирать всю это армию. А он не пришел. И она стала говорить: «Ему почудилось, помсти́ло то, что его убьют». *(8)*

22. Русалка — самая красивая женщина. Я ее сам видел. В двенадцать часов я купался. Вышла девушка. При себе у меня ружье было, я хотел выстрелить, но, когда она рассмеялась, улыбка ее обрела власть надо мной. Когда я нажал на курок, дуло ружья было поднято вверх, не на нее. Она подошла ко мне, причесала голову и говорит: «Спи, я к тебе больше не приду». Это случилось давно, в моей жизни один раз, в детстве, лет четырнадцать-пятнадцать было. *(18)*

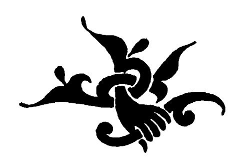
23. Русалки... Здесь это тоже было. Это в определенную ночь, только я забыл, в какое время, по-моему осенью, она должна выходить и расчесывать волосы. Ее надо укара-

улить, когда она будет волосы расчесывать, она очень много роняет серебра. Если, мол, хочешь разбогатеть, бежи к русалке, она будет расчесывать волосы, и серебро ты наберешь. Это обязательно должна идти невеста, которая на выданье уже готова, замуж. Как она бедная за богатого пойдет? Ну так и бегались, а толку-то было не было, не знаю. *(58)*

24. Русалок, леших у нас теперь нет. Раньше они могли перед бедой показаться. Сыну вот увиделось, когда зимой на тракторе ехал: женщина по

дороге бежит — голая, растрепанная. Он ей говорит: «Садись, подвезу». Она не остановилась, убежала. Но этот раз беда обошлась как-то. *(55)*

К ЛЕШЕМУ ПОШЛЕШЬ — САМ К НЕМУ ПОПАДЕШЬ

Рассказы о лешем и лешачихе

25. А вот еще. Мы сено косить пошли. Вижу: мужик стоит, рубаха белая, а полы-то пиджака так и вертятся. Я на скирде была, скатилась с нее и бежать. Не один год его ви-

дели, еще бабушка моя видела. И всё в лесах. *(107)*

26. От отца слышал. Идет он как-то, ему навстречу кто-то в шляпе. Бровей у него нет, рукавички под кушак заделаны. Он руками лицо вытер, отец и увидел, что бровей у него нет. Отец спросил: «Ты чё такой потнóй?» А тот: «Я всю ночь белок гонял». Потом он достал рукавички и замахал ими так, что даже лес гнулся. И исчез. Это бес был. *(108)*

27. Я так в прошлом году в лес пошла, часов шесть было, вечером. Иду и чую, что кто-то взаде вроде идет. Обернулась, гляжу: мужик здоровый, шапка высокая. Лицо не видать, он неблизко стоял от меня. Мне жутко стало. Он молчит. Шагу прибавила, отошла, опо-

ЛЕШИЙ

сля оглянулась, а там уже и нет никого. Осмотрелася — нигде нет никого. С тех пор я вовсе в лес не хожу. *(83)*

28. Раз еще как-то двое мужиков скот пасли. Это мама моя рассказывала. Как им возвращаться, они на этой Серéдней реке бабу увидели. Она на пне сидит, воет. Сарафан на ей черный, с цветами. Они распознать решили, лешачиха это или баба. Один-то крест с себя снял, а двое веревку-то руками растянули и пошли на нее. А она все пятится, пятится да так и пропала. Лешачиха это была, потому как крест надеть не захотела. А выла, дак ее леший набил. *(19)*

29. У нас мама покойная ходила. Смотрит, а вокруг стога бегает лешачиха,

а за ней-то мужики с крестом. А как крест-то накинули, думали — баба, а она — пень. *(17)*

30. Вот, девки, лесной дедушко нашу семью потрогал да постращал. Отец в лес както пошел, раньше ведь дара́ми жили. Вот пошел он в лес по грибы, долго по лесу ходил, лег на местечко у елки да уснул. Спит он, сны ему разные снятся. Вдруг заохал кто-то, зашумело в лесу, погода спортилась. И кто-то в спину папеньку толкает и за ноги дергает. Вовремя глаза-от открыл да побежал оттуда, все грибы там оставил. Баба, го-

ворит, с мужиком длиннущ-шие были. Он, как их увидел, так и побёг оттуда. То, видать, бабушка с дедушкой лесные были. *(84)*

31. На месте Ольховки был лес, в котором тек ручеек. Трое парней шли на рыбалку. Один из этих парней был немым. Зашли парни в лесную глушь и услышали женский плач. Увидели в пятнадцати метрах от себя сидящего на пне мужчину необъятных размеров в черном костюме и рядом с ним — женщину в черной юбке и розовой кофте таких же

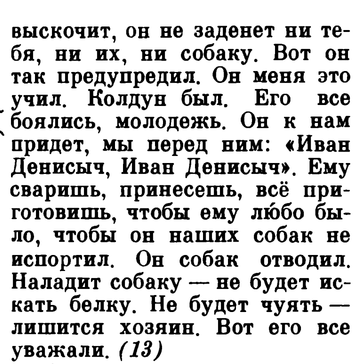
огромных размеров. Женщина стояла и плакала. Как только они увидели их, немой закричал: «Леший!» Только выбежали из леса, тут плач и прекратился. Было это за две недели до войны с японцами. *(99)*

32. Материн отец пошел в лес за коровой, ему было восемьдесят лет. Она блудила по лесу, а дед пошел искать ее. Зашел в лес, где-то брякает колокол, сел дед на пенек и решил закурить трубочку. Из лесу выходит сосед Ксенофонт: «Ну что, Егорыч, посидим, покурим». Сел, ногу на ногу, и дед увидел у него раздвоенные бычьи копыта. Снял, испугавшись, крест и давай читать молитвы. И Ксенофонт сказал: «Ну ладно, Егорыч, пойду по

своим лесным делам». Когда дед опомнился, побежал, забрел в такую тайгу, где ничего не стало слышно. Блудил-блудил, вышел на опушку леса, видит: леший на корове, еловой веткой погоняет и говорит: «Ну вот, Егорыч, мы опять с тобой встретились!» Тогда дед узнал, что это леший. Егорыч, всегда знавший дороги, не смог выбраться. Потом леший навел его на дорогу и все время хлопал в ладоши и кричал: «Ха-ха-ха!» Шапка дыбом встала, и волосы поднялись. Дед пришел домой, пошел к соседу Ксенофонту и узнал, что тот не был в лесу, а был на смене. Было это в тысяча восемьсот девяносто втором году. *(98)*

33. Леший ходит по визи́рке. У нас старик был в Русиновой, он охотник, он людей лечил и людей портил. Он у меня еще собаку отводил — собака не ищет и всё. Лечил и портил. Ночью у нас считается: валишь сушину, комель-то отрубаешь, на это дерево натягиваешь (полог), ставишь там это жердь, с комля поджег, она шает только, не горит. Она шает только, тепло, тут себе настлал и спишь. Он грит: «Вот вы ходите, молодежь, на визирку никогда не ложитесь».— «А зачем, Иван Денисыч, почему?» — «Ночью леший, грит, ходит по визиркам. Ну вот, смотрите: собака ночью его увидит, она залает. Если выскочит, он убьет». Ну хорошо, так бывало, собака залает, не

выскочит, он не заденет ни тебя, ни их, ни собаку. Вот он так предупредил. Он меня это учил. Колдун был. Его все боялись, молодежь. Он к нам придет, мы перед ним: «Иван Денисыч, Иван Денисыч». Ему сваришь, принесешь, всё приготовишь, чтобы ему любо было, чтобы он наших собак не испортил. Он собак отводил. Наладит собаку — не будет искать белку. Не будет чуять — лишится хозяин. Вот его все уважали. *(13)*

34. Леший в лесу живет, это дьявол лесной. Пастухи-то, они знаются с лешим. Леший-то пасет коров-то. Пастух у нас есть, дак он с лешим знался. Он запировал раз, а леший-то не любит пьяных, и в прошлый год леший его с коня счи-

кивал. Подпасок лешего не видит. Только пастух. Простые люди тожо не видят. *(17)*

35. Пастух наш с дедушкой знался. Он над нашей коровой надсмеялся. Она одна наша была, остальные с фермы. Дедушко помогал ему коров пасти. Научил его, как коров отдавать, а как забирать-то, пастух не понял. Совхозные коровы вместе были, вот они домой и вернулись, а нашу де-

душко не отпустил. Корова наша по лесу кругами ходила. Мы ее искать стали, девять часов за ней по лесу ходили. Слышали, как колокольчик звенит и кто-то посвистывает,

мы за колокольчиком бежали. А свистел, видать, дедушко, вел корову за собой. Двадцать два дня ее дома не было. Както раз она в соседний дом пришла и опять убежала. Добрые люди подсказали, что делать. Мать состряпала пирог, вино купила. Пошли мы в лес, поставили на пенек. Отец отвернулся, три вички срубил, поворачивается, глядь, а на пень-

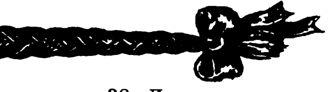
ке ничего нет. В этот день и корова вернулась — дедушко отпустил. Только она всю ночь напролет стояла, а чуть засви-

стит где — уши натопырит. *(89)*

36. Один раз доярка пасла стадо у леса. Корова пропала. Первый день искали везде, не нашли. На второй день пошли снова искать. Везде искали, нашли в лесу. Ходит возле дерева, ревет, есть хочет. Вокруг дерева земля черна стала. Она всю траву съела, а не уходит от дерева. Не иначе, черт ее привязал. Насилу домой и притащили. *(28)*

37. Было у нас, у женщины корова пропала. Пошла она на Григóрово ворожить. Там, говорят, одна женщина с дедушком зналася. Приехала к бабе той и говорит: «Хочу про корову свою узнать». Вышла та на улицу, свя́ргала. Окна сдребежжали, погода спортилась.

Сижу я, баба говорит, бога не молю, сижу ни жива ни мертва. Пришла: «Поезжай домой, молитвен не твори, в двенадцать часов спать к окну ложись. Он придет и всё тебе скажет». Сделала баба всё, как она велела. Вдруг зашумело, зашумело. Постучал он в окошко, сам здоровушший, на крылечко навалился. Стала баба его расспрашивать. Указал он тогда мужика, два дня, говорит, корову держал, потом зарезал. *(84)*

38. Лешачиха коров доит. У лешего тоже лешачиха есть, баба-то. Нарядная такая, в красной юбке, в красной коф-

те лешачиха-то ходит, кажну корову шшупат. В красном платке, нарядная. Отец у нас лешачиху видел, как она коров доит. Вот корова и ходит пустая. *(17)*

39. Страшно было с Груней-то тогда. Мужик-то у ей на войне был. Четыре ночи ее в дому не было. Только вот как нашлася она, я в избу-то к ей зашла, а она вся беспамятна на полу лежит. Лицо у ей все вспухло. Васька ишшо маленький был, по полу ползат, титьку ишшет. Мы ведь, как ей пропа́сть, картошку кучили на полях. Она сперва в наряд-

ное оделась, потом снова старые тряпки надела да по грибы и поехала. Она ж при солнышке на Середней речке была, под густушшей елкой села, и пестерь и ведро рядом поставила. Проснулася, глядит: сухая хворостина над ей и рядом нет ничё. А как через Сумыч-то пошла, там переправа-то худая была, как пойдет через мостик — сразу в воду, а выйдет — сухая. Сколь раз так было! А за ней не рыженький козленочек, а все красненький теленочек ходил. В церкву уж ее водили, избу маком посыпали, а это всё одно: как пойдет по гу́бы-те или по ягоды, через час уже с полной корзиной бежит — леший набросал. *(20)*

40. Мой муж со старых покосов ходил. Он с собакой был,

с ружьем — зайцев хотел набить. Я ему хлеба наклала, с собой дала, он и пошел. Пришел и рассказывает: «Я, грит, на огарку вышел, смотрю: сидит на пеньке дед, курит. Дал я ему пачку папирос, он взял». А это леший был, из той же деревни человеком показался. Леший дорогу показал, запутал. Собака со стариком моим была, а кругами ходил. Километров за пятнадцать вышел. *(96)*

41. Вот ведь как-то тоже было. Коней я искала. Ушли они. Хожу, ищу. Слышу: колокол брякает. Иду, иду на колокол-от. Иду прямиком, а там болото. Коней-от нет. Шла, шла, огляделася, а я снова на том месте, где сперва была, и стою. Пошла снова. Опять колокол-

от слышу. По болоту-то брожу, да ведь в туфлях была. Шла, шла. Вдруг колокол-от не слышу. Господи Иисусе Христе, это чё, леший меня водит? Опять на том месте и оказалась. Всё вкруг одного места и ходила. А кони-то у меня завернулися. Насилу нашла. И вот ведь три раза на одном и том же месте очутилася, господи! *(53)*

42. Мы вот с мужиком ходили по губы в лес. Ой, груздей было сколько, ой, груздей! Пестери́ насобирали, ведра насобирали, я уж юбку сняла, в юбку насобирали груздей. И

вот домой как уж идти, мужик-от говорит: «Я-де схожу еще, грузди-то мне попадают, ты еще посиди». Вот тожно только ушел от меня, и ушел, и ушел, и ушел. Я-де: «Андрейко! Андрейко! Андрейко!» Он-от мне голос подавал, подавал, подавал, а потом и нечутко стало. Ох, господи, реву и реву, ну куды с губами-то деваюсь?! А его увело. Бесишко увел. Он его хотя не видит, а ить все равно увел. Вот тогда давай молиться, Миколе молиться давай-давай, реву. Куды я деваюсь в лесу! Тожнó куды-то чую, где-ко он обошел, подал мне голос. Ушел на эту, подковригу, на Киселеву кулигу, потом гляжу: вышел. Все ближе и ближе. Тожно вышел

и меня ругает: «Ты-де ушла от меня». А я куда там уйду! С грибами-то. Вот увел его, потом опять привел. Чё-ко вот так постукиват да и всё. *(21)*

43. Мы блудили одинов. Пошли по ягоды, по жоровиху, вовсе тут, и Касиб видать, и церковь-то. Ходили рядом, а одна у нас у́хала: «Дедушко-о, бабушко-о!» Ходили-ходили, к яме приходим, где будку-то ломали. Да вроде и уйдем с этого места, и приметы ставим, дак все равно к яме этой вертаемся. «А ну-ка, девки, мы стельки переменим!» Переменили стельки и к закату вышли, смотрим: там мужики наши. *(93)*

44. Учились мы в школе. Пошли по рябину. Идем — нигде рябины не видим. Выходит мужчина по тропинке, мы его спрашиваем: «Дед, где рябины много?» Он говорит: «Идите туда, там и рябины много». Мы пошли. Никакой мы рябины не нашли, а оказался большой тёмной лес. Нашли мы узкую тропочку, идем по ней мимо земляночки — еще эта же опять землянка. Четыре раза всё к одной землянке приходили. Старшая из нас сказала: «Давайте одежу переворотим на левую сторону». Так и вышли на дорогу. Мама ей говорила, что лешие не смотрят на людей, когда они говорят с ними. «А он на нас и не смотрел, а в сторону»,— заметила старшая. Это был ле-

ший. Был он — черные усики, бородка, кепочка, пиджачок. *(100)*

45. У нас лесовые избушки были, как бани. Ну, артельно мы не напрашиваемся, артельно мы человека по три, по четыре живем в этой избушке. А когда один идешь, напрашиваться надо. Когда я ходил, как-то у меня ужас один был. Я даже с нар соскочил. Вот тоже живу там один, ночь ночевал, две ночевал. А собаку не выпускаю, у меня собака всегда со мной. Я на нарах, она под нарами. Она, говорят, дьявола видит! Двери вроде на крючок да крестом обнесу: «Господи, благослови на сон грядущий». А тут возьми и собаку выпусти. Она там ушла по своему делу, я возь-

ми и лег, вроде задремать хочу. Подо мной вдруг зашабаркало, там у нас щепки. Двое заговорили: «Теперь он нам попал». Двое там говорят. Я соскочил, двери отдернул, собаку пустил, двери оградил, топор от себя литиём в головы. Топор, говорит, от себя литиём клади, дьявол никогда не подойдет. Вот так, как сделал, больше ни разу никогда черта не видал. Вишь, каки истории. *(13)*

46. Старуха дочь изругала. Сказала: «Чтоб тя бес забрал!» Ладно девка-то сразу за чурку стала, говорит: «Чур, чур меня». Вдруг бес захохотал. «До-

гадалась»,— говорит. А то бы забрал ее. *(89)*

47. У сестры парня-то дедушко лесной носил. Ходили искать всем сельсоветом. Неделю целую искали, нашли потом. Вот в двенадцать часов дня скажи ребенку: «Унеси тя леший!» — и унесет. Отец пахал, приехал домой обедать, дети зашумели. А он им: «Унеси тя леший!» Из-под окна дедушко-от лесной и увел сына. Нашли — он говорит: «Я ходил с папой. Он никому не велел рассказывать. Ягодами кормил». Так вот целую неделю искали. *(94)*

48. Слышала, в Ужгинской Чердынского района у бабушки пасынок был, у которого

сын Микола был. Весной пасынок огород городил и переругал парня: «Иди к лешему!» Его день нет, два нет. Везде выискивают. Пошли в церковь служить. Послужили службу по умершей бабушке, вышли.

Утром он на сеновале на сарае оказался. Спрашивают: «Где ты был?» — «Я с бабушкой ходил. Все по лесу, по шутьмам».— «А что ел?» — «А она мне велела дерьмо от коров есть. Ешь, говорит,— это лепешки. А я их не ел, я траву, щавель ел».— «А как пришел?» — «Она привела, подворотню достала и пикнула». Это потому вернулся он, что служ-

бу служили и она его больше держать не могла. *(51)*

49. У нас парень заблудился, Витька. Его три дня не было. Он поехал, а тетка и говорит — лошади топтались-де у ей под окном: «Иди ты к лешему, Витька!» Он пошел, да не в ту сторону. Искали, искали, даже в трубу смотрели. Тетка его плачет. Ей говорят: «Ты бутылку водки и красный платок на елку повесь, он возьмет и приведет Витьку к тебе». Она возьми да купи. Она купила красный материал, кушак сделала, повесила. Три дня искали, нашли его, а он от них убежал, одичал. «Как ты жил?» — «Я под сосной спал, ничего не ел». Потом пошли — ни водки, ни кушака. *(72)*

50. У нас совсем недавно было, был случай такой. Деревня есть Талово. Туда они уехали, а тогда здесь жили, бабка и сын с женой. У их была первейшая девочка, она еще в школу не ходила. Она у них непослушная была, дурная, вольная. Это было в воскресенье или в самую Пасху. Она

ушла бегать с утра, бегала, бегала, а потом к матери полезла за чем-то, мать ее заругала: «Леший бы тебя унес!» День прошел, настал вечер. Девочка пропала. Пошли они по деревне — нету. День нету, два

нету, они стали искать вкруг домов, вкруг фермы. Может, снег с крыши свалился, ее засыпал? Нету. А как вечер настанет, по тракту ветер как загудит по-волчьи. Молебен отслужили. «Нам бы хоть кости ее найти, живой-то уж нету». И вот. Вчера искали у фермы, а сегодня вот бабка, она дояркой работала, вышла туда же, где искали, а она, Танька, там сидит, замороженная. Это все до войны было. Им надо было говорить: «Леший, леший, какую взял, такую и нам приставь». Он бы ее поносúл, поносúл да бросил бы живую. Это все факты. *(56)*

51. Мужик пировал. Баба его с пирушки вела домой. Баба ему: «Унеси тебя леший!» — и ушла домой одна. Мужик шел, шел, встретил мужика. Тот говорит: «Пойдем ко мне пировать». Пошли, долго шли. Увидели огонек. Зашли в избушку. Тот мужик ему говорит: «Пировать не будем, раздевайся и ложись на печку». Провалился, когда лег. Проснулся в снегу, рядом валенки. Ноги обморозил. Ноги отрезали. *(49)*

52. Недалеко в деревне Петрована еще семилетним леший водил. За конями его послали, он и пошел. Слешова́ли его. Идет по лесу, видит: старуха большая на пне сидит. А это

леший и был. Петрован потом рассказывал. Дали, грит, мне зайца шкурить. Ну, ошкурил, умею это. Лег спать потом, а леший будит: поешь, мол, потом спи. Просыпаюсь, а он: «Домой тебя зовут. Печку затопили, дым идет. Тебя, значит, в трубу гаркают». Завил, завил дорогу-то мне. «Иди, грит, только не оглядывайся. И скажи в деревне, чтоб не ругали меня». Вот как леший-от водит. *(96)*

53. Ну это опять легенда така была. Мужик репу караулил. Заяц прибежал. Он его, значит: «Понеси тя лешак!» К нему скоро лешак и пришел с кузовом: «Давай садись». Это баушка покойная, жива была — рассказывала. Он унес его куда, ташшил, ташшил

и принес его к избушке, домой. В избушке сидит девка и хозяйка. Там, говорит, сижу, эта девка и говорит: «Ты бери, бери деньги-те, клади». А тама у их целый медник стойт денег, у лешака-то. Но старуха-то увидала, что деньги-то он берет. «Убери, ну-ка, его»,— лешачиха-то говорит. Леший-то тут же и дал ему и унес его, туда же притащил. Это такая легенда ходила, что нельзя, когда заяц бежит, его к лешему посылать, а то он тебя унесет. *(82)*

54. В Тагъяшере одна женщина пошла по воду. Как ушла Прасковья, ждут — вечер уж на дворе. Недели две ходила, а потом пришла, встала у огорода и два дня держалась, никто оторвать не мог. Роди-

тели пришли и домой увели. Потом два дня не говорила, не понимала человеческий разговор. Потом стали спрашивать, где была. Она отвечает: «Я была в гостях, так меня угощали, такие люди хорошие. Я все у них и гостила. А пошла от них по воду-то да их и потеряла. Пошла, пошла да так и ушла». *(46)*

55. Отец пьяный был, мамка сказывала, в туалет пошел. В туалет-от раньше как на улицу ходили. Вот пошел он, ходил да обмарался. Начала мамка его ругать: «Иди, говорит, к

лешему». Да в избу зашла. Вдруг зашумело, погода спортилась. Прилетел дедушко с кузовом. Несется, только елки нагибаются. «Садись, говорит, в кузов!» А там избушка в лесу. Баба длиннушшая тама. Дедушко говорит: «Накорми его». А он не ест. Носился, носился, прилетает: «Жрал?» — «Нет, не трогал ничегошеньки, даже белого хлебушка не отведал». Опять улетел. Он опять не ест. Тут дедушко налетел. «Жрал?» — «Нет, не жрал». Вернул он его на крылечко. *(84)*

56. Случай в деревне был. Одна хозяйка погнала на волю овец. А они со двора не

хотели выходить. Она и говорит: «Идите вы к лешему!» Овцы вышли, а одна убежала и вечером не пришла. Искали, искали овцу — не нашли. А тут по ягоды один дед пошел. Смотрит — возле озера одичавшая овца стоит, вся обросшая. Дед ее поманил, она к нему не пошла. Ее застрелить пришлось. *(24)*

57. Это я слыхала только у мамы. В Урцевой потерялся

парень. Лет семнадцати, наверное. Год — нет, два — нет. Через три года вышел парень этот. На руке-де, я сама-де видела, колечко во все пальцы, только блестит колечко. Где-ко у чертей жил. «Чё делал? — «Где-де свадьба, пьют,

мы с дядей-то пойдем, оне матюкаются все, мы-де всю хорошую пищу-то съедим. А им наплюем, они плевотину-то нашу едят. Вот-де матюкаются да чё». Это парень рассказывал. С бесом-то и ходил, раз уж бес его унес. То ли он ку-

пался, то ли еще чё, потерялся. У лешего жил. Раз дядя, дак леший у его дядя-то. *(16)*

ДОМ ДОМОМ, А ДОМОВОЙ ДАРОМ

Рассказы о домовом и домовихе

58. Сениха сказывала. Дома сидела, ково-то стряпала. Из голбесу кто-то вышел. Больше кошки, а на кошку не похож. Она глядела, глядела да замахнулась на него. Убежал.

Это домовой был. Бывают оне. *(109)*

59. Раньше садились за стол, пили чай: мамка, Аркадий, папка, Фаина, Валентина. Под по́логом в доме был у нас голбец и дырка для кошки. Пьем чай, смотрю: выходит рыжая кошка. Сидела я, вертелась, одна видела, а никто не видел. Под стол кошка зашла и исчезла. *(100)*

60. Вот когда я еще в Дойной-то жила, был у нас на конце села дом. В нем никто не жил. Сколько людей-от покупали его, да все уезжали. Кто ить жил-то в нем, рассказывали. Иногда обернешься, а из спальни двое мужичков махоньких таких выглядывают в большую половину. А как к двери подойдешь, исчезнут.

СУСЕДКО

Вот все из дому-то бежали — боялись. А это, наверное, суседко выглядывал. Он, может, голодный был. Дак ему поисть дать никто не догадался. *(107)*

61. Случай был, с дёминской Марией Антоновной. Они свой дом поставили, не выплотничали, железом покрыли. Только видела: два малюсеньких звереночка выбежали и в избу забежали новую... Ну это, видно, и есть суседко и суседиха. *(74)*

62. У одной старухи батрак землю пахал, а как зашел домой, слышит: шаги, на чердаке кто-то ходит. Поднялся, а там небольшой мужичок в красном колпаке. Домовой дом охранял, пока он робил. *(31)*

63. Тут я, правда, знаю. Один старик бесей знал, знался с имя́. У их со старухой мука по мешкам была, у каждого свой. Он всегда так брал. Себе мешок муки, ей другой отдает. Вот старуха примечать стала: у старика уж полмешка, а у нее еще полнехонек. Пришла она в голбец, спущается туда, а там старик сидит бородатый и вот так вот ладонями муку трескает. *(60)*

64. Сусед и суседиха, его жена. Я не спушшусь в голбец — задавит, задавит. Мне этот сусед приснился во сне,

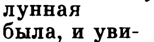
борода вот так, большушшая. Мужики спрашивают: «Сколько тебе лет?» Ему пятьдесят и суседихе больше. Оне в одёже. Одёжа, каки-то были сапоги на ём. *(77)*

65. В доме старушка-домовушка живет. Маша была дома и пела песни. Из-за печки вылезла домовушка и сказала: «Перестань!» Маша продолжала петь. Домовушка снова говорит: «Перестань!» Маша все равно поет. Старушка-домовушка говорит: «Перестань, а то удушу!» Маша закричала, а старушка испугалась и обратно за печку убежала. *(32)*

66. Поженились мы с мужем недавно и в новый дом пошли. Только зашли, тут вышла баба и на меня глядит, маленькая

такая бабочка. Руки в боки уперла, глаза выпучила и не мигает. Я испужалась-то, стою, за мужнин рукав схватилась. Говорю ему: «Гляди, гляди! Что это баба на меня смотрит?» А она исчезла. Вот это суседиха была. *(107)*

67. Мама покойная рассказывала, пятнадцать годов ей было, спала она дома, лежала на полу с матерью и отцом, выйти захотела, а ночь, лунная была, и увидела: женщина вся в голубом, волосы черные, коса длинная и прядет. Около ее мальчик сидит, черненький и стриженый, лет четырех так. Она

шелохнулась, и в голбец все исчезло. *(22)*

68. Я уехала в Соликамск к дочери и долго у нее жила. Вот вернулась домой, ночью заснула я, вдруг слышу, как

меня давит кто на грудь, мне и не вздохнуть. Проснулась, кругом гляжу: нет никого. Я опять лежу. Вот уснуть-то не успела ишшо, гляжу, а из-за печки ко мне мужичок выходит, махонький такой. Подошел ко мне и с ног-то так шшупат, шшупат. Руками-то все выше, выше, до груди дошел да как сдавил. Уж так мне худо стало. Я ему и говорю:

«Суседушко, батюшко, отпусти ты меня. Да я, суседушко, никуда не уеду больше, не оставлю тебя одного». Он меня тогда и отпустил. *(107)*

69. А вот вы, девки, не верите, а я на своем опыте знаю. Я когда Валерия родила, мне его не показывали, а только обсказали, что родился сын. Не привозят, молоко сцедят в со́ски и дают. Всё Петю, мужика вспоминаю покойного. Думаю, все равно чувствует: сын. Он ночью и явился. Я лежу на спине. Я лежу и думаю засыпать. Вот в двенадцать часов свет погас, он и прикос-

нулся ко мне. Под койкой по стене зашабаркало. Одной рукой за горло меня взял. Я хочу его за спину взять, а он не дает. Я слыхала от бабушек — это суседко давит. Я говорю: «Чё меня давишь?» Он говорит: «Ху!» Это к худу, а к добру он целует и за горло не берет. А я стишок знала очень полезный наизусть. Я уж хыркаю, говорить не могу. Как сказала слово «Да воскреснет бог», он сразу ослабился и спускаться стал. Договорила, он хлопнул дверями — стены сдребезжали. Я одна слышала. И этим стишком я отбилась. Он бы задушил. Вот это он и был. Сначала во сне видишь, то, другое обсказыват, а потом въяве является. *(110)*

70. Первого мужика в армию отправила. Ночью было. Вижу, сшумело только за печью, испужалася, чую, как копна катится ко мне. Дак вдруг чё-то надавит на колени, на ноги-то, и в рот мне дунет. А я-то: «К худу ли, к добру ли?» Мне в рот-то и дунуло: «К худу». И вот похоронка пришла. *(93)*

71. Я в больнице лежала, есть не хотела, все лежали в палате и кушали. Вижу перед собой трех баб с белыми волосами, в белом платье в горошек, в синем с полосами, кричу: «Девки, видите, кто-то меня в постель вдавливат!» Они

орут: «Открой глаза-то!» Никого нет... *(100)*

72. Лежала я в больнице. Лежу, слышу: санитарки смеются, громко так. Глаза закрою — с меня кто-то одеяло тянет, открою глаза — нет никого. Снова закрою — снова тянет, вдруг чувствую: мохнатый какой-то под бок подкатил. Я хочу позвать Наташу, санитарка там такая была, и не могу зухать. Потом мне сказали: «Выживает тебя». И правда, скоро выписали. Верь не верь, а вот так получается. *(49)*

73. Дома жила, ребятишками были еще. Родители уехали, братья ушли в клуб, а нас с Сашкой оставили. Сашка спит, а я нет, боюсь темноты. Слышу: кошка спрыгнула, смяу-

кала. Я притаилась. Слышу: шаги тяжелые, как сапогами стучат. Я вся боюсь, вся вспотела. Подходит к кровати, остановился, я одеяло на уши натягиваю. Думаю, сейчас тяпнет. И тут слышу: ребятишки из клуба идут. И — раз! — ничё не стало. *(111)*

74. Когда я училась в Соликамске, жила в общежитии. На его месте раньше было кладбище. Как-то раз девчонки прибрались в комнате, подмели, а мусор не убрали. Легли

спать, а ночью вдруг что-то застучало в шифонере. Они испугались. На следующий день вахтерша сказала, что на

третьем этаже что-то бегало, кричало, ходило так. Домовой, наверное, наказал за то, что мусор не убрали. *(85)*

75. А вот некоторые хозяева в дом войдут, так все кажется, что кто-то пугает. А вот еще соседка говорит: «Спать боюсь. Только глаза закрою, так Тихон Трифонов из погребца выходит и целоваться лезет, с бородой такой». Я говорю: «Это соседушко тебя не любит. Откупись. Скажи: «Соседушко-батюшко, не обижай меня!» Монеток покидай». *(112)*

76. Лошадь у нас была. Стучал ночью кто-то долго в дому́, нам спать не давал. Колотил и колотил всю ночь. Утром мама встала, помелом постучала, положила творогу в дырку и говорит: «Батюшко милости-

вый, какое ты нам горе принес? Какую беду принес?» Он еще три раза постукал. Федя поехал, лошадь под ним и преставилася. Только положил бревен,— она уже была плоха,— только положил, лошадь помчалась аж по всему Соликамскому тракту, добежала до поленницы у завода и пала. А тут татары работали, побежали и давай стучать по ушам. Федька добежал, а лошадь уж мертвая была. Сдал он ее на мыло. *(101)*

77. Вот у нас отец имáл суседко-то. Его стал давить суседко. Он-де встал и пальцы ему в рот, поймал его, держит:

«Девки! Девки! — Мы две девушки были.— Давайте огонь доставайте!» Мы закопошились, а он-де как подёрнется, только пальцы сщупкали, убежал. Ну я уж такое не встречала, никто меня не давил. *(16)*

78. Пришла раз с вечеровишша на полати, еще поела. Чую, как ввернет по полу веретенушко. А ишшо синенький маленький огонек горит. Я чёто взяла и голову высунула — так все и пропало. А утром-то я спрашиваю: «Ктось вчера прял?» — «Никто»,— говорят. «Идите смотрите, у кого прялка в соска́х». Посмотрели, дак

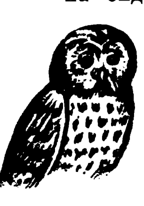
вся бородка исполосована. Не благословясь веретено оставили. Вот как. *(93)*

79. Мама пряла. Они с отцом спали на кровати, а мы на подстилке — все ребятишки. Когда мама придет в прялочную, положит под столик простеночный пряслицу, тогда идет спать. Так вот, мы спали, я приоткрыла глаза. Зимой темно, вижу: идет из-под голбца маленькая бабка в сарафане и рубахе, в платочке. Подходит, берет прялку и начинает прясть, потом положила и пошла. Я поползла за ней на четвереньках, она ушла в голбец. *(100)*

80. Есть, говорят, суседихато. На пряснице она прядет. Было раз у меня. Я пряснииу

не перекрестясь поставила, она села и прядет, а веретешко так выговаривает: жар-р, жар-р. Страшна́я она. *(61)*

81. Домовой предвещает беду, он в каждом доме есть. Один раз бабушка рассказывала: сплю-де и слышу — жужжит веретено, а кто прядет у меня, боюсь посмотреть. Потом все-таки глянула и вижу, что на шестке свеча горит. Подняла голову, а там женщина сидит, суседка-то. Прядет да прядет. Бабка молиться начала: «Господи, помилуй, мя, грешную». И не стало ее. А после этого корова у нас пропала, спряла корову-то. А пряла-то она бойко. *(45)*

82. Домовой-то топат, шаги страшные. Ухат человек. А еще пряха он. Спали я да Татаркиных сестра. Вместе лежим. Она мне и говорит: «Ты, Манюшка, спишь? Слышишь, за пряхой шерсть прядут?» Пошли мы посмотреть. А суседко-то уже много на веретешко напрял. Намусолил сильно. Но самого-то мы не видели, не успели. *(126)*

83. У меня был ребенок, ездили крестить в Камгорт. А раньше зыбки были,— вы уж их не видели,— зыбки эти весятся против печки. Из-под печки вдруг вылетит — и под зыбку, и под лавку — одна курица и вторая. А кто их гонял? И никто не гонял. Я сколько жила, такое не видела. Суседко, не иначе. *(2)*

84. Ночью, перед тем как Сережу взять на фронт, ветер задул в избе. Курицы в доме под шишко́м жили за печкой.

Спать легли на печку, ветер задул, раздался мужской голос: «Что вы делаете!» И кто-то курицу из-под печки выкинул в угол комнаты. Встали. Курица сидит, а ветра не стало. Потом мужа забрали в военные лагеря, еще до войны. На войне он погиб. *(43)*

85. Дворовому хозяину напрашиваться надо, когда скотину запускаешь тожо. Ведь вот старики говорят: берешь лошадь или корову, заведешь

во двор. «Пусти, дворовой хозяин, мою скотину. Пой, корми и ухаживай!» — скажешь ему. Скотина не пужается, ухаживает он за ней. Он ее не принужат, а не напросишься, он ее изнурят, корм у ее берет, ее морит и на ей ездит. Она вся мокрешенька во дворе. Это есть таки факты. *(13)*

86. Брат мой видал суседко. Братишка мой, семнадцать лет ему было, шел как-то домой поздно вечером с улицы. Видит: суседко сено кобыле дает. Из себя он — маленький старичок. Видно, суседко любил кобылу. *(87)*

87. Вот у нас раньше было тут. Уехали у нас одне, никого дома не осталось, а скотина-то не ревет. День прошел, другой. Вот соседи-то и реши-

ли подсмотреть, в чем тут дело-то. А того не знают, что это домовой с домовихой всю скотину кормили. Глянули они во двор, а там домовой с домовихой катаются. Вот и поняли, почему скотина не ревет, кто ее поит, кормит. А суседко на всех обиделся и ушел со своей суседкой из дома. Так скотина потом три дня ревела — смотреть-то за ней некому стало. Вот так у нас было, а щас этого нет ничего. *(107)*

88. Суседко в каждом доме есть. Он дом метет. Суседко, которую скотину не залюбит, по конюшне гоняет. Нужно пеструю лошадь иметь, такую не гоняют. У одного мужика лошадь была. Она каряя. Ничего не ела. Он придет в конюшню, а она едва живая. По-

том он эту лошадь продал, купил худенькую, но пегую. Она стала, как печь. *(113)*

89. А мы вот только скотинушку покупали, заводили ее в хлев, говорили: «Суседушко, матушко, прими-ко мою скотинушку. Люби ее, уважай ее!» А иногда утром станешь, ну корова вся сырая, вся в мокре. Или у меня коза была. Утром пришла во двор — чудо: сено было как-то сплетено и к ноге привязано. Я думаю, чё это у меня коза ногу волочит? Посмотрела: веревка навязана, ее ведь и не развяжешь, так выплетено было. Пришлось разрезать. Но так руками не сделать. Чё-то это есть! *(97)*

90. А это плел косы лошаде на гриве суседко-то. Какой-то дворовой, чертенок такой. Или вот шерсть вышшиплет. У коровы, у лошаде, может, шерсти не будет на этом месте, кожа одна будет. Когда-то я вот слыхала от отца: ночью-де надо в полночь выйти, он-де там — чик-чик-чик-чик-чик-чик — прядет шерсть-от, дак спина вся обглодана, шерсти нету у овец. Вот сейчас у дочере овцы есть. Овца вся голая почти что, так это этот обдирает, весной-то, в апреле месяце. И вот она выйдет во двор в полночь, есть ли чик-чик-чик-чик — поглядит, а кружок-то на овце вот такой. *(9)*

91. Баба у нас была шибко вредная и скотину обижала.

Корова у нее добрая была. Вот поставила она корову в хлев-от да спать легла. Видится ей во сне, что мужик сидит подле коровы и доит ее. Утром встала, пошла к скотине, доить стала, а молока-то нет! То, видно, суседко ее наказал. Скотина-то она ведь тоже живность — нельзя ее обижать. *(90)*

92. Суседушко у меня хороший был, доброй. Я вот, когда переезжала в этот дом, в старом доме по́дпол открыла и сказала: «Суседушка-браток, пошли со мной!» Сейчас он со

мной в этом доме живет. Когда у меня сестра умерла, суседушко-то мой даже плакал, жалел. *(87)*

93. Сусед-то — бес, бесишко он. Я его не видела, он не покажется. На новое место его зовешь: «Суседушко, вакедушко, пойдем с нами на новое место!» Я его спросила, а он только «бу-бу-бу» сказал, не к добру, значит. Вот у сестры Марьи мужика-то и убили после этого. Суседко всегда в голбце живет. Он маленький, как паренек какой. Марья видела, как на лошаде скакал он. *(26)*

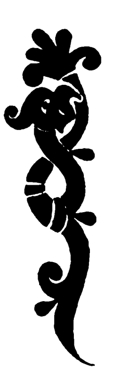
94. У Ординых домовой был. Вот они стали переезжать, и его надо было с собой взять. Так они лапоть в печь бросили и кричат: «Домовой, выхо-

ди!» Затем лапоть в полотенце обернули и на новую квартиру принесли. А на новой квартире налили стакан воды, взяли кусок черного хлеба и вместе с лаптем положили в печь. Если утром из стакана убудет и от куска откусано, то домовой здесь, а если нет, то повторяли все сначала. *(33)*

95. Мы еще маленькие были. Собрались мы в одной избе и начали суседко звать. А потом спать улеглись — кто на полати, кто на печь, кто на лавки. Ночью в избе кто-то ложками

застучал. Свет включили — никого. Не знаю, может, суседко и был. *(95)*

БАННАЯ СТАРОСТА, ПУСТИ В БАНЮ ПОПАРИТЬСЯ!

Рассказы о баннике

96. У нас в бане за каменкой банник жил. Его Митькой окаянным звали. Мы перед призывом в армию вытягивали его веревкой из бани. Сначала его концом веревки дразнили. Он

хайлом как схватит, разозлится, потом как дернет веревку, мы все попáдали. А сам он весь из шерсти, лица, рук, ног нет. *(62)*

97. У моего двоюродного брата в бане черти мылись. Давно это было. Вот налили горячей воды, взяли веник и давай париться. Он из клуба шел, услышал, что гремит в бане что-то, заглянул, а там такие волосатые с хвостами. Он испугался и убежал. Потом пришли в баню, а в тазике вода и веник чуть живой. *(114)*

98. Женщина одна рассказывала. Пошла она как-то в баню взять что-то. Подходит к бане,— а она ночью шла-то,— и чует, что она горячая вроде. Приоткрыла дверь, а оттуда

БАННИКЪ

пар валит, и будто вениками хлешшутся. Закрыла она дверь и убежала. А это банный староста сам парился. *(63)*

99. Соседка, она у нас раньше жила, рассказывала, что, когда была маленькая, у них было семь человек, кажись, семья, и вот когда после шестого человека она пошла в баню, разделась уже и слышит: на полкé кто-то парит ребенка, ребенок ревет, короче. И веником кто-то парит. А это, говорят, была банница. Та перепугалася и побежала домой. А потом сказали: когда заходишь в баню, в старую, в черную, то надо говорить: «Банница, пусти помыться». *(15)*

100. Парень с девкой ходили. Как-то раз девка ему посу-

лила, что в баню ночью придет. Парень-то сидел, ждал-ждал ее в бане, вдруг поблазнилось ему, что она зашла, а вроде и не она. Он выбежал быстрее. На следующий день у девки и спрашивает, приходила она или нет. Она сказала, что нет. Блазни́ла это ходил. Дьявол этот в двенадцать часов поднимается. *(88)*

101. Женщина одна в Усть-Уролке живет. Она еще от порчи лечить может. Сама она сказывала. Истопила баню поздно уже. К ей одна женщина ходила мыться все время, а в этот раз не пришла. И вот по-

шла она одна в баню, думала: «Я-де одна помоюсь в бане хорошо!» Только начала мыться, а ей с потолка на голову словно грабли тянутся. Она испугалася и домой побежала. А это ее банник страшшал за то, что поздно в баню пошла. *(63)*

102. У нас когда-то отец сказуливал. Мы, грит, пробе́гали, женихи были с братом, пошли в баню в двенадцать часов мыться, разделися, моемся. Из ведра мылися. Вот, грит, кто-то стукает, брякает, вот брякает. Мы, грит, остановилися — все равно бренчит. То ли под полко́м, сказал, то ли где, не знаю. Остановились, не моемся, дужку придавили — все равно бренчит. Ну и вот, пошли за

баню — никого нету, зашли в баню — все равно бренчит. Мы, грит, живо это, голову намылили, смыли и убежали из бани. *(42)*

103. А я когда-то лен мяла, вот теперя расскажу. Раньшо мяли, чесали да трепали лен, вы ведь не помните. Я говорю: «Мама, разбуди меня в четыре часа, я пойду». Я ушла в четыре часа утра. Пришла в баню, да жарко. Чё-ко опять

легла на лавку. Видится мне во сне: пришел китаец, меня под задницу пинает. Я встала. Встала, вижу: под полко́м шшенок ревет. Ну, под полко́м-

то земля была. Я этот трепала, трепала лен, он все равно ревет. Стала мять лен. Прямо вижжит. Я взяла тогда — ну, тогда молодая была еще, ни зла, ни ума, не боялась никого — принесла куштáн и давай копать эту землю под полкóм. Всю ископала землю, а на средине стоял столб. Столбик такой вот — полóк приколачивают. И он ушел вот под этот, под столбик и замолчал. Я прихожу домой. «Я больше в баню одна не пойду рано»,— грю. Отец дома был, мать была. «Сёдни, грю, какой-то шшенок под полкóм ревел». А они: «Это, наверное, червь в бревне скрипела».— «Нет»,— грю. Все равно я рано не стала ходить. *(42)*

104. Ходила в баню с мамой.

Думаю: постираю. Пошла, вымылась, думаю: потом постираю, опять скупнýсь. Мама часто заходила в баню меня проведать. Слышу, когда мама ушла, шестом — раз! — по углу, раз! — по другому, третьему, четвертому, раз! — кирпичи от трубы падают. Обращать внимания не стала. Собираю белье, только отвернусь — пыль и песок, кирпичи взади меня сыплются. Было так, пока белье не сложила. Потом, пока шла из бани, закрыла сад, баню и дóма в сени дверцу,— все шел кто-то за мной. *(100)*

105. Сейчас везде благодать снята, теперь ведь в бога не веруют, может, часть и верует, а большинство не веруют. А у нас мама все говорила: «Ой,

милая, ты бога не лишайся! Бог есть, и он своим делом ведет. Он теперь невидимый, теперь пророков нет, никто не знат про бога, а ты знай — в душе имей, носи крестик». Я и ношу. В церкву. У нас церковь-то далеко, в Чердыни. Ну и вот, мама-то говорила: отец парнем еще был, с ней не жил, перед последним временем, как жениться, шел откель-то из Рожнева. Девок там раньшо в банях сидело да в домах... Шел и вдруг на дороге, — тут на Бобыке были много бани настроены,— грит, в окно кто-то постучал, он, грит, увидел синенький огонек в бане. Зашел — там никого. Когда двери стал закрывать, ему кто-то

из бани сказал: «Не уходи. Ты нам нужен». Да и я, грит, как бежать, как бежать туда под гору, в деревню, до самого дома. Домой пришел, брату рассказал. Он: «Ой, Сенька, Сенька, ты женишься — это не к добру. Чё-то у вас получится». Ну вот он прожил с ней сколько, нажил детей да умер. У их дом сгорел, да он перепугался, и с сердцем стало плохо. *(8)*

106. Вот мне рассказывали: жила тут девка одна — вон, где угор сейчас. Ну и пошла она однажды баню топить.

Только-от топить-то начала, слышит, голос какой-то ей говорит: «Топи баню жарче, чтобы кожу снимать ловчее!» А она, глупая, баню дальше топит. Вот вытопила баню-то, пошла та девка с матерью. Ну, вымылись оне, вышли уже. Девка-то и говорит: «Обожди, я повóдник там оставила. Пойду заберу». Мать ей отвечает: «Да брось ты его. Завтра возьмешь». Та не послушалась, всё одно в баню вернулась. Вот мать-то подождала ее да кричит: «Где ты долго?» А та отвечает: «Сейчас, сейчас!» Сама из бани-то не выходит. Мать опять ей кричит: «Где ты долго там?» Девка-то опять ей: «Сейчас, сейчас!» Три раза ее мать звала, а потом видит: плохо дело. Она мужиков-то в

баню и послала. Они вошли туда, видят: девка-то наполовину уж ободрана. Черти-то ее предупреждали же, не послушала. *(115)*

107. Банники людей давили. Мне уже не блазнило, люди рассказывали. В бане давили, на полу. До смерти-то не давили. Еще мы жили вместе, две сестры были. Пошли-де париться с имя́. Вот-де, гляжу,— это брат говорил, он тогда маленький был ишшо,— вот, гляжу, девки, Клавдия да Груня, лезут в каменку. Я-де их вышвырну, возьму-де их выдергаю, опять-де в каменку лезут. До того-де дошло, что я их на улицу вы́бросал. На улицу. Ну, не знаю, зачем лезут в каменку. Кто-то их-де тама волок. *(21)*

108. Одну женщину маленько не задавили в бане-то. Это оне жили по Якшерскому тракту, на конторе. Брат с сестрой жили, ну и жена у него там

была. Истопили баню. Пошли мыться. Видно, вымылись, пошла сестра-то. Вот сестры нет, нет чё-то долго. «Ну-ко, парень, бежи, чё она там долго моется?» Парень-то прибегает: «Папа, папа! Она там под полко́м». Черти, конечно, ее на каменке-то растянули да под поло́к и бросили. Оне бы ее под полком еще бы дальше и замучили. Вот это был случай. *(16)*

109. В Лубянке рожёнка ушла в баню. Ребенка вымыла, муж ребенка и унес. А около бани брат дрова пилил. Вдруг в бане забрякало, брат мужа крикнул. Муж в баню заходит, видит, а жена в каменку по пояс затолкана. Это бес ее так. Сырой женщине в бане нельзя одной оставаться. *(89)*

110. Свекровь рассказывала. Раньше ребенка ро́дили, тожо в баню ходили. Пошли в баню молодуха со свекровью, пришли, а мыло-то забыли. Свекруха ушла за мылом, а молодуху-то оставила. Она пока робенка разворачивала. Заходят в баню два солдата. Один говорит: «Бери ее». А другой: «Нет, не буду ее брать, у ей младенец на руках». И стоят, тот за-

ставляет, а этот говорит: «Не буду я ее брать». А эта бежит с мылом-то, и вдруг их не стало. Дак та говорит: «Я стою вот как немая, свекруха-то не знат ничего». Потом молодуха-то скорей-скорей ребеночка вымыла и скорей из бани-то бежать. Вот нельзя молодых-то в бане оставлять. *(97)*

111. Вот еще мамка сказывала. Молодая девка была. Интересно все было. Вот и доинтересовалась, понесла. Рожать подошел срок, дома и родила. Пошли они в баню ребенка мыть. Пока молодая вождяхалась, баба решила хлеб поставить. Са́дит она хлеба, глядит в окно: в баню востроносые шапки заходят, ноги волосатые. Около молодухи

вертятся, всё к ней ладятся. Бабка когда пришла, дверь отворила — и пропало все. *(84)*

112. Это было в Па́жгино. Я там рыбачил во время войны. Я к бабкам пришел, бабки там соберутся в одну избу и это всё рассуждают. Я пришел как-то к им сидеть вечером. Они всё рассуждают: вот, грят, факт был у нас. Раньше в избах не давали рожать, в банях рожали родильницы. А в баню идти — надо набиваться к

банной старосте. В баню, во двор ли, где у них, грят, хозяин. Вот они стали рассказывать, у меня на голове воло-

сы заподымало. Ужасно было. Две родильницы в одну ночь слегли в баню. А в баню-де если не напросились, банник родильниц-де задавляет. Так эта, которая-то, напросилась к банной старосте на две недели. На сколько ты идешь, у банной старосты напрашиваешься: «Банная староста, пусти меня!» Ну, на квартиру к ей, как говорится. Она будет хранить. Вечер пришел, поздно, часов двенадцать так, наверное, близко. А у ее-де маленькой огонек мигает на лавке. Она с ребенком лежит. Однаде (банная староста) пошла к другой: «Подруга, пойдем ко мне». А та-де: «Зачем?» — «У меня сёдни там родильница. Надо нам ее с тобой задавить». А та отвечает: «Не, я не пойду,

девка. Ты как хочешь, иди, я не пойду. У меня квартиранка. А ты иди сама одна — делай, как хочешь!» Утром встали. Действительно, та родильница задавлена. Ребенка не задавила, ее задавила, младенцато не задавят — он безгрешен. Эта напросилась, а та, видать, нет. *(13)*

113. У нас сноха родила маленького. Она пошла мыть его в баню. На лавку положила его, раздевается, заходит в саму́ баню, а там шапки вострые красные, ноги мохнатые — большой да маленький. Она, видать, молитвы-то не знала, еле-еле сама-от убежала оттудова. *(86)*

114. Мать моя была сирота, мачеха была у ей. Пришла она рожать в баню с баушкой. Ро-

дила двойню. Баушка утром и говорит: «Посиди, я домой схожу, пошлю к тебе девчошку или мужа». Сидит она, заходят две женщины, одна с веником и тазом, другая просто так. Одна другой говорит: «Давай ребятишек унесем!» Другая говорит: «Запарим!» Спорят и спорят, и нет между ними согласия. Пришла в это

время девчошка ее, они и исчезли. Прибежала, говорит: «Сейчас тятю пошлю». Так нет, не осталась мачеха, пошла, посреди огорода ушла, муж за ней прибежал потом. *(116)*

115. Бабушка моя сказывала. Пошла одна женщина в баню, а говорят, что нельзя роженице одной в бане мыться. К ней банник вышел, а она моет ребенка, ей кажется, что мать пришла. А он и говорит женщине-то: «Сними крест, убей ребенка!» Да тут настояшшая мать-то пришла, и банник исчез. *(63)*

116. Девка была у нас в тягости. А мать у нее неродная была, она ее боялась. Ушла в баню — там рожать хотела. А у нас в то время вечер колхозный был. День работаем, а вечером собираемся, гуляем вместе — и девки, и парни. Ну вот, баня-то рядом с клубом стояла. В баню-то зашли — рев ее кто-то услышал. А когда зашли туда, она мертвая бы-

ла, и ребеночек тожо. Головой к каменке лежала на полу, а пол-от весь исцарапан был. Беда красивушша девка была, шибко бойка. Люди говорили, банники задушили. *(86)*

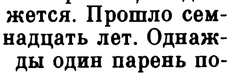
117. Поздно-то нельзя в баню ходить. Говорят, банники там. Пока роженица в церковь не сходит — в баню ходить нельзя. Один раз пошла ро́жинка в баню да долго не выходила. Когда пришли, то увидели, что она уже мертвая. Ро́жинка-то в церковь не сходила, вот и задавил ее банник. *(57)*

118. Пошел парень в баню ворожить. И вот кто-то в него вцепился и не отпускает. Он смотрит: вот девка перед ним. Она и говорит: «Замуж меня возьмешь, тогда и отпушшу».

Парню нечего делать, согласился. Она ему тогда наказывает: «Приходи в двенадцать часов ночи в баню со сватами. Выйдет нас двенадцать девок, а чтобы ты меня отметил из всех нас одинаковых, я ленточку на плечо себе пришью. И с каждой стороны будет стоять по три мешка. Так ты возьми те, что справа». А может, слева она ему сказала, я уж не помню. А в мешках-то деньги были, приданое ее. Он так и сделал. Вот свадьбу сыграли и сколько-то прожили, она и говорит-де: «Поехали к моим родителям». Парень с родителями поди-

вились: «Да куда ехать-то?» А она все пристает. Ну, те согласились. Ехали, ехали, остановились у одного дома, вошли. Глядят: женщина сидит, зыбку качает. Девка к зыбке подошла да как швырнет ребенка к порогу: «Кого растите!» А ребенок-от вдруг поленом стал. Подмененный, видимо, ребенок был. А настоящая девка у банницы росла. *(107)*

119. В бане живет банница. Она злая. Однажды она подменила ребенка. Женщина в бане рожала, а банница его украла. А той положила ненастоящего ребенка. Он ест и спит, только не растет, не дви-

жется. Прошло семнадцать лет. Однажды один парень по-

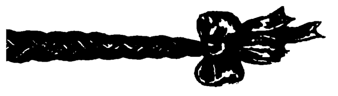

шел в баню. Его поймали черти и захотели убить. Пришла банница и отобрала его у их. Повела его к себе и говорит: «Выбери себе не-

весту, а то убью!» Перед ним на лавке сидят девки, все улыбятся. У них зубы желтые, только у одной белые. Он взял эту, с белыми зубами. Вот они повенчались и стали жить. А девка-то пришла к той женщине, у которой ребенок не растет, схватила его и бросила через себя, а он покатился и стал чуркой. А девка и говорит: «Это меня подменили, ведь я твоя дочь». *(15)*

120. Мама моя случай рассказывала. Родился ребенок и не растет. Ест, а не растет. Поповский ребенок-то был. Восемнадцать лет пролежала в колыбели девочка да такой и осталась. Потом у той семьи, как двенадцать часов наступит, в малой избе свет зажигается. Утром приходят — никого нет, а полá вымыты, все чисто. Работника попова послали туда ночью посмотреть. Пришел он, залез на печку. Открывается половица, девуш-

ка выходит красивая, начинает прибираться. Потом говорит: «Ну, выходи, молодой че-

ловек, или боишься? Выходи, бери меня замуж!» — «Ты, может, чертовка?» — «Нет».— «А венчаться будем?» — «Хоть

сейчас». Пришли к попу: «Венчай нас!» Обвенчал. Девушка в избе сидит и спрашивает: «Что в зыбке-то?» — «Ребенок».— «А сколько лет ребенку?» — «Да вот уже восемнадцать лет не растет». Девушка взяла ребенка на руки, перекинула через левое плечо, тот поленом обернулся. «Я ваша дочь, говорит, меня чертовка украла и восемнадцать лет воспитывала. И приданое припасла». Под пол пошли — там сундук стоит. *(116)*

121. У нас у бабушки был сын. Ваней звали. Она его родила дома. Потом она истопила баню. Баня у них,— жили они дико,— около речки баня была. В бане-то у нее холодной воды нету. Ребенка-то положила, пошла ведерко воды принесла, ну, две-три минуты. Ребенок ревет. Домой пошла: все ревет-ревет, ревет-ревет. День и ночь ревет. В люльке качает — ревет, не качает — ревет. И вот пришел цыган — на квартиру к ним попросился ночевать. Глядит на ребенка и говорит: «Ой, Танюша-Танюша, это не твой Ванюша. Давай топи баню. Я тебе его выменяю. В какой ты бане его

сменила?» — «Да, говорит, в своей бане». И баню стопила. На третью баню токо ребенка-то достали. Ой, он спал сколько суток, не просыпался! Первую баню он (цыган), значит, делал, ему его не отдали — то свинёнка выбросят, то голубёнка выбросят, то веник сухой выбросят. На вторую баню также. На третью баню выменял. Скорее дверь закрыл. «Бежи, говорит, не оглядывайся!» Еще там сидит скока, отговаривается. «Вот, говорит, нá тебе Ванюшу. Это, говорит, у тебя был не ребенок, а веник, говорит, был». Веник был брошен. Вот он и шумел, веник-то. Ревет: качает — ревет, молоком кормит — ревет. Он сухой, ше-

буршит, а кажется: ребенок ревет. А ребенка всего измучили. Вон, чуть тепленький. Так трое суток спал. Парень был. Банник его подменил, пока она за водой ходила. А тожно цыган говорит: «Купи мне шаль большую». Эти большущие шали-то были. А у дедушка была лошадь. Говорит: «Свези меня до Ныроба». До Ныроба свез и шаль ему большую дал за то. *(3)*

122. У моего свекра был брат Александр, они умерли уже все. Дак баба его родила в бане робенка, девку, и говорит, еще пошла когда, свекор-де: «Иди с богом, может,

тебе кого бог даст». Она там родила девочку, а не было ножниц, надо было пупик от-

резать. Она по ножницы пошла домой. Пришла, а маленькую-то не узнала — ведь не знает, та переменная или нет. А она у ее была страшная такая, ничё не понимала, рот откроет большущший, язык выставит. И вот до двадцати семи лет прожила, не знала, как ее называют. Страшна́я-страшна́я. Баба-то грит: «Подмененный у меня ребенок». И когда,— эту

девушку Надей звали,— умерла она на двадцать седьмом году, ей привиделось во сне на девятый день: грит, столько детей там, ограда-де белая, в оградке-то столько детей! И у всех-де цветы в руках, и все они с бумажками ходят, кто читает, кто пишет. А я-де подошла к оградке-то, она меня

кличет: «Мама, иди сюда!» Я-де подошла, она по-за оградке ходит. Я говорю: «Надюша, те-

бя чё не пускают-то?» — «А двери на замке закрыты. Меня не пускают». Я-де подошла, и верно — на замке. Я-де

воспитательницу кличу: «Подойдите сюда, ко мне». Из них-то никто не подошел. А потом мне попалась женщина — идет навстречу, туда. Я-де говорю: «Почему мою Надю не пускаете?» А она-де говорит: «А она не наша. Нам ее не надо». Не наша — значит, переменная была. Ой какая страшна́!.. Так, видно, положено ей было столько прожить. В оградке-то маленькие все, они уже умер-

ли. В райских дверях они, видишь, в царстве. А Надя по-за царством. По сну-то. *(8)*

123. Я вот от свекрови своей слышала. Одна баба родила парня да на второй день мыть его пошла. А воды-то в бане нет, она его на лавку положила, а сама за водой побежала. Приходит, а парнишка-то под лавкой лежит. Когда его достала, совсем не такой оказался, какой был. Они осиновое ко-

рыто сделали, сверху им ребенка накрыли и рубили до трех раз. Через день помер. Стало быть, ребенок подменен-

ный был. А раз подмененный, то не жилец. *(107)*

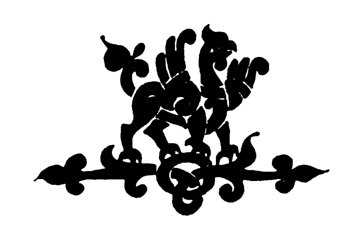
124. Вот еще. Когда я сюда приехала, первый год жила,

был у нас мужик один. Ох, не помню уж, как его зовут-то. Ну, он в чертей да колдунов не верил. Все отвечал: «Брехня это все. Ничего такого нет. Я, говорит, сам черт». Вот пошел он в баню однажды. А после двенадцати часов пошел. Потом сказывал: пришел к нему черт в виде дядечки. Он схватился с ним. Мужик-то сильный был. Черт-то его все на каменку метил бросить. Боролись, боролись, не смог черт его побороть. Размахнулся им

да как бросит его в дверь, так косяк-то и вылетел. Мужик-от тот три дня лежал, без языка был. Только на четвертый день и отошел. *(115)*

ХОТЬ И НА ГУМНЕ, ДА НЕ ТОЛЬКО МОЛОТЯТ

Рассказы о духах гумна и овина

125. За людьми-то железны печки бегали. Вот это я слыхала. Тамака Федя-пастух жил, сказывал. Бежала печка за девкима. Она бежала, бежала, а тут раньше едино-

лично жили, сани-то у всех стояли под окошкима. Бежат-де: «Девка, на кобылу! Девка, на кобылу!» Девка на кобылу набежала, тут и дух отдала. Печка-то бежала, кричала. С гумна-де бежала, с гумна. Это еще до нас, это мы слыхали от старых-то людей. *(21)*

126. Вот печка бегала за людьми. Печки топятся да бежат за людьми. Это ж на Святки тожо было. Печка бежит за девками: «Девка, иди на конь! Иди на конь!» А тут сани запряженные, гуляли Святки. Девка на сани набежала, на кобылу бросилась, дак померла на ей. Печка-то с гумна бежала. (17)

ДУХИ
ГУМНА и ОВИНА

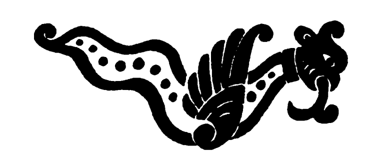
127. Я маленькая еще была. Мы по овинам-то лазали в Сусае-то, девки-то ворожили. Вон там рассказывали: он, грит, с овина-то все снопы повыкидывал, все. Я щас припомню — мне было лет семь-восемь, в аккурат было Рождество. Девки пошли туда, залезли в этот овин-то, он, грит, такой чумазой вылазит. «Вы зачем сюда пришли?» А они, грит, бежать, а он за ними. Они кто с визгом, кто в обморок попадали там, а потом в деревне-то в аккурат какая-то свадьба была. Колокольчики-то побренчали, он исчез. Ой, они боялися! *(14)*

128. На овине тожо есть хозяин. Хозяин овина. Вот я хо-

дил на овин, напрашивался, там идешь ночью ведь. «Пусти меня, хозяин овина, спаси меня. Я иду топить камницу». Камница там, как в бане черной, дымища. Люди-то его не видят, а ты знаешь, вот и напрашиваешься у хозяина, он с тобой не разговаривает. Всё ведь от старых людей взято. Видимо, раньше людям показывался. Он может в лошадь показаться. А если он тебя в овине-то невзлюбит, то он тебе рога по-

кажет только, а сам не покажется. Это мне бабка, она бравенькая еще была, рассказывала. *(13)*

ВСЕ ЧЕРТИ ОДНОЙ ШЕРСТИ

Рассказы о черте, сатане, дьяволе

129. Сама не помню. Вот женщина рассказывала. Не верите, а правда! Мне семь-восемь лет было, когда рассказывала. Раньше каждый дом по ночам дежурил с колотуш-

ками и в городе и в деревне. Дети дежурили до двенадцати ночи, а потом взрослые сменяли. Она подошла к нам, принесла горох и бобы, рассказывала сказки и былины, а мы не верили. Всего, что рассказывала, не помню. Помню только это: «Иду я под гору на Надымовский косяк. Ходила за реку корову доить. Корову не нашла. Поздно было уже, часов двенадцать. Кое-как переехала через реку. Иду, страдаю, что молока нет, иду, плачу. Одна жила, муж в войну погиб. Слышу: идет кто-то. Обернулась — нет никого. Несколько раз так.— Мы и есть перестали, нам страшно слушать.— Потом обернулась: идет мужик за мной. Рога вот такие, одежда черная, и хвост

ЧЁРТ

по земле волочится. Это леший был. Ноги подкосились. Он меня не догоняет, остановлюсь — и он стоит, боюсь подниматься. Тогда перекрестилась, и его не стало нигде. Потом пошла в город, а жила далеко. Иду, кошка черная бежит, глаза, как огни. Хотела ее схватить — никого не стало». Потом еле дождались мы, когда сменили нас взрослые. *(4)*

130. У нас поговорка раньше все время ходила: «Идите-ка на луга, на озера, шуликины сегодня повезут шелк». Как-то один мужик к озеру пошел, идет и видит: мужик с возом. Этот подумал: «Господи, осоку везет!» Матёрушший воз. Он возьми да зачурай-де: «Чур-де, мое». Оказалось, не сено, шелк-

де. Мужик если зачурал, дак попользовался, наверно, попользовался. *(29)*

131. Это я вам, девки, всю правду расскажу. Я ведь ей подруга была, Кате-то. Тожо лешак-от ее мучил. Раз как-то поехала с бабами зимой по дрова, Марья ишшо с нею была. Так ведь страх какой! — как круг костра объезжать стали, оглобля вдруг сломалась. Марья ее всю дорогу ругала: «Зачем о бесе думаешь!» И при мне тоже было. Бабы ведь потом забоялись с ей ездить. Тут раз мы дрова рубили. А березняк кругом гнется, и чудно́ так: ветру-то нет. А собака с нами была, так ведь она на этот березняк лает и

лает. После, как обратно домой ехать, Катя и говорит Машке — так собаку звали: «Ты ведь, Машка, на беса лаяла!» *(20)*

132. У нас Тименская тут деревня, ты ее знаешь. У одной мужика взяли в армию. Его в трудармию забрали, а она об ём переживает. «Вот был бы Артёмушко, а то ведь мне надо жить как-то. Гдеко щас голодует всё, бедный». И он по дороге через Орловскую к ей пришел. Вечером поздно. Мисяц был, светло, грит, светит. И чё-то об ём подумала, а он уж у́хат ей: «Анфиса! Перевези меня!» Из-за реки перевези, дескать. Ну она радешенька: Артём-от пришел! И — раз! — со всех ног броси-

лась на реку, весло схватáла — и в лодку. Повезла его на свою сторону переводить. Смотрит: перед ней сидит, а ти́ни нет. Так догадалась — помсти́ло, значит. Ну она вытерпела. Дьявол все равно не мог узнать, что она видела. Ведь она тожо в килях (кельях) была, воскресну молитву знала, раньше девы в килях шли молились, молодые были девчата, а потом, когда кили все разогнали, девы все вышли замуж. Когда на свой-от берег выехали, она у берега-то остановилась, воскресну молитву стала читать. Он говорит: «Хитра стерва! Ты бы мне в реке, я бы тебя перевернул». И всё — потерялся. *(13)*

133. А Гавриловна, говорят, она все умела делать. Так она

с окаянным жила, Гавриловна-то. Да, вот на кладбище стоит избушка, она там век прожила, эта старуха. И она с ним жила, с окаянным зналася. У

нас была сестра учительницы, вот она и говорит: «Прошел слух, что Гавриловна на кладбище умерла». Тогда она еще не умерла, живая была. А я, говорит, я к ней ходила и там у ней ночь спала. Она, говорит, меня заставляла ночевать. Вот в двенадцать часов ночи она кругом закрылася и посадила меня. Ну у нее там, видно, западня и голбец. Посадила

меня на голбец. Я, говорит, сижу на голбце, а западня — вот. Открыла и говорит: «Вот щас пойдут люди из голбца, и твой Петро выйдет — ты его только за рукав держи. Он остановится». Господи, говорит, сколько мужиков! Какой выйдет, тот и на улицу идет. И идут, и идут. И все Петра нету. Потом вдруг Петро вышел. Я, говорит, дернула за рукав — он, говорит, в сторонку встал. А остальные все идут и идут, идут, и идут, и идут. Прошли, говорит, а она дверь закрыла, а

Петро-то остался. «Ну, говорит, ложитесь, спите. Я, говорит, тут постелю́ посте́лю. Ложитесь, спите и разговаривайте. Будешь его провожать, так мне скажи, чтоб я за ним закрылася». И потом, видно, двенадцать часов прошло, дак она его проводила. Это она его присушивала, чтоб он с той жил. Он был заключенный, вольно поселенный. Отбывал тамака. И так — он потом освободился — с ней жил. Гавриловна умерла на русской печке. Совершенно голая, раздета. Язык вот так вот выставлен у нее, и вот так вот вбок. *(3)*

134. Ночевала как-то у меня женщина. Она за Чердынью

жила, а здесь с машинкой швейной робила. Так у нее мужик умер. Он у белых робил, когда белые были. Вот

живет она так одна вроде, а как по корову пойдет, одна всё, так за ней ее мужик идет. Так и ходил. А в двенадцать часов ночи ветер задует, и он в избу идет. Его никто не видел, кроме нее. Даже свекор и свекровка не слышали, как она ему дверь открывала. Он ей наказывал никому не сказывать про него. Раз жали они всей деревней. Женщина эта подавальщицей была. Он при-

шел и говорит: «Зачем про меня сказала?» И начал давить ее. Вцепился в горло, она кричать не может, катается по земле. А его-то никто не видит. Тут мимо соседка проходила, увидела ее и свекру сказала, что с ней что-то неладно. Свекр пришел. Спугнул его, видно. Ее пускать никуда одну не стали. Так она его в окно не раз видела, грозился задавить ее. Потом свекр службу в церкви заказал, поп отслужил, и тот ее отпустил. *(28)*

135. Баба была одна в Талой, Клавди́ей звали. А у ее в войну-то мужика взяли, Давыда. А она там пошла на другой год за грибами и говорит: «Был бы у меня Давыдушко, дак он бы хоть помог мне гри-

бочки насбирать». А он каким был, так и выходит — рубаха зеленая, в брюках. Выходит и говорит: «Не плачь, Клавди́я, я живой. Только никому не сказывай, я сбежал». Она его приняла, с ним сотворила блуд. Время все тянулось. А все удивляются: и как это Клавдия ходит в лес? Только зашла, а уж обратно корзину ташши́т, опять корзину. Как это Клавдия — только быстро сбегает и опять корзину ташшит? Он ей помогает-де. Одна женщина: «Пойду посмотрю, чё у ее де́ется». У ее, грит, печка стоит железная, и две сковороды грибов жарится. Она знала: воскресная молитва есть от дьявола, дьявол ее

боится, воскресной молитвы,— она приходит и говорит: «А ты куда, Клавдия, столько грибов жаришь?» — «А так, нравятся».— «Не может быть, что ты одна ешь». Оне уже поняли,

что с лешим знается. Она села на лавку-де, допытала, а та не сознается. «Съедаю одна». А эта думает: если она с лешим знается, он тут. Она воскресну молитву зачитала, а он на кухне был. Как она воскресну молитву зачитала, он полетел от кухни, как вихрь дурной. Как полетел — двери одни — настежь, другие — настежь! — по деревне пролетел, там ворота сорвал. Факт, увидели

теперь у ее. Теперь спасать, спасать ее надо. Крест накинули, воскресну молитву на крест начитали, привязали. Теперь он не может взять. Сказали: «Не веруй больше!» Она потом сказывала: «Как с ним в лес пойду, он мне грибов наломат, мы жарим и едим». А как тожно ей это все сделали, он придет, там ее мани́т, а взять не может. Там, грит, на двор придет, то потелячьи, то по-овечьи ревет, чтобы она вышла к нему. Ну она не стала веровать ему, отошел. А так бы он ее ухлопал. *(13)*

136. Факт тебе расскажу. Вот в Гадье у нас тожо один женился, Семен Филипыч его зовут. Баба у него была корепинская, взял молодуху. А ста-

рики ее не стали любить. Она от его убежала в Корепино, а он стал по ей тосковать. Это летом было. И вот он в амбар стал ходить спать.

И вот она к ему пришла, значит, женой. Пришла, он ее принял. Телом придались один к другому, вот и живут. И стали замечать: как это Сенька поутру в амбар идет, так хлеб несет. Ну-ко, давайте-ка мы его щас проверим, куды это он хлеб носит. В амбар ходит спать, дак поужинает. Пошли слушать, а он там разговариват, как мы вот щас разговаривам. Вот как мужик разговариват, люди-то их не видят. Она ему женой,

вот он с ей и разговариват. Всё! Его оттуда в избу, на полати. Этот нечистый дух — двери открылись — его с полатей — раз! — на пол. Молитвами его спасли. А потом он пошел по лошадей. Летом лошадей надо имать. В Гадье-то, там за рекой луг есть, за рекой, вот тут она его стречат. «Теперь ты мне попал!» — она ему говорит. Ну куда он деватся? Этот дьявол: «Теперь будем с тобой ночевать». И вот буря поднялась, черно, сушник ломатся. Она его хотела сожечь за это дело. В аккурат пожар получился. А там пожарка, в пожарке церковные колокольцы́. Колокольцы́ зазвонили в то время, как пожар в аккурат пыхнул. Зазвонили, вот ей и помешало. Рас-

светало — никого нигде нет. Домой пришел, рассказал: так и так. Хорошо. Но это у них ишшо не покорилось дело. В другие дни ему опять идти надо по лошадей. Он пошел опять выше деревни по лугу. Она его стречат: «Ну теперь ты мне попал опять. Ты мне попал». И опять на это же таншит. Ну, опять пожар. Только эти колокола зазвонили, она: «Ну, хитер, говорит, счастлив!» Она его хотела угробить. Так он домой пришел, сказал. А потом люди научили: «Слушай, Семен, она к тебе придет женой, ты заряди ружье и без ружья больше не ходи. И медной пуговицей его заряди, заряд-то. Она тебе стретится, ты ей стрели́ пря-

мо в грудь, и все с этого времени кончится». Третий раз она его стречат. Он в упор ее — раз! — выстрелил. Она ему сказала: «Хитер, гад!» И потерялась. Больше с той поры — всё! *(13)*

137. У нас тут был случай, это уже было на факт. А вот это как раз было в войну, в сорок первом — сорок третьем году. Ну ее мужика забрали в армию, она стала тосковать об этом мужике. Тоскует, тоскует, тоскует, ну сколько можно тосковать? Он ей раз пришел, вроде как мужик, два раза, три раза он к ей приходит. Он ей все наполовину казался, нóги не кажет, лицо только. Стал спать с ей, а потом суседи стали замечать. Тут одна бабка грамотная говорит:

«Пойдем ко мне спать. Ой, да у тебя мужик ушел на войну, кто к тебе ходит?» Стала она ее лечить. У вас в городе тоже лекарьки есть. Стала она ее лечить, в старинну скатерть обернула и на печку... Он пришел, всё унес. Крышу снял. Вот он черт и унес. Унес все двери, всё сшибал. А ее, вишь, не тронул! *(78)*

138. Да так оно и быват. А вот было. По мертвым тоскуют. Наталья такая была, муж у ей помер, дети остались. Она с братом живет, и кажную ночь кто-то в окно стучит. Дак то муж ее. И кажную ночь уходит она к ему. Дак он орешками угошшат, а то не орешки, а так — козии. Придет только к двум часам, детей угошшат, а орешки-то

козии. И однажды брат заметил, что пропадает она кажну ночь, и вот стучатся как-то при ём, а он говорит: «Не пушшу!» Ан вырвалась она и как исчезла. На следующую ночь опять стучатся, ан брат не пускает. Полночь пришла, и тут ураган поднялся, ветер воет-завывает, стекла бьет, песком мета́т. В трубу-то он камень большой как кинет! Наутро вытащить не смогли. Перекладывать печь пришлось. Дак коль говорят, знать, было. Счас не быват, а раньше-то часто было. Дак тоскуют, тоскуют по мертвому. *(10)*

139. Мне когды-кося свой мужик поблазнил, когда-от взяли его в армию на войну. Днем первое поблазнило, а потом и ночью пришел. Спать

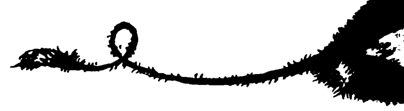
легла, дети у меня были — две девки, один парень,— ну, спать легли, вот слышу: кто-то заходит на крыльцо, пéлится. Двери открылися, и в избу открылися двери. Потом на западёнку. Он шевелится. Потом гладить стал. Я-от как взглянула, как посмотрела руку-то: ой, какая лохматая рука! Я-то тут сижу. То ли за робят мне ложиться? Только встала: «Хосподи Исусе Христе...» Раз десять, наверное, повторила. Он пошел да и грит: «Ждала, звала, а сейчас, грит, божишша». Да как пошел дверью хлопать! Так хлопнул, аж изба сдрожала. И с тех пор я больше никаких бед не видела. *(45)*

140. Две солдатки жили. У

них мужики на фронте пропали. Однажды солдатки вместе ночевали, и одна все шепталась с кем-то. На следующий день другая ее спрашиват, с кем она шепталась. Та ответила, что у нее муж был и сказал, чтобы солдатки ждали их в двенадцать часов. Оне напекли пироги, сидят, ждут. Наконец они пришли. В шинелях, ладные. Сели чай пить. Одна все думает, что это не мужики, наверное. Тут у нее сахар просы́пался. Она наклонилась и видит, что у мужиков вместо ног копыта. Она сразу на печку побежала. Оне-то на печку не полезут, боятся. Котора на печке была, жи́ва осталась, а другую-то замучили. Когда

они, эти мужики, из дому выходили, все косяки и двери вылетели. *(5)*

141. У нас в деревне раньше кудельничали. Топили баню и кудельничали. Девки баню истопили, пошли кудельничать. Меня еще не было тогда. Мать-то моя еще девушкой была. Мать моя рассказывала. Говорит, пришли в баню три девушки, мама наша четвертая была. Всех, как уж там они, матери, посылали, не

знаю, а у меня бабушка мою мать послала: «Ну, говорит, иди, пряди с богом!» Сидят, мама наша прядет, остальные

чешут лен. Та́мака маленькая мызюкалочка горит. И вдруг приходят три мужика. Это как ихние кавалеры. А у нас у мамы не было кавалера, она никого не ждала. К ней никто и не пришел. Пришли три мужика, мама смотрит: у них зубы-то железные, а ноги-то конёвьи. И пряслицу кладет на пол. «Пойду, говорит, я на улицу, оправлюсь». А один говорит: «Не выпускай ее». А другой говорит: «Пусть идет. Она послана с богом». Пришла, сказала. Потом пришли, дак кого, одну ко́су нашли под полко́м только. Всех куды-то подевали. Это окаянные были.

Девки гуляли, кавалеров ждали, а кавалеры-то к ним окаянные пришли. *(3)*

142. А вот рассказывают, в войну было. Правда — нет, не знаю. Слышала. Все мужики на фронте. Бабы собрались и говорят: «Хоть бы наши мужики пришли». Они и пришли. Сели за стол.

У одной бабы ребенок ложкой играл и уронил ее под стол. Баба стала поднимать, залезла под стол и увидела кенёвьи ноги. Испугалась, на печку залезла и просидела там. А тех баб задавили, за столом которые сидели. *(49)*

143. А тут одни ребята ходили вечеровать. Песни поют, а

девки не пришли. Потом девки пришли, а ноги не кажут. Один говорит: «Чё-то девки наши ноги сёдни не кажут». Поглядел: ноги-то коровьи. Видят, что дело неладно, дак оне и испугались. «Пойдем мы до ветру сходим». А девки-то не отпускают — сидите! «Мы вам гармонь оставим». Оставили да ушли. Утром в баню пришли, а вся ихняя гармонь — разорвали ее вдребезги. *(93)*

144. Гармонист у нас, говорят, был в Вильгорте хороший, играл все по памяти. Гармонь у его. А раньше клубов-от не было, молодежь в банях вечеровали. Так он перво́й всегда там был. А потом чё-то не стало такого обычая или его звать перестали, не помню уж. Не звали его. Он обиделся да и

говорит: «Хоть бы чертям поиграл!» А к вечеру парни пришли, зовут на вечерку. Он для виду-то пофорсил, неохота-де, время нет. Приходит. Играл им с полуночи, долго. Глядит, а они скачут, скачут, там у их блюдечко стоит с водой, вот водой-то этой глаза протирают, дальше скачут. Он тожо взял да протер глаза-то. И сразу — батюшки! — парни, девки-то все хвостатые и с рогами, ноги конёвьи. Он грит: «Схожу до ветру, мо́чи нет!» Оне пустили, вот он побёг! Крестом оборонился. А утром в баню-то зашел, ну а от гармони планки одне остались. *(49)*

145. Чё-ко ведь есть. Чё-ко смушшат человека. Вот рассказывали. Говорят, парень был в деревне, баскушший.

Всё при всем, да, видно, не присушивались девки-то, всё один да один. Так уж все строки прошли, жениться надо, а нету. Вот он одинов вышел на крыльцо да в сердцах и сказал: «Хоть бы сатана за меня пошла!» И слышит: колокольцы забре́нели. Поезд свадебный показался. Тройки запряжены, с достатком, значит, свадьба. Невеста сидит баскушша, а жениха нет. Глянулась ему невеста, поехал с имя́. В церкву приехали. Круг налою ходить стали, а он возьми да перекрестись. Только крест на себя наложил — глядь! — в амбаре сидит. А над им петля. Это значит, если б венец на его наложили, то бы петля

и была. Сатана всё знат, человека искушáт. *(127)*

146. Ну старик-то Яков знал много, он человек старинный. У него брат-то тоже задавился на пасхальной, в Великопост.

И было уж лет семьдесят-восемьдесят брату-то, не больше дак. Задавился. Ничё, ни с чего, задавился. Вот сатана этим командует, обязательно в Великой пост кто-нибудь где-нибудь задавится. Это уже так положено по божьему делу. Исуса-то Христа Иуда продал за тридцать серебреников, сам ушел, задавился. Обязательно

задавится человек, дьявол возьмет все равно свое. Он где-ко задавился, Иуда,— на огороде, на лесине. Вот смотри, голубь ведь не сядет на огород,— голубь, ведь он святой,— только на крышу да куда. Он ни на какой огород не сядет, ни на куст не сядет, на прутик. Вот из-за Иуды они не садятся ни на огород, ни на лес. *(8)*

147. Если человек станет думать, чтобы задавиться, то задавится обязательно. Один мужчина захотел, пошел в лес, но ничё с собой не взял, шел днем, никого кругом не было. Вдруг навстречу высоченный мужчина. Подошел и говорит: «Знаю, зачем пришел. Вот тебе веревка». Мужчина попятился, молитвы читает, пере-

крестился. Так и спасся. *(6)*

148. На Новинках я жила. Девка у нас была че́стная, а мужик-то, видно, не работал. Так она, бедная, год мучилась, никому ничё не говорила. Пришла как-то к матери и говорит: «Я, мама, больше не буду жить». А мать: «Да живи, Наташенька, люди они хорошие». Она-то ничё про мужа не знала. Наташа-то ничё ей не говорила. В тот день она надумала руки наложить. Парень к ей в белой рубашке пришел. Она его видит, а муж-то нет. Свекровь ей говорит: «Ты сиди, Наташа, не ходи, мы сами управимся». А она молошница была. Пришла все-таки, молоко перепустила, все оставила, закрыла и бегом убежала. А когда все домой вернулись,

подушка мокрая на полу валяется. А она киселя молочного хлебнула да в загоне и задавилась. Бес в петлю пихает, зовет. Они пришли, а она в петле висит. *(86)*

149. У меня мужик знакомый был, рассказывал тоже. Березники когда строили, туда же многих гоняли. Там тогда бараки были. Вот в одном бараке были девки и парни, жили в разных концах. Девки-то сидели, да и стало им интересно, как это люди давятся. Попробовать решили. Одна на табуретку стала, голову в петлю засунула и говорит: «Вы выйдите, я как закричу, вы сразу и заходите». Ну, мол, спасайте. Они вышли все, дверь закрыли. Она табуретку-то вынула и закричала. Девки

крик услыхали. Двери-то открывают, а там здоровый мужик стоит: милиционер. «Нельзя, говорит, сюда заходить».

Не пустил их. Так и удавилась девка. Да это, видимо, тожо бес наделал! *(86)*

150. Меня свекор-то недолюбливал, а я с мужиком своим хорошо жила. А свекор житья не давал. Как-то спать мы легли, Федя мой уже спал, я у стенки, он у краю. Я лежу и думаю: от своих рук ли умереть? Только так подумала, пришла баба здоровая, стоит посреди комнаты, в коричне-

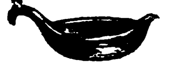
вой шали, космы длинные висят, и говорит: «Что задумала — делай!» Я как испугалась, в Федю свово схватилась, он меня еле-еле успокоил. Никогда, девки, так не думайте, никогда, это все бес делает! *(86)*

151. Не знаю, ему поддаться, дак он задавит. Случаи были, меня чуть не задавили. Я всю ночь не спала. Он меня подымал, все подгонял. Шаль на мне красная была, я думала: «Задавлюсь!» Спать легла, он меня все подымат. Сам спать не дает, спина болит, а он все подганыват, все меня подталкиват. Я как шаль скинула и тут же уснула. Это леший меня подбивал. Я шаль выкинула в окошко в огород. Он шаль

мне ладил на ней повесить. Он красное не любит, не знаю почему, не любит красное. *(75)*

152. Одна женщина задумала повеситься. Вдруг к ней женщина входит. Принесла чашку браги, говорит: «Пей!» Чашка-то дюже велика была. Женщина чашку в руки взяла и говорит: «Господи, благослови все это выпить». Как господа помянула,

вместо чашки веревка в руках. И женщина пропала. А если бы чашку стала пить, то веревку бы на шею закинула. Бес это приходил. *(89)*

153. Одна женщина надумала давиться — с мужем жила неважно. Он ушел на работу, а она: «Задавлюсь!» Метет пол

березовым веником, а петлю уже к полатям протянула. Думает: «Вымету и задавлюсь». Дошла до веревки, веник заскочил, как есть, в нее. Она тонкая была, он затянулся. А давиться она не стала. Это правда, не смерть ей была, и оказалась она жива. *(6)*

154. Один кузнец был. И вот надо спать ложиться ему, ночь уже наступила, он домой уже хотел идти с кузницы и слышит: кто-то скачет, колокольчик звенит. Короче — раз! — к нему подъезжает мужик и говорит: «Подкуй мне лошадей!» А этот отвечает ему: «Уже поздно, ночь. Завтра утром подкую или днем». А он

говорит: «Нет, подкуй сегодня!» Тот говорит: «Но мне же спать надо». Он ему говорит, короче, что-то, мол, ему сделает, если не под-

кует. Тот начал кувать, поднял ногу у этой лошади, смотрит: человеческая рука. Стал гвоздь вбивать в эту руку, там кто-то закричал человеческим голосом. И он говорит: «Это же люди!» — «Куй, знай свое! Твое дело кувать». Он подкувал передние ноги, стал задние кувать, и — раз опять! — человеческая нога. Он говорит: «Люди ведь».— «Куй, твое дело кувать». И вот так он подкувал этих людей. Мужик этот гово-

рит: «Мне лошади поскальзовались, а теперь смотри, как я поеду на них». Он взял плеть, стегнул по этим лошадям и помчался. Смотрит: только пыль столбом вдали. Это дьявол на душах тех, кто сам себя жизни лишил, катается. Они себя сами сожгли и сгорели в дому. *(15)*

155. Один прохожий шел, цвет папоротника ему прилип на лапти. Черт ему и говорит: «Давай сменяем сапоги на лапти». Он ить и сменил. Дальше пошел и видит: на ногах-то вместо сапогов береста. *(117)*

156. Так папоротник один раз цветет всего лишь, в Иванов день, на праздник Ивана Купалы, в июне. Рассказывают у нас в деревне: один парень вздумал этот цветок папоротника сорвать. Если его сорвешь, можно невидимым сделаться. Пошел он ночью в лес, ждет двенадцати ночи, а в полночь биси-те и пришли. Начали они его из круга кочергой доставать, круг-то и рассы́пался. А парень-то бежать быстрей оттуда. Это уж на второй день было. А вот прежде-то, в первый день, когда он в лес-то пошел, черти ему тычки всё, подножки ставили. Не дошел он до места того в первый день. А в третий день

он уже папоротник увидел, как тот зацветает, а сорвать его не смог. Черти помешали. Так и остался парень ни с чем. *(107)*

157. Парень один холостой был. Библию прочитал всю. Прочитал, и ему блазниться стало. Бесы под окошко придут и говорят: «Дай работу! Дай работу!» Он бояться шибко начал. Как двенадцать часов, так они и приходят. Уж он как боялся! На печке лежит ночью, а мать-то с краю. Баба ему сказала: «Сходи в

церкву». Он сходил, там еще священник маку дал горсть. Ночью пришли бесы опять ровнехонько в двенадцать. «Давай, говорят, работу!» А он кинул им эту горсть маку и говорит: «Вот вам работа!» Со следующего дня никто к нему и не ходил. *(86)*

158. Правда ли, неправда было, был у нас Николай Федорович, мельник. Слух такой шел, что, дескать, знал он чертей да кого ишшо. Он все делал сам, а безграмотный был. Казал он кому-то черта, испугал им. Старики вот рассказывали. *(82)*

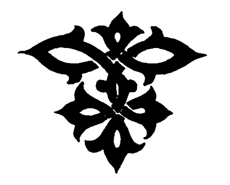
159. Там еще, в Матвеевой, дело было. У меня мать-то с отцом на мельнице жили.

И вот бабушке поблазнило раз. Видит: черт вылез из мельничного пруда. А потом в том пруде скоро две коровы утонули. *(64)*

160. Рассказывали, что, если мельница сломается, черт человека просит. Как-то у нас у мельника сломалась мельница, да мужик к ему пришел в это время. Черт хотел его забрать, да не успел, мужики успели спасти. *(86)*

161. Может, опять легенда ходит, опять же я слыхал такое. Вот, допустим, в некоторых прудах было воду удержать никак невозможно. Как ее ни запрудит, все равно где-нибудь да пробьет. Это просит черт. Мельник ему козу или овечку какую бросал. Как

жертву. Хитрые мужики были, безграмотные, а все у них крутится. *(82)*

ЧУР МОЙ, КЛАДОВОЙ!

Рассказы о вышедшем кладе

162. Жулик приходит в лес. Мужик там колья рубил, жулика увидел, на дерево залез, а тот его не заметил. Жулик клад принес, закапывать стал: «На сто человечьих голов». Кто

убьет, тот достанет. А мужик с дерева отвечает: «На сто осиновых колов». Спорили-спорили, жулик на своем стоит, а мужик на своем. Потом жулик говорит: «Черт с тобой, будь по-твоему»,— и ушел. А мужик с дерева слез, сто колов выкопал и клад достал. *(116)*

163. Рассказывают про клады, это было тоже. Ну вот, раньше богатые люди клали золото в землю, а оно, сколько назначено, это и лежит. А потом оно на человека выйдет. По деревне была привычка ходить вечерами с гармошкой, с песнями. Как-то у нас ребята, на три года меня постарше, ходили, наши, деревенские, я их знаю, погибли они на фронте. И там последний дом, а там

МЕЛЬНИК

богатый жил. Денисском звали. Ивана Денисыча отец, который меня-то портил. Там баня стоит. Пришли, разговаривают, месяц горит, светло. Смотрим, говорят, от бани идет белая курица. Квоткает. Идет и квоткает. Ну курица, курица, а это, говорят им, клад на вас шел. Надо было его наотмашь ткнуть, и деньги рассыпались бы. Надо было сказать: «Чур мой, кладовой, я тебя чокну, ты меня не». Это кладовой, деньги-то кладовые, в землю они закопаны. На счастливого человека эти деньги выходят, показывают. Могут коровой (показаться). Медная она, белая, красно-пестрая. *(13)*

164. В доме соседки моей было. Как стемнеет, петух поет, из-под пола откуда-то вы-

ходит и поет. Пошли с лампой смотреть, открыли — нету никого. А соседка за ими следила. Хозяйка за чем-то ушла, соседка клад и выкопала. Приходит хозяйка, а там горшок пустой. *(116)*

165. Я помню, маленькая была, в деревне мы жили. Я бегала, мне тогда было, наверное, годков шесть или семь, на улице бегала. У нас изба была. Вот все спят, а мы все это бегаем. Мать спит, отец спит. Двери в деревне не закрывались в ту пору. У нас был стол, от стола идет лавка

эдак и лавка эдак у порога. В углу стоит петух красный. А у нас были курицы, петуха не было. Мама спит, отец спит, я захожу — петух красный стоит. И боюсь-то зайти — вот петух-то меня щас клюнет. Тихонько-тихонько к маме подползла, легла, не смею сказать, что, мол, мама, красный петух стоит. Красного петуха видела. Больше ничё не видела. Дак ведь надо было его разбить. Надо зачура́ть. Показывается клад петухом, курицей, коровой, лошадью. Свиньей может показаться. Чем попало может показаться. *(3)*

166. У дедушки был старый дом. Однажды ночью он пошел на улицу, а у них была корова, во дворе не была заперта. Он смотрит: под навесом стоит другая, черная, а ворота на запоре. Ушел домой, со сна ничё не подумал. Сказал бабушке: «Какая-то корова ходит». Она говорит: «Это клад выходил». Выбежали они во двор — никого нет. А если ее приручить, задеть — золотом рассыплется. Видимо, был смельчак, который хрястнул ее, и деньги высыпались. *(6)*

167. Когда была маленькая, приехали в Демино. Жили в новом доме дед с бабкой. Но еще стоял дом старой. Мы бегали по двору, вдруг я вижу: там красная большая корова стоит, красивая. Подбе-

жала, зову ее: «Бурька, Бурька!» Хотела погладить, а она исчезла. Потом слышала, старшие говорили между собой: «Это клад на нее выходил. Если б затронула, корова рассыпалась бы в золото». Оно должно было выйти и вышло на меня. *(4)*

168. Одна женщина, в старину это было, пряла шерсть на пряснице. И вот смотрит: из печки высунулась голова коровья. Высунулась и на нее смотрит. Та испугалась и прядет, не смотрит на нее. А потом корова вышла почти полная, она случайно прясницей ткнула в эту корову. И эта корова рассыпалась на мелкие куски, и получилось золото. К ней заходит соседка ённая и говорит: «Чё это у

тебя из печки угли высыпались?» Она говорит: «Это нечаянно там, я ухватом высыпала». Она собрала это золото, потом закопала. *(15)*

169. Раньше ходили вечеровали. Лучины не хватило, а я, чё, варнак была, все-то на дороге стоят, а я в баню залетела: от где-от парятся, там и лучину оставляют. Залетела, гляжу: под лавкой ягненок лежит. Потом уж мне сказали, что это клад был. А ягненок-то синенький-красненький, всякие звездочки по ему. Я спужалася, выбежала да к девкам: «Айдате-ка, какой ягненочек!» — «Да это тебе блажило»,— говорят. Иду из бани — ноги́ под собой не чую.

Точняк, начали банники плясать. Пробило бы двенадцать, меня бы истоптали. Они, говорят, сцапают да задавят. *(93)*

170. Раньше клад выходил на людей. Речка возле Лобанова, отец мой видел там барана, сказал своим знакомым об этом. Они пошли и тоже увидели барана, а там клад был. Чтобы клад не исчез, надо было сказать: «Чур, мое!» — тогда клад золотом оборачивался. *(34)*

171. Раньше, но не очень давно, то ли в Сусае, то ли еще где, тоже видели люди: из-под двора выходил жеребенок. Говорят, выходил клад, но никто не знал. Говорят, если стукнуть по нему чем-нибудь, то он развалится и будет золото. *(15)*

172. Наша бабушка пошла в ограду ночью по старинному дому. Под лестницей — чуланы и погреба. Вдруг из-под лестницы выскочил серебряный козленочек и весь светится. Она его хочет за рожки потрогать, а он не дается. Пошла мамку и тятьку звать. А они в ответ: «Дура ты, дура! Надо было его ножкой стукнуть или ударить кулачком — он бы рассы́пался, и были бы серебряные деньги». *(98)*

173. С поля раз приезжаю, тёмно уже. Зажгла хозяйка свет, а по избе птица бегает, круглая, шея длинная, без хвоста, сама маленькая. Поймали, видим: нос у ней крючком загнутый. Хозяин говорит: «Выпусти ее». Я отпустила, смотрю: добежала до куста и

исчезла. Прихожу и говорю: так и так. Хозяйка говорит: «Так это клад был!» До того в доме богатый жил. Надо было птицу ударить, клад бы и показался. *(116)*

174. В детстве отец купил старый дом, а хозяева прежние — пьянь. Дом был старый, с завалинами в углу, под завалиной был приколочен угловой столик. Мы с сестрой бегали, ей четыре года, мне — три. Глядим: из нашей спальни три котенка — пестрый, белый, серый. Хотели поймать, они убежали под угловой столик. Потом решили строиться. А в доме не были стены обиты обоями, и у старых хозяев гости засовывали, прятали деньги в щели, кто три копейки, кто двадцать. И это цени-

лось. Тогда за четыре копейки полфунта хлеба давали. Дом стали ломать, деньги посыпались, а ранее они на нас выходили с сестрой. *(6)*

175. Я ишшо молодая была, в речке купалася. Вдруг подсолнух на реке появился большуший. Ударить надо было левой рукой, клад бы показался. А я ить не знала тогда, чё делать-то, убежала. *(118)*

176. Одна баба была. А за ней старичонок маленький, лычком подпоясанный, увязался: «Сколь, говорит, годов за тобой хожу, вот ты мне и попа-

лася!» Она, дуреха, испугалася, хоть и знала, чё делать. Бывало, так выходили клады. *(118)*

177. Клады? А вот старуха была. Мы с ней были вместе, она рассказывала. Где-то в других деревнях, не в Ко́льчуге, золото было у старика со старухой. А сноха-то их не очень любила. Вот старик и говорит: «Раз они не любят нас, пусть наше золото достанется попу местному и попадье Ма-

ланье!» Поп пришел, служит молитву с крестом. Золото-то залетело и показалось пропашшей кошкой. Поп кошку

нашел: «Это кто такой безобразник?» А кошка превратилась в золото. И досталось золото попу. *(65)*

178. А еще Ольга рассказывала, она умерла. Было золото у старика со старухой. «Куды его девам?» — «Давай снесем в новый дом».— «И кому напишем?» — «Прохожим молодцам, раз молодые нас не любят». Идут странники, видят дом недостроенный, лето было. Решили ночевать, четверо их было. Зашли. «Паду, паду, паду, паду»,— не дает им спать с чердака-то. Опять легли, опять не дает спать: «Паду, паду, паду, паду». И на-

шли корчагу какую-то, вот, странники-то. Золото. *(65)*

179. У нас в деревне было. Одна изба была — спать не давала. Как ночь,

так: «Паду да убьюсь!» Всю ночь проговорит: «Паду да убьюсь!» Даже спать нельзя. Пришел один нищший спать. Говорит: «Пусти!» — «Так у нас, дедушка, не ночуешь, у нас всю ночь говорит: «Паду да убьюсь!» Не спим. Мало спим».— «Дак вы чё это, сделайте, у вас это там клад просится. Надо, чтобы пал да убился».— «Дак мы не умеем ничё делать-то. Ну, давай, дедушка, ночуй». Ну легли спать.

В голбце говорит: «Паду да убьюсь, паду да убьюсь!» А старик этот нищший встал, взял бадог где-от, как там бадогом даст по кругу да говорит: «Пади да убейся!» Ох и рассыпался клад тут, собрали сколо денег! Серебро. *(3)*

180—183. Мой отец рассказывал. На полу ведь раньше спали. Спали, говорит, на полу с матерью. Я, говорит, руки бросил, матери-то нету. «Мати, мати!» А ее-то нет. Я-де погля-

дел в окошко: стоит человек в саване, вот так, в белом. Я, говорит, испугался — и на́

печь. Матери-то на печи нет. Она-де откатилась от меня. Я, говорит, подскочил — и мать возле меня. Тогда взглянул —

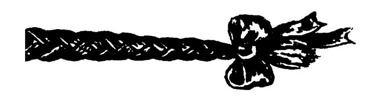
уже никакого мужика нету.

Второй дядя сказывал, Тит. Ходили до свету молотить. В три часа уйдут молотить на гумно, а детей оставляли однех. А я, говорит, захотел хлеба. А раньше вот так западёнки вытягивалися, под печь. Я, говорит, хлеба-то взял, иду с хлебом-то, оглянулся: за мной баба на четырёх, эдак вот руками топчется по лестницам, поднимается вверх. Я, гово-

рит, задернул окно — и на полати к брату — отцу моему,— он еще маленький был.

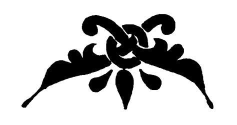
Третий дядя сказывал. Проводили-де меня по квас. Я, говорит, пошел черпать, а из-под кадки ноги выставились. Я заревел, побежал. Пришли, посмотрели — никаких ног нету.

Четвертый дядя сказывал, он самый старший был. Он женился, в Долдах бабу взял. Афросиньей звали. Легли, го-

ворит, на полати молодые и заиграли. А у ее косы большие были, черные. У ее косы-те свесились по-за брусу. И за

косу ее кто-то поймал и потянул. Он через брус перескочил — никого нет нигде. И вот все на этом месте блазнилось. И, сказывают, там клад. *(47)*

НА НЕБЕ СТУКНЕТ — НА ЗЕМЛЕ СЛЫШНО

Рассказы о блазни и знамениях

184. Мне мать покойная рассказывала. Они уйдут — в избе всё закроют, а придут — все переставлено, стулья стоят не так. Кто к ним ходил, не знаю. Один раз хозяин спрятался и

ждет. Они заходят, не знаю, кто там был. Сели и давай рассуждать: «Что делать будем? Если войну спустим, весь народ погибнет, землетрясение, наводнение — тоже. Пусть сами люди пьются, запиваются, вешаются». Так и подошло, так сейчас и есть. *(35)*

185. В баню напрашивались: «Пусти, банюшка, банная староста, в баню!» В бане — там черти. Я слыхала, одна женщина родила в бане одного. А ей кто-то говорит,— раньше где попало рожали, в голбце да где,— а ей кто-то говорит: «Этот задушится». Второго стала рожать, что-то торопится. «Этот, говорят, утонет». Один-то задавился, а второго берегли, все колодцы забили, а потом на колодце-то нашли

ВОДАНОЙ

труп, тут и умер на колодце. Это, говорят, правда была. *(75)*

186. Вот перед войной-то у нас здеся рыбы в этой речушке, рыбы — страшное дело было зимой! Лунки вот разгребут, лопатой выбрасывали из них. То же белка. Белка эта бежала — страшное дело! Оттуда, из-за Камы, плыла. Тогда же пароходы ведь ходили, так пароход останавливали: пароход не плыл, доколе белки не проплыли. Дак вот ходишь: ты идешь, она тя нисколько не боится. Ой, да какая жуткость от этого была! Тогды говорили эти старики: «Это что-то будет!» Все равно предвидится. Рыба, говорят, и белка побежали. Никогда сто-

ко не бывало. Отчего и война стала, война. *(45)*

187. А вот это перед самой-то войной тожно было. Я тогда в девках была, мне никто не ве-

рил. На мостик вышла, небо открылось — и вижу: на кромочке ходит солдат с ружьем. Упреждало, видно, что все равно война будет. *(118)*

188. У бабушки покойной слыхала, что открывалося небо. Я-де шла из бани, чё ли, вдруг-де открылось — там блестит всё. Сразу опеть закрылось. Вот, говорят, там ничё нет, а как серебро блестит. Я больше ни от кого не слыхала. *(16)*

189. Мы когда-то с мамой, в каком-то году, перед войной-то, вот видели: на небе сначала маленький образовался, крас-нóй, круглóй. Она говорит: «Месяц всходит». Потом смотрим: больше и больше он, высóко ведь поднялся и как разорвался! Даже нам было слышно, мы все в окно смотрели. И скоро война началася. *(8)*

190. С севера столбы какие-то шли. Все люди видели. Красный, желтый, синий. Это перед этой, последней, войной было. *(41)*

191. Блазнит к нехорошему. Мы с матерью пошли дернить могилу отца, а когда дернишь ее, перекладывать дёрно нельзя десять раз. Как положите, так и оставьте. Мать мне гово-

рит: «Мы с тобой пять раз дёрно переложили, отец говорил: так нельзя, сколько переложите, столько покойников будет». Мать домой приходит и говорит, что на кладбище ей поблазнило — ветер задул, дверью хлопнуло. Потом мы узнали, что в этот день пять девок, которые у нас жили, задавило. Они были немки, работали на сплаве. Их послали рыбачить. Избушку, что на берегу стояла, еще при царе Косаре построили. Их в ней и задавило. *(1)*

192. Перед тем как умереть-то мужу, сон как в руку. Во-

ро́на лошадь в запрядях, с санями бежит от меня в сторону кладбища. Бегу-бегу за ей, сколь быстрее, она ишшо пушше скачки делат. «Тьфу, говорю, я тя больше догонять не буду». И ушла. *(119)*

193. У меня мужик умер, дак тоже налетела птица. Красная такая. Налетела, на стекло села. Я говорю: «Смотри, Зорко, птица. Птица налетела. Глянь-ко!» Потом улетела. И он осенью умер. Вот и все. Она налетела тут вот, на рамку-то села и улетела. Такая скрасна́, рябенька. То ли кукушка, то ли кто. *(35)*

194. Однажды на дом один белка забега́ла и бегала по бревнам вокруг. Так умерла та женщина, хозяйка-то. Если

белка бегает — знамение. *(35)*

195. Василий, муж мой, рассказывал. Ехал он ночью с лесопункта, его еще не отпускали. С километр от него была речушка. Он только в лес заехал, смотрит: костер и люди вокруг него. Он едет, и костер идет. Он километр ехал по дороге, и все костер за ним шел и люди. А переехал речушку — и не стало костра. Вот как блазнится. *(92)*

196. Я маленькая была. Приделось мне раз: к нам в избу старуха идет с котомочкой. Старуха эта приблизилась и исчезла, так ни к кому и не за-

шла, и никто ее не видел. Я это хорошо помню. *(36)*

197. В Вилисове парень один жил, Ваня его звали. Шел он как-то из Кургана, девки ему приблазнилися. Он их спрашивает: «Куда вы так поздно?» Они ему: «В Кедровку оформляться». А куды оформляться-то, уж вечер же. До речушки дошел, они его заводить начали. Долго бродил, а когда домой пришел, дурной стал, кричит, поет. Наверно, с месяц такой был. Родители уедут куда, а его как будто зовет кто — бежит на зов в окно по снегу. Это все девки те. Бабушка одна молитвой его вылечила. Здоровый теперь, в Соликамске живет. *(63)*

198. Я за теленком ходила в стадо. Вдруг ветер страшный поднялся. Домой заторопились. Я и Окся домой пошли, телята-де сами дойдут, смокли мы. Пошла к пекарне я, потом выглянула и вижу: Катя телят гонит. Хворостина у ей в руках огромная, и она ею вертит. Кричу: «Катя, не гони телят!» Она меня ровно как и не слышит. Я ей опять кричу, а она все не слышит и так быстро уходит. Спрашиваю потом Катю: «Чё не откликнулась-то?» Приблазнилась мне тогда Катя-то. Она ведь тогда на пече спала, нигде не бывала. А у Окси сестра померла. Не перед добром блазнит. *(23)*

199. Перед войной матери поблазнило, что в доме напротив военкомата, где сейчас сто-

ловая детдома, женщина пела «Чудный месяц». Женщина поет, а песня ушла на Троицкую гору. Утром мать спросила женщину из того дома: «Свадьба у вас была? Гармошки играли?» — «Нет, никакой музыки у нас не было». Зимой поблазнилось — вскоре война началась. Солдат через гору погнали, женщины и выли. *(1)*

200. У них тоже было холодно дома. Пошли они в баню, там у них на камнях око-

ло бани висели горшки, баня у них была подтоплена, тепло, а дома было холодно, нетопле-

но. И вот они пошли, сели, греются и слышат: кто-то на лыжах подъезжает. А у них тогда болела бабушка. И вот они говорят: «Это, наверное, смерть за бабушкой приехала». И — раз! — лыжи остановились. Они выходят из бани — и никого нету. *(15)*

201. Есть тут недалеко блазнилка. Болото это. Сказывают, блазнится там. Ехал как-то мужик, молоко вез с фермы. Вдруг видится ему дерево, а под деревом медведь огромный. Так мужик вместе с машиной перевернулся, чуть не утонул. *(37)*

202. Еще была здесь тетя Катя одна. Когда она косила, там, уже когда по лугу спус-

тишься, копны стояли, и вот увидела: белый человек в шлеме, такой страшный-страшный. И вот она от него бежать! Бе-

жит-бежит по берегу, и он за ней бежит. И вот когда она уже к деревне подбегать стала, и — раз! — он говорит: «Не успел ведь я тебя догнать». В этом логу, говорят, вержится, ну, чудится, кажется. *(15)*

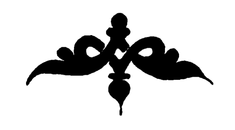
203. Ну вот он, дядя, рассказывал. Они косили, как раз уже было поздно, и лошадей надо было домой. Двенадцать часов было, уже даже к часу подходило. Ну, он на Лимоне

ехал, на лошади на черной. Он едет, а другая лошадь, Серко, остановилась. И вот он звал-звал, а та никак, остановилась,— сочная трава была, с росой,— остановилась и стала есть. Он уже на середине лога ехал, так вот едешь прямо, а потом надо в горку подниматься. И вот он туда поехал, там яма такая, он смотрит: лохматая морда оттуда высунулась.

Он закурил папиросу как раз. Он взял и кинул туда папиросу изо рта и потом так вот обвернулся, смотрит: папироса дымится сама. Курится са-

ма папироса, дымит прямо. И вот затрешшали даже сучья, и лошадь вторая, Серко, она как сумасшедшая, как будто ее кто-то плетью гонит, лупит, перегнала даже. И с тех пор он всё в галоп скакал. *(15)*

ЗА ДАЛЬНИМ ПЕРЕДЕЛОМ

Рассказы о мертвецах

204. Жили-были мать с дочерью. Мать померла. Дочь скучала о ней, мать и стала приходить к дочери мертвая. В Пасху дочь шаньги делала. К ней мать пришла, села у печ-

ки: «Фу, устала. Сегодня у нас корова отелилась, красную телочку родила. Пеки шаньги, поедем доить». Дочь как-то сзади зашла, видит: у ней из-под стула хвост торчит и ноги коровьи. Дочь испугалась и побежала. С соседями утром поехали, и вправду корова отелилась. Дочь стала спрашивать у соседей, что делать, чтобы мать не ходила. Ей сказали: «Скипяти самовар, чашки поставь, срядись красиво. Мать спрашивать будет: «Ты чего такая красивая, нарядная?» Отвечай: «Я замуж выхожу».— «За кого?» — «За родного брата». — «Да разве за родного брата выходят?» Ответь: «А умирают, так ходят?» И не станет ходить». Сделала дочь, как ей наказывали,

ПОКОЙНИКИ

мать и не стала ходить. *(116)*

205. Потом это вот удавленница была. Мужик ушел в лес, а у его жены корова подохла.

Боялась мужа и удавилась, испугалась, что мужик заругается. Когда пошли в избу, все было закрыто. Выставили окно, овца из голбца выскочила, людей сшибала и убежала из голбца. Вошли, а там женщина задавилась. Ее закопали на городок, там прежде река ходила, и на этом городке жили, говорят, какие-то чучканы, первые люди. И вот ее закопали тут, эту удавлен-

ницу. А ехал Ваня Большебородый в лодке. Едет по реке один, боится. И эта удавленница за им побежала по берегу. Раз он боится, она ему показалась. А он, говорит, еле доехал, лодку надёрнул — и в гору. Тогда удавленница отстала. Вот как боялись люди, даже в глазах казалось. Это все Деян рассказывал. *(48)*

206. Муж мой был лесником, и переезжали мы с одного места назначения на другое. И вот в семьдесят шестом году переехали в хутор, где жили в бывшем купеческом доме. До революции в нем жила семья купца из трех человек: сам купец, жена и дочь. Дочь в молодом возрасте умерла у них. Решили они, чтобы быть с ней всегда рядом, похоронить ее в

палисаднике между двумя березами. Эти березы и могилка между ними были и в то время, когда мы жили там. Я работала в трех километрах от нашего хутора учительницей, в то время прожили мы там совсем немного. И вот иду я однажды осенью с работы. Темно на улице — хоть глаз выколи. Подхожу к дому и вижу на своем крыльце женщину в белом платье. Я подумала, что это одна из матерей моих учеников. А та мне легонько рукой показывает, как будто приглашает в избу заходить. Мне так жутко стало, что убежала я к соседям, рассказала все, а соседка научила, что

если мне еще когда привидится купеческая дочь — это она стояла на крылечке,— сказать надо три раза: «Свят, свят, свят» и перекреститься. После этого случая она мне еще два раза показывалась. Я не выдержала и упросила мужа перевестись на другое место работы, и через месяц мы оттуда уехали. *(102)*

207. Если простой человек умрет, на могилу слушать идут. Вот умер мой муж, мы пошли на могилу слушать, как там покойника принимают, а он песни любил петь, стихи. А если не на свое место покойник ляжет, так там они ругаются. Так вот у него много голосов запели. *(107)*

208. Почему-то некоторые мертвые могут предвещать. Раньше я этому не верила. Здесь, на углу, в доме, жила Тоня. Она работала нянечкой в садике, умерла совсем молодая. Осталось двое детей: дочь и сын. Она мне сейчас снится и предвещает о жизни в их семье. Видела я сон. Иду на работу, а Тоня плачет — сын сидит в тюрьме. Так и случилось. *(107)*

209. Как мать умерла, она часто ко мне во сне виделась. И всегда вижу, как она дрова рубит топором. А топор этот долго у меня в сенях лежал. На следующий день я его к соседям во двор кинула. С тех пор мать не приходила. *(89)*

210. Умерла девушка. Оде-

ли ее как невесту. Через некоторое время увидела ее мать во сне: «Мама, принеси мне тапочки!» И назвала адрес за Добрянкой. Мать когда принесла тапочки-то, то в том доме был покойник — парень. Положила те тапки-то в гроб к нему. *(100)*

211. Отец мне тоже во сне снился, он до смерти сторожем работал. Снится мне, что спустилась я глубоко, увидела оконце. Гляжу: мой отец сидит. Одних в дом пускает, других не пускает. Я его спрашиваю: «Что делаешь?» Он гово-

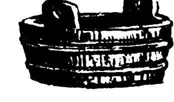
рит: «Сторожу. А ты мне сахар принесла?» Проснулась на следующий день, сахар ему на могилку унесла. С тех пор его во сне и не видела. *(89)*

212. Мама давно умерла. Все было перестирано у нее. А чулки у нее были не выстираны. Однажды ночью я ясно видела, что она сидит в углу печки и говорит: «Антонида, сегодня суббота, ты меня и вымой!» *(104)*

213. Если сильно тоскуешь, то является. Вот одна тосковала, у ней муж на фронте погиб. А когда он уходил, то его костюм она в сундук убрала, а не перекрестила. И вот както ночью приходит он к ней в

том же костюме. Она его спрашивает: «Ты почему не в военной одежде?» А он ей отвечает: «Да на побывку отпустили». Жена обрадовалась, накормила его, напоила. А потом они в баню пошли. Моются оба, а он все спину от нее отворачивает. «Дай спину тебе потру!» — баба-то ему говорит. А он все отворачивается — чистая-де она у меня. Тогда она сказала: «Во имя отца и святого духа». И перекрестилась. Биса-то и не стало. *(107)*

214. Папа работал на катере. Умер он. К нам без конца ходил черт — видели следы. Брат видел мертвого отца, мама в два-три часа тихонько

вставала, к окну подходила и говорила: «Петь, заходи, я тебе лапти переобую, иди, поговорим». Потом мама устроилась на работу в садик — нянечкой. Раз я с ней осталась на работе вечерить и ночевать. Проснулась утром я, ми́ла дочь, верь не верь! Клянусь всеми своими детьми и внуками! Когда пошла умываться, у мамы глаза расширились, она спросила: «Доченька, что

это у тебя с головой?» Вот верь не верь, ми́ла дочь, но на голове у меня было заплетено двенадцать косичек. Отец был

живым — любил возиться перед сном с моими волосами. Косишши у меня были — дай боже! *(103)*

215. У Натальи Рыжковой муж пропал в армии. Она его страшно любила. Сидим раз мы на колхозном собрании. Она приходит радостная, садится между нами в середку и говорит веселая: «Я сейчас с Панькой сидела, он в шапке сидел, на гармошке играл!» После собрания говорим ей: «Давай пошли с нами после собрания». Потом она заболела. В больнице ее парализовало. Мать в Лунежки ее привезла. Ушла к соседям. Пришла домой — все сундуки на ребро поставлены. Чё тут бы-

ло! Позвали знахарку. Положили Наталье в головы «Сон пресвятой богородицы». Панька пришел к Наталье опять. Начал беситься, аж дома́ все закачались, посуда стала биться. Хотел Наташку задавить, она успела закричать... *(101)*

216. Тут у нас один случай рассказывали. Женщина одна при родах умерла. Ребенок остался с отцом. Днем ревел, а ночью спал спокойно. Пошел отец к старухе. Старуха говорит: «Это мать ночью приходит, кормит. Соберите, говорит, по деревне всю родню, в глиняные горшки поставьте кру́гом свечи, сядьте все и не шевелитесь». Мужик один пьяный горшок уронил, так

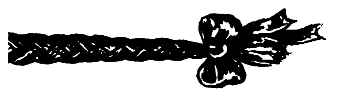
она исчезла вместе с ребенком. А на могиле разрыто все, и трафарет отпечатался: мать с ребенком. *(120)*

217. А если маленькому ребенку милостыню дать, то там, кто не своей смертью помер, тому отпуск дают. Я булочку купила, маленькой соседской девочке дала. А ночью вижу во сне: муж говорит: «Мне отпуск дают на семь дён». *(89)*

218. Вот будешь об этом думать, придут покойники, будут конфетки носить. Вот моя мама говорит. Бабушка в двадцать первом году умерла, а маму взамуж выдать успела.

Вот лежу, говорит, с мужем и — на тебе! — выйду до ветру, а мать покажется и гово-

рит: «Подожди, я конфеток дам!» — «А ты где, мама?» — «А ты пойдешь корову доить, я приду». И придет. А если покойник придет, надо в спину поглядеть. А он не дает. А она-то извернулась и по спине ее задела, а там доска оказалась. А домой пришла, а в карманах конфеты. А конфеты, говорит, есть не буду. Ну, корову подоила, мать и ушла. Молоко процедила, идет с

дойником. Свекровь говорит: «Чё-то ты угрюмая». А люди свекровке уже говорили: «У вас огненный рассыпается...» Летит, как веретешко. Как нишший, летит-то. Где столбик без молитвы поставлен, одёжа его хорошая лежит. Он поднимает этот стóлбик, свое забирает, плохое складывает, а потом домой уходит пешком.

А мама говорит: «Я уже с неделю томлюсь». Свекровь: «Думаешь о матери?» — «Думаю!» Та заставила ее потнóй хомут надеть. Она, грит, надела, походила, потом-де легла. На ночь она с мужем легла, а

свекровь кровать маком обсы́пала. А мать-то прилетела, стучит в окно, так ни с чем и улетела. А после этого заячий помет вместо конфет. *(110)*

219. Вот когда у меня внучка умерла, так внук Андрей тосковал очень. Я его спрашиваю: «Вера-то ночью приходит к вам-то?» — «Нет, только во дворе, а в избу не заходит, папу боится». Тосковал он

очень по ей. Я его маком накормила и обсы́пала, он тосковать перестал. *(107)*

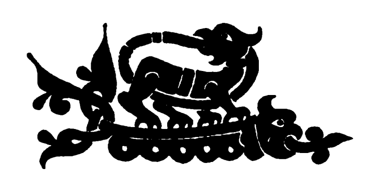
220. Маму похоронили в мае. Она приходила ко мне и наяву, разговаривала. Брату тоже она много раз виделась наяву. Я говорю: «Так чё-то нам с тобой

надо делать. Траву верес брать, вставлять в двери и рисовать кресты, чтобы она не входила. А то она тебя с собой уведет». Раз, помню, отец мертвый к маме пришел, она травы-то понатыкала в двери, крестики поставила. Он пришел и из-за двери ей: «Догадалась ведь, травы натыкала, я же буду скучать, все равно буду ходить». Под окном она

его видела в лаптях. Говорили под окнами: «Ты уж домой-то не ходи, не буди детей, давай под окном поговорим...» *(103)*

НЕДОБРЫЙ ГЛАЗ ПОГЛЯДЕЛ НА НАС

Рассказы о колдунах, ведьмах и векшицах

221. Один колдун испортил сестру мою в шестнадцать годов. Мимо только прошел и сказал: «Какая ты, Граша, красивая». Нехорошо с ней стало, как сумасшедшая ста-

ла, с ума сошла. На сарай залетела и вокруг столба летат. Завели ее в комнату, вкруг кровати летат, как бешеная. Снохе брюхо чуть не прокусила. Старушки говорили: «Везите ее в Оралово, к мужчине». Привезли из Искора старушку, она говорит, что не поможет. Еще одна наговорила слова. Ленту привязали — спину стало ломить. Говорили, что она к земле приговорёна. Повезли в Оралово. Она три километра не доехала, померла. А когда умерла, тот самый человек (колдун) пришел и в окошко глядится. И только ведь сказал: «Какая ты, Граша, красивая». *(44)*

222. Еретники есть. Вот придется, могут тебя испортить.

ВЕКШИЦА

Терентий Семенович — еретник. Я так тебе скажу: вот он жил в Вижае, ну, я к его сыну поехал в гости на Новый

год. Он к сыну пришел, говорит: «Пойдемте в гости ко мне!» Ну вот Новый год — угошшаемся, он рыбак. Я прошу его: «Налимов у тебя нету продать?» — «Завтра схожу, наловлю, говорить будем». Ну сходил, наловил. Я купил. Деньги заплатил, сколько он потребовал. Ну привез домой. Я еще привез бутылку водки, приехал домой на Рождество, седьмого января Рождество бывает. Тут одну женщину

еще пригласил: «Приходи, говорю, к нам. Я бутылку привез и налимов еще». Она пошла было, но чё-то нет,— муж-де придет домой, заругается,— не пошла. Но вот моя старуха-то и съела налимов-то — и ну болеть, болеть, болеть, болеть. И целый год я с ей мучился. И по фельшара ездил. Ведь в Булдырью надо ездить! Ладно, мотор есть, лодка есть. Двадцать два раза я съездил по фельшара, ну и ни черта с ей

сделать не могли, начала пухнуть, ноги начали лопать, и конец. *(59)*

223. У меня брат был. У него жена умерла. Напротив жила соседка, она задумала за брата выйти, колдунья была. А он женился на другой. Она эту жену возненавидела, придумала ее извести. Мать первой жены, тешша его, к ним приехала. Она к этой колдунье ходила. И та ее сговорила взять кружку браги и поставить дома на стол. Колдунья думала, что жена выпьет и умрет, а брат прибежал с работы и выпил эту брагу. Потом заболел тяжело: видно, на смерть было сделано. Неделю только проболел, приступ за приступом. Жена хотела сходить с ним за словами. Стала одевать, он и отдал душу. Перед смертью сказал, что брагу выпил. Тешша по-

том призналась, что брагу от колдуньи принесла. Колдунья после его смерти напилась. Идет мимо их дома и говорит: «Вы говорите, что я его испортила. Если это так, пусть я сегодня умру, если нет, пусть

у вас дом сгорит». Утром встала жена, а у той внук прибежал и говорит: «Бабушка умерла». Значит, правда, она испортила. Ее, когда хоронили, даже не открывали — черти всю задавили за то, что похвалилась. *(7)*

224. Вот мама говорила: раньше-то колдунов много разоблачали. Так она говорила, если человека уже испортили

раз, то колдун не может мимо человека-то пройти, ему надо его обязательно еще испортить. Его тянет само по себе. Он, грит, больной делается. Я вот щас часто по хлеб приду, вот котора старуха меня не знает, идет, мне в грудь тычет. Я как дам: «Ты чё меня тычешь? Я тебя не знаю, ты меня не знаешь».— «Дак мне надо с тобой говорить».— «Говори».— «Я не знаю, как тебя зовут». Я грю: «Не знаешь, как зовут, можешь назвать гражданка или как, а ты меня

зачем в грудь-то тычешь?» Я уж сколько раз ругалась с такими-то. Словно ни раз меня

не видела, а вот чё-то найдет дело, меня в грудь ткнет. У меня грудь щас и болит. Я шибко колдунов боюся. Теперь некому лечить-то, раньше есть кому было, а теперь некому. *(8)*

225. Никогда я не думала, что мне по соседству попадется колдун. Болела я, все болит. Пошла в баню. Вымылась, сижу на табуретке. Запела, перепелась, по-собачьи залаела — хоть бы выпила, так нет. Стала плясать. Ноги болят, а я пляшу. Пришла соседка, спрашивает: «Федоровна, что это ты пляшешь?» Села, заревела, перереvелась, переохалась вся, успокоилась. Батюшка тут есть — я его батюшком

зову,—он все говорит: «Я вот такой маленький человек, а сила несметная. Я схвачу кого угодно — могу задушить!» И как-то летом я лежу на диване. Приходит, спрашивает: «Ну как, дядя Егор, здоровье? Как тетя Нюра?» А дед ему отвечает: «Слушай, Володя! Ты сделал, ты и разделай! Пускай не мучается». Он не обиделся на меня, не говорил, что я его оклеветала. *(66)*

226. Вот один рассказывал. Охотился, грит, я, встретился с соседом, а тот из той деревни, а этот из другой. Встретилися, посидели, грит, на пенечке, покурили, он пошел, я пошел. Я, грит, сорок раз выстрелил, патронов сорок штук было, белку стрелял, стрелял, не мог убить. И бросил, грит,

все и пошел домой, пустой пришел. Потом, грит, ну чё? — ружье хоть бросай теперь, негодное ружье. Какой-то был в Раскате старик. Я-де прихожу к этому старику: «Я к те с делом пришел».— «Я знаю»,— онде говорит. «У меня-де ружье не стреляет». Он-де ничё не делал мне с ружьем и ружьеде у меня не видел и говорит: «Иди домой, он к тебе придет и ружье в угол поставит свое, этот мужик». Так и вышло. А тот старик на охоту больше не ходил и ружье продал. Вот чёто знает, видно, есть люди. *(11)*

227. Заехали мы на паро́м летом на лошадях, я заехал, она за мной заехала, ну а там же на пароме паромщик, который им командует. Она, зна-

чит, паромщика не спросила, отвязала от причала паром, мне говорит: «Давай тянем, переезжам!» Ну раз тянуть,

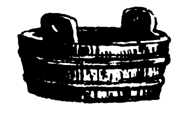

так тянуть, я еще молодой был углан, я тяну, помогаю ей. Ну, переехали. Я свою лошадь понудил, выехал на берег. С берегу тут угорчик. Я выехал, стою, ее поджидаю, ну она за мной поехала. Выехала, у ей лошадь дошла до моей лошади, и — наперед пятка́ми, наперед пятка́ми — телегу спетила, все до воды. Она опять испужат ее, лошадь опять дошла до моей телеги, оттудав опять петься, петься наперед пятка́ми, опять до воды спети-

лася. Не идет лошадь и всё. Я потом ей говорю: «Паромщик-от чё-ко над твоей лошадью исделал. Иди его угости чем-то. Может, у тя шаньги есть?» — «Есть».— «Ну вот иди угости». Ну она пошла паромщику отдала шаньги. Поехала, лошадь пошла. *(59)*

228. Есть у нас колдуны, где же их нет-то? Вот и у вас в городе поди есть? Нашего Григорий зовут. Если кто его разозлит, дак он не прощает. Робил он у одного, а тот ему не заплатил, чё ли. Дак он так сделал, что тот мужик, хозяин, лошадь свою не видит, а остальные видят все. Или еще с одним хозяином разругался, и тот теленка своего перестал видеть. Люди видят, а он нет. *(63)*

229. Так вот, в одной деревне мужик жил, так он гипнозом обладал. Посреди деревни бревно лежало, вот мужик барину и говорит: «Если дашь целковый, так я сквозь бревно пролезу». Барин и пообещал ему дать целковый. Вот мужик в бревне будто лезет, все думают, что он там, а он-то всех гипнозом замудрил. А тут сено один вез. Гипнотизер поздоровался, а тот не больно ласково ответил да еще и

крикнул: «Чё вы, дураки, на него глазеете?» А гипнотизер-то в ответ, значит: «Орешь, а

у самого сено горит!» Ну мужик перепугался, сбрую всю изрубил, а все остальные ведра похватали и давай сухуюто траву заливать. Так и испортили сено. *(128)*

230. У одних была свадьба. Мужики что-то расспорились. Один и говорит: «Я щас сделаю, чтобы лодка плыла по полу, по воде». Мужики-то все: «Неправда, да не бывает так!» А тот гипнозом всех сделал, и вот будто вода прибывает, море, море вокруг. Все туфли поскидали, сами — кто куда. Мужик смеется: «Какая же

неправда?» Туфли все плывут, перемешались. И тут он так сделал, что воды не стало, сухо, как не бывало ничего, а туфли-то все кучей перемешались. *(128)*

231. Сказывают, ведьму не пригласили на свадьбу. А она хотела пойти и обратилась в

свинью. Вот свадьба-то идет, вдруг видят: по подворью свинья бегает и визжит. Парни взяли жерди из забора и давай свинью гонять. Гоняли ее, били, а она не убегает, а потом исчезла. А наутро, говорят, бабка-колдунья вся избитая

лежит. А бить-то ее никто не бил. *(30)*

232. Была бабка одна, Долганиха. Вот кому она попадет на дороге, тому не повезет. Сказывают, Долганиха шла с коромыслом и встретила девку. Девка грит, что Долганиха пропала, и вдруг — коза. Коза за девкой-то побежала, спугала ее. Та бежать, забежала за калитку и захлопнула. А коза уже на другой стороне стоит. Закричала девка, люди выбежали — и коза пропала. *(30)*

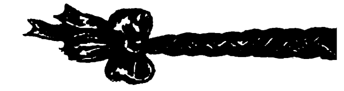
233. У нас здесь превращалась одна, Афониха Самарина, она в свинью превращалась. Видели ее: за одним парнем бежала. Ниже той женщины девка жила. Парень проводил ее домой, идет по лужочку обратно. Свинья срёхала и за

ём. С конца до сюда бежала, у него вся рубашка мокрая, в ограду домой забегает. Мать-то: «Петюша бежит!» К синям подбегает — стук-стук-стук! Отец открывает, а он: «Впускай скорей!» Зашел, рассказывает. А мать-то смеется над ём, не верит. *(125)*

234. В войну пришел один раненый, его поставили председателем. К нему женщина пришла муки просить, не дал. Вечером пошел в контору, за им свинья белая бежит. Остановился, она тожо. Мост перешел, оглянулся: женщина в белом платочке стоит, та, которой он муки не дал. Векшицей была, разозлилась на него сильно. *(116)*

235. Было мне двенадцать

лет. Пошла я работать на коммутатор. В Ветлянах было всемирное наводнение, и поэтому поселок перенесли на гору, и мы оказались на горе. Приехали мы туда, надо было мне рано утром идти на работу по железной дороге. Была у нас большая белая собака Зайка. Жила с нами тетя Маруся Чугарина, шел разговор, что она колдунья. Раз иду я на работу весной, снегу мало, конец марта. Меня мама проводила. Я

взяла факел от волков — в банке зола и керосином залита. Когда прошла поселок, Зайка шла за мной, дохожу до го-

ры — и вдруг собака завизжала. Остановилась, отошла в сторону — собака кинулась в овраг. Оглянулась я: свинья бежит за мной. Спустилась, опять оглянулась: никого нету... Потом говорили: чтобы свинья не щекотала, надо правой рукой ударить по тени. Это был человек. Когда пришла домой, рассказала маме. И собака была дома, оберегала два дня меня, ластилась и не отходила... *(103)*

236. Пошли в лес за смородиной двое взрослых и двое детей. Идут по улице, а у одной калитки стоит бабка и просит их взять в лес свою дочь. Согласились и сказали, чтобы она их догоняла — они идут

тихо. Шли-шли, нет нигде бабкиной дочери. Ну, думают, не пошла девка. Пришли в лес и видят: стоит на дороге конь, боком к ним повернутый, а от него сияние золотое льется в разные стороны. Только приблизились к нему, он тотчас же пропал. Махнули все рукой и пошли искать ягоды. Ходили-ходили по лесу, но так ничего и не смогли найти, хоть и знали места хорошо. Пришлось

возвратиться ни с чем. Идут по деревне, а бабка уж тут как тут: «Ну что, набрали ягод? Говорила вам, подожди-

те мою девку! Вот так-то вам!» А звали эту бабку в деревне чертихой. *(99)*

237. В зарод ушли баба с мужиком. Мужик ушел до ветру, дал ей деревянную вилу. Она взяла. Он ушел и переворотился медведем. Пришел, она его в бок ткнула вилой. А потом мужик пришел весь в крови. Баба спрашивает: «Пошто весь в крови?» Говорит: «Сама ты меня ткнула, когда на зарод лез. Это, грит, я был». *(67)*

238. У меня тетка была очень знатли́вая. Как только идешь в двенадцать часов но-

чи мимо ее избы, у нее из трубы вылетает огонь молнией. Леший его знат, этот огонь, куда ему надо. Потом, как толь-

ко кончается два часа ночи, этот огонь обратно в трубу летит. В одно внезапное время ее мужик или кто ли, кто-то родственник, пошел к ней ночевать. Вдруг она потерялась из избы. Искал, искал — нету! Пошел во двор, а там колода. Он пнул. А она говорит: «Чё ты меня пинаешь?» Это старуха, видно, залетела трубой-то и во двор улетела. Она летала трубой. Она не говорила «бе-

си́стая», она говорила «знатли́вая». Бесистые не летают, они так хорошо портят. *(8)*

239. Мужик у мужика межу переносил крадом, а тот и не знает, как отомстить. В соседях жил у его чертистый мужик, он пошел к нему: «Дядя, научи чертям». Ему отказали, он заматькался. Но пришел другой раз. У него спрашивают: «Зачем учиться?» — «Мужика испортить, который у меня межу скосил, суседа».— «Ну, приходи пожжа, баню истоплю». Пришел он к чертистому мужику вечером поздно, пошли в баню, разделися, входят. Тама собака сидит рыжая под полко́м. Пась раскрыла, язык высунула, во рту огонь пышет. Чертистый мужик говорит тому в пась полезать к

ей. «Я боюсь».— «Зачем пришел? Просился — учись». Подошел он к собачьей пасти и в дому оказался. Там столов

много было, и нужно было к каждому подойти. Вот он подходит к последнему. Здесь чертей давали. «Скока те надо?» — «Одного надо, мужика спортить».— «Меньше трех не дам!» Подошел к дверям и оказался в бане. Научился портить, испортил того мужика, а сам от чертей отделаться не может. Отпихивает их, они не отстают, бросит — обратно ле-

зут. Тогда он стал каяться, всем рассказывать. И завязал — по всем церквам молился, чтоб от их отвязаться. Раскаялся. *(54)*

240. Мужика, женщина одна рассказывала, учить на бесей стали. Привели его в двенадцать часов ночи в баню черную, по-черному топят. Глянул, а тама на полке́ собака рыжая, огромная такая собака сидит. Ему говорит этот, который бесястый, учил который бесей: «Полезай в пасть собаки-то!» — «Да боязно».— «Полезай, полезай!» Собака-то пасть расшеперила, он полез скрозь, из заду вылез, а там лебедь белая пасть расшеперила, он тожо полез. С бани-то выходит, а с им парнишечка маленькой: «Давай, дядя, хоть

корову спорть». Он спортил, а тут ишо парнишечка, ну, такой жо. Оне оба стали работу просить. Он, мужик-от, на покос их взял, он косил тогда. Весь день косили втроем. Оне-то тожо косят, косят. А назавтре пришел грести-то, которы я выкосил, говорит, только те и выкошены, а которы оне, даже трава не смята. *(68)*

241. От матери слышала, что парни в деревне привязались к колдуну: научи! Он им

говорит: «Приходите в двенадцать часов к бане, заходите и стреляйте в передний угол.

Выбежит из печки собака, лезьте в пасть». У одного вышло — научился. Второму показалось Христово распятие — он не стал стрелять. Видимо, господь его не допустил. *(1)*

242. А тут этот старик еретик-то был, у меня в избушку напрашивался. У нас с братом собака была. Брат-от Черепанов Семен Иванович. Старик у нас на собаку поглядел. Назавтра пошли в лес — ни одной белочки, а били по двенадцать-пятнадцать белочек, хоть были пацанами: ему — пятнадцать, мне — четырнадцать. Я сызмальства охотник. Меня самого на чертей учили. Я говорю: «Своим пóтом проживу, никаких чертей ваших не хочу».— «А ставь водку, мы тебя научим, ты никого не будешь

бояться. Тебе диявол всех подгонит, только собирай». Мне самому это набивали и присушные эти слова набивали тожо. *(13)*

243. А вот мне тоже один сказал. Про Булдырью слыхал? Ваня Кукарека был там, старик. Как-то вечером у меня спрашиват,— я там два лета рыбачил, с Соликамска приезжал: «Ты, говорит, Егорушко, охотишша?» Я говорю: «Охочусь».— «Ну как?» — «Сегодня хорошо, а завтра опять плохо».— «Вот ты ничё не знаешь, потому ты мучишься. Надо научиться. Тебе все пригонют».— «Как?» — говорю. «Ты куничку водишь?» — «Вожу».— «А тебе водить не надо, тебе пригонют». Ах, помяни тя лешего, волосы у ме-

ня дыбом. Нет, не надо! Мне мать сказала: проживете честным крестом. Трудитесь — бог даст, не будете трудиться —

воровать не ходите, на худое дело не учитесь. Прошлый век. Материны слова золотые. Материны золотые слова выполнил, век прожил без всяких чертей. На второй день подсаживается: «Ну, чё, Егорушко, будешь учиться? Давай буду тебя сёдни учить!» А у меня кожа там стала шеве-

литься. А я слыхал: в собаку заставлят лизьти. В баню-де поведет, там будет собака сидеть большая, пасть большая. Через эту собаку надо, говорят, дважды лизьти. Он скажет: «Лизь, если хочешь!» Эту собаку, пролезешь, пройдешь, все дьяволья будут перед тобой, всех будешь знать. Не надо, думаю, мне. Я говорю: «Дедушко, не хочу!» — «Почему?» Рассердился. Охота было ему: они сделают человека, так им легче. Вижу, куда он меня пихат. Я, значит, отговорки. «Зачем мне? Сёдня я здесь, а завтра повестку на фронт. А мне, говорю, без пользы». Сам рукой махнул. Не мог он мне передать пе-

стерь этот. Чертей-то пестерем называют у нас. *(13)*

244. В Митрофановой мать отдала дочь (замуж) колдунам. Все ее бьют — и свекровка, и брат, и все бьют. Она пришла к матери, в ноги падает и плачет: «Мама, меня бьют!» А мать говорит: «Живи там, а то двух других девок у меня не возьмут!» Во второй

раз пришла: «Меня в ночь поведет муж в баню». Он повел, а мать за ними. Привел и говорит: «Как собака выйдет из-

за каменки, огонь из пасти, ты в огонь руки суй». А мать из предбанника: «Не суй! Сгорит она там!» А мужик ей: «Иди откудова пришла, покуда жива!» Дочь назавтра приходит, говорит: собака-де вышла, она руки подставила под огонь, глядит: муха на колене, сгребнула — две, сгребнула — три мухи. Так мать говорит теперь про дочь: «колдунья». А черти мухами были. *(67)*

245. А тут тожо одна женщина сказывала: где-ко там в верхах один бесúстый есть. Портит тожо людей-то. А другой-де говорит: научи-де меня, бисей-де научи! «Приходи, только вечéром». Он пришел, да рано, а надо в двенадцать часов. Ну и ждал. Ну пойдем-де. Пошли, пришли-де во двор,

двери-де он открыл, там-де в уголочке какое-то сидит чудовище. Ведмедь-де, не ведмедь: какой-то лохматый, хайло-де отворил — вот такая пасть! Во рту-де вот огонь. А тот говорит-де: «Давай наклонись и к ему подойди». Я-де перематькался: «Ну тебя к такой-то матери с имя́, с бесями!» И ушел. В квартиру ушел, а старик, уж он остался тут. Все не идет да не идет. Я-де спать захотел да уснул. Уснул, потом проснулся где-ко утром, глядь: он ползет, бесистой старик, на четвереньках и меня-де матькает: «Чё ты ушел? Почему ты ушел? Говорил, учиться буду, а сам ушел. Оне,

грит, меня чуть совсем не замучили, биси-те». Его самого. «Меня, грит, оне кверх ногами, так-де». Он, грит, пришел весь измученный. Вот-де так заполз в избу-то. Бес, видно, какой-то мучил. Оне, бесы-те, сперва-то маленькие, а потом-де вырастут, большие будут, говорит, жужки, с лапами-де. Сам-то хозяин говорит, оне у него работу просят. А он говорит: «Я

сам дам работу». Там насыплет им зерно, они перегребают. Дак это им мало. Им надо

как-то портить, вот такую работу просят. *(40)*

246. Мужик рассказывал. У них охотничал один, он на чертей научился. Вот лесовать пошли они, уж не знаю как, вместе. Тот его все подговаривал учиться, в глухаря-де лизть, в пасть, чтоб бисей научиться. «А чё я полезу? Тебе надо, ты и полезай. Чё я полезу-то?» Не полез так-то, научился бы бисей полностью. *(13)*

247. Колдуны сказывают сказки. Если упомнишь такую сказку, то сам станешь колдуном. Мою дочку тожо колдунья хотела научить. Она уже сказку стала сказывать ихнюю. Я ее вовремя остановила, за волосы как следует оттаскала. Так не

стала больше сказывать. *(45)*

248. Они сказывают сказку, сказку-то сказывают. Запомнишь эту сказку — вот тебе и колдун. Они такую рассказы-

вают, что можно людей портить. Вот словами-то и нарушáт человека. Может даже смертельно сделать. Человек зачахнет и помрет. Много померли, и молодых даже много умерло. Умер вот Иван Сергеич, он еще вовсе молодой был мужик, годов тридцать всего. Он от этого умер. *(45)*

249. А оне, эти колдуны, не могли выжить без своих чер-

тей. Вот один овдовел, такой был богатый и овдовел. И стал сватать такую девку хорошу. Сам колдун. А оно богатство-то... Раньше-те родители за богатство, господи, готовы отдать! Хоть бы хто посватался, чтоб богатый тесть был. Оне и отдали. А тожо он уж ее любил сильно. И ей сказал, где черти. «Черти у меня на вышке-де, в пестере́». Это пестери были такие из бересты плетеные. А сам пошел овин сушить. Раньше-те сушили снопы-те. Вот натолкаешь тамака снопов, назавтра молотишь палкима. Колотухима колотили. Сам пошел овин сушить.

Она затопила печь, думат: «Я сожгу его чертей!» Взяла и бросила в печь пестéрь-от. Ох, оне все тамака запещели! А он тамака и побежал, видно, до-

мой. Прибежал-де домой. Всё закрыто у её. А тамака задвижка была на двери. Вывернул, в дыру башку-то запихал. Больше уж нельзя ему жить-то, черти сгорели! Тамака и умер — башка в дверях, тамака и умер! *(80)*

250. Колдуны-те чертей кормят. Я еще маленькая была, с ребятами в окно подглядывала. Налепят они много пельме-

ней, и отец их Трофимов перву тарелку покладет и в голбец несет. С чего вот это перву тарелку в голбец? Живет у

их кто тама? Это все не просто так, люди-то оне непростые. Отец в голбец спускался, чертей кормил, вот кого. Их-то тожо кормить надо, поди. *(57)*

251. Если есть родственники в семье, колдуны после смерти им чертей передают. Черти даром сидеть не дают, а работу просят. Детям еще их передают. Они, черти, и не выводятся. Если б их не передавали, не было бы их уже. Я

детей колдунов выспрашивала: «Что у вас дома есть?» — «Есть маленькие птички всяких цветов, голубые, красные, зеленые. В голбце в коробочке сидят».— «Пойдем посмотрим».— «Нет, мама ругаться будет». Если бы медицина признавала, что колдуны есть, давно бы всех убили, никто бы не болел. *(7)*

252. Черти у колдунов, оне разные — то в медуниц, то в птичку какую, то в жуков. У меня хозяин видел их, когда вот навоз возили весной. Набрасывали, накладывали на телеги и нашли гнездо. «Медуниц у вас, господи, сколько медуниц!» А хозяева, говорит, тот и другой, старик и старуха, перехаживают взад и вперед. Мы пошли после обеда,

мол, мед достанем. Пришли тока на место-то, а их ни одной нет. Всех вы́водили, в другое место увели. Наш пришел домой. «Ну чё, наелись меду?» — «Их нигде нету там, только мякинки выдернули». Большушшее гнездо было. Они так то медуницами, то жуками. *(45)*

253. На Рождество ходили славить. Все славят, а меня не пускают, потом только отпустили. Мать сшила мешочки. В

первом доме дали по пряничку, в другой не пустили. А в третьем открыто, стряпают. Вышел старик, дал нам по ко-

пейке. В следующем доме дали жаворонков из теста. Мы с сеней спустились, жаворонков на лестнице оставили, не надо их нам. В следующем доме никого не было, мы зашли, стояли, стояли, из-под печки вышли цыплята — желтые, крупные,— много их. Так много — не могли поймать. Из дома вышли — идет женщина, говорит: «Славить пришли?» А мы: «А у вас цыплята бегают». Не вышла она потом, не дала ничё. Потом взрослые говорили, что там, в этом доме, колдуны живут, у них цыплята: взрослым не показываются, а дети увидели. Это черти были. *(4)*

254. Мой брат жил в срубу́. У его хозяйки был приемыш. Они с ним поехали как-то раз пахать, а затем вернулись на

обед. А приемыш брату и говорит: «Пойдем чертей искать!» Пошли в амбар. В амбаре стояла маленькая коробка, в ней лоскутки и коврижка хлеба. Вернулись в дом. Парень-то говорит хозяйке: «Мы у тебя чертей нашли». Наверно, у нее, у хозяйки-то, на самом деле черти водились. *(38)*

255. А еще у одного тракториста были в гостях две девочки маленькие. В голбце нашли они банку со стеклышками, а стеклышки такие красивые, разноцветные. Они стали просто перебирать. Не знали же, что это биси. Тракторист-то в Пянтеге был, а прибежал домой быстрее быстрого. Почувствовал, что его трогают. *(25)*

256. Вот через два дома от

меня колдунья живет. Так мне про нее ребята рассказывали. Она кошку взяла, в чугунок засунула да в печку поставила и заслонкой закрыла. Ребята к ей тогда-то зачем-то пришли и ту кошку выпустили. А колдунья-то им и говорит: «Вы зачем заслонку открыли? Я же чертенка душила, а вы его выпустили». *(115)*

257. Одна женщина пошла к чертистым, к мужику чертистому. Пришла, а там на тарелке вода. Ребятишки дома, птичками играют. Они ее попросили, чтоб родителям не говорила, а то они заругаются. Они ж с чертями играли. Вот женщина повернулась и ушла, испугалась. *(51)*

258. Вот один парень у нас на чертей научился. Вышли

мы на речку, а он едет в лодке, на носу, руками машет, без весел, ничё у его не было. Просто сидит и машет ру-

ками-то, а лодка сама плывет. Это от чертей все, от их. Дак уж лет больше двадцати пропал. Это его черти задавили. *(60)*

259. Черт их знает, где они их берут, бисей-то. Вот у нас тожо в Ныробе-то был один, дак он умер. А у его сын женился. Взял тут в Ныробе одну девку парень-от, сын-от его. «Я чё-то слезла в голбец, там под печкой, она говорит,

такое лукошко. Подернула — там-де начало жу́жики. Я-де пихнула, закричала, вылетела из голбца, испугалась-де: жу́жки там гамазятся прямо. Потом я пихнула, голбец закрыла, мне чё-то так спротивело». И она ушла от мужика, не стала с им жить. Я, грит, бесей-де боюся — и ушла. *(40)*

260. Осиной, говорят, осиной пользуется колдун. Я у мамы слыхала. Вот есть колдун, его черти просят каку работу, он грит: «Вон идите на осине сосчитайте лист». Вот поэтому у

осины лист дрожит. Видно, так по-божественному осина колдуну дана. Она лечебная ведь, ей лечатся. Ангину лечат, красноту, кто сильно кашляет. Я слыхала от мамы. У осины лист красный бывает, это колдун портит ее. Мама так говорила. *(8)*

261. Векшица — та же ведьма. Векшицей любой может сделаться. Лекарство у них есть, они намажутся и в трубу вылетают. Они в лесу в груду собираются и праздники делают. Вреда много приносят. Женщина последнее время ходит, они ребенка достанут. А на то место положат или мыло, или головенку, а женщине больше ничё не сделают. *(125)*

262. Двоюродный брат мой как-то со сходки возвращался

и шел мимо овина. Слышит: сороки тéкают. А сороки-то ночью никогда не текают. Под овином огонек. Глядит: две старушки сидят, кирпичики у них, огонек, жарят чего-то. Одну-то он узнал. Пришел домой, спать лег, ничё не рассказал. Утром встали, приходит старушка, вся в шаль завязанная. Ей хозяин говорит: «Иди чай пить с нами». Она села на скамейке: «Нет, спасибо, Александр, прости. Ты что, Александр, надо мной сделал?» — «А-а, дак ты векшица!» — как закричит брат. Он до того в трубе поцарапал, так это он ей лицо поцарапал,

вот она завязанная и была. Так бегом убежала. *(116)*

263. Векшицы в трубу на ухвате летают. Векша — это белка. Рассказывают, бывало, видели. Солдат шел со службы, зашел к женщине переночевать. Она его спать уложила. Думала, что спит, встала, достала пузырек, помазалась и полетела. Солдат встал, тоже помазался и за ней полетел. Прилетел на полянку, а их там целая стая — кто на ухвате, кто на чем. Хозяйка его увидела и говорит: «Улетай, пока жив!» Улетел. *(121)*

264. Прохожий один зашел ночевать к векшицам, а имя свое не назвал, чужое. Лег спать. Они намазались и улетели. Он намазался и тоже улетел. Они там в бане обед

жарили. Увидели его: «Ты, мол, зачем прилетел-то?! Вот тебе конь, поезжай и не оглядывайся». Он не стерпел, оглянулся. Смотрит: на чем ткут, сидит, на мялке едет и в месте незнакомом. *(117)*

265. Жила тут одна недалеко от меня, так она векшицей была. Вот в один вечер муж ее смотрит: она мазью какой-то намазалась, взвилась да улетела. Он подождал маленько и

сам обмазался. Тут его как понесет в трубу! Так он и вылетел. И прилетел туда, где они все собираются. Тут его баба к нему подскочила и давай на

него ругаться: «Ты что здесь, старый хрыч, делаешь! Убирайся отсюда!» Дала ему липовую палку, а он на нее смотрит и видит: конь стоит. «Езжай, говорит, до дому и не оглядывайся!» Нельзя, стало быть, ему оглядываться-то было. Вот поехал он и уж у самого дома оглянулся. Видит: сам на липовой палке сидит. Так уж на ей до дому-то и доехал. *(107)*

266. У одного мужика жена в положении была. Раз пришел у ей муж выпивши, и спать все легли. Вдруг заходят две старушки, одна другой говорит: «Давай ребенка достанем, краюху хлеба положим». Другая: «Головенку засунем». Мужик-то проснулся, соскочил, давай всех будить. Одну-

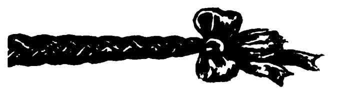
то бабу он узнал — она ходила детей принимать. *(116)*

267. Мама ко мне в Кашку шла осенью. В деревне сосед-

ней переночевать решила. Видит: старичок с дровами стоит. Спрашивает: «Переночевать можно?» — «Если жена разрешит». Пошли к ему, старуха ворота открывает, ругается. Не пустил ночевать. Мама мужика с возом увидала, спрашивает: «Можно переночевать?» — «Да мне не жалко, вот только у меня жена беременная». За-

шли в дом, хозяйка хлеб достала, накормила. Про ту старуху, которая не пустила, сказала: «Векшица она. Я вот с двенадцатым животом хожу, ни одного ребенка не имею». Она ее научила опушку от мужиковых штанов или гасники на голое тело надевать и спать поперек полу. Уехала. На обратном пути к ним снова зашла, а у той уж зыбка висит, ребенок родился. *(116)*

268. Богатая была свадьба. Зловредную соседку не пригласили на свадьбу. Надо было ехать через перелесок к неве-

сте в деревню. Зловредные люди стали догонять на санях. Заколдовала она свадьбу в волчью стаю, штук тридцать-сорок волков. Мороз был сорок градусов. Посмеялись зловредные люди и уехали в деревню. Волки задирали людей и не могли опять превратиться в них. *(98)*

269. А это оборотней опять делали. Как-то мы в Сибири были два года, это в девятнадцатом-двадцатом году. Там за Уньей есть Ушим, мы у старика жили на квартире, он путешествия всё рассказывал. Там у них раньше было закрепительное право, щас кто кого хочет, тот того и берет — по нраву, по вкусу, а раньше сходились по капиталу, молодые один другого не знали, не ви-

дели, ну ты богато живешь, я — богато, у нас по капиталу и сватовья должны. Мы сына

женим или он дочь запросватает, ну, это факт был. Вот старик, ему сто десять лет было, он чудеса рассказывал. Вот Обь была река. Я ее не знаю, он, грит, раньше там рыбачил. Дак там даже в воде можно спать, только на рыбу пальцем не показывай, в воде спи. Покажешь — будешь задыхаться, а с лешим договоришься — спи в воде. Токо не показывай пальцем, если рыба подходит.

Все это он рассказывал, интересно больно. Вот была свадьба одна, а хозяину-то, что-то не по ему вышло дело-то, ну, он над этой свадьбой хотел подшутить. Сын его уехал по невесту — ведь раньше ездили сватьи, тысяцкий, бояры назывались, с колокольца́ми едут там по невесту, свадьбу гуляют потом у жениха. А ограда была большая. Он хотел пошутить, ему невзлюбилось чё-то, не по нему вышло, он, грит, когда все заехали, как-то там по-своему сделал их оборотнями, на волков. Ограду-то закрыли, а подворотню-то не вставили. Он думал: пускай полетают по ограде-то, вот по ограде полетают, а он обратно их людьми сделает. Хотел насмешку сделать, видите. А

подворотню-то не догадался, что не закрыта, вот они и разбежалися по лесам, по долам. *(13)*

270. Рассказывали люди, что мужик ходил в лес, волка убил одного. А под мышкой, под кожей, бисер нашел. А этот бисер был на голове у невесты. Вот в этого волка и превратилась невеста, оборотень этот волк был. *(92)*

271. Я тоже слыхала у бабушки. Медведя убили, шкуру сняли — точно женщина: груди и руки, точно женщина. А бабушка говорит: был-де колдун, его на свадьбу не пригласили, так он свадьбу всю в медведей обернул, они тут же все разбежалися. *(71)*

272. Говорят, были люди, что перегораживали дорогу свадь-

бе — не пойдут кони и всё. А были люди — знали от этого отговоры. Которым ехать, из них есть люди — им дорогу никто не перегородит. У нас этого не было. А вот одна девка Маня выходила (замуж) в Кислову. На конях ее повезли. И вот был то ли свекор ее, то ли кто, коней наладили, запрягли, садиться надо молодым,— он пришел, всех коней

обошел кругом, по яшшику стукнул: «Садитесь и поехали!» Сели и уехали. И никто дорогу не перегородил. Я сама это ви-

дела. А то говорили — воровали дорогу. *(76)*

273. Раньше свадьбы делали большушшие. Остановят лошадь колдуны на свадьбе, говорят: выкупа́й дорогу. А если на свадьбу не позовут, так такое сделают! Что-то, видать, действует, каки-то слова. *(91)*

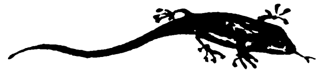
274. Мужик сам рассказывал. Пошли записываться в сельсовете, меня-де свидетелем взяли. Знатко́й же сосед что-то сделал, все немые сделались, ничё не говорят. Председатель молчит. Двоих за одной невестой записали. Положили-де нас троих, невесту в сере́дку, ну, мы ее и не тронули. Встали утром. Мужик один и говорит: «Возьмите тухлое яичко, у его дома разбейте, знаткой и будет». При-

шли свадебжáне и разбили у знаткого. Он вышел, свадебжáне его за грудь потрясли, набили: «Что ты такое иcделал, что мы с одной записались?» Потом снова записались. *(67)*

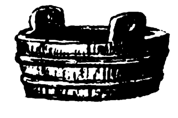
275. Они, колдуны, испортили у меня брата. Умер двадцати трех лет. Лечили, лечили. В Морчанах был лекарь, сказал, что ему пущена сухая грыжа, сделана на год, надо было раньше лечить, теперь уж чё. Возили его в Куделино, к бабе какой. Она сказала: лечить надо было раньше. Его

надо в глухую полночь мыть в бане. А у нас, говорит, колдунов много, они меня поедом едят, что я это лечу. Они ведь не любят тех, кто лечит. Она его лечить не занялася. Лекарь в Морчанах говорит: вот у него чё-ко болел живот, а домой приедет, будет ему легче, это место болеть не будет, а в ноги ему спустится, порчато. Ну и правда, привезли мы его домой, у него ноги заболели. *(76).*

276. Меня вот портили. У меня родная тетушка была. Вот, видно, отец передавал ей чертей, ну она полностью не по-

няла. Она грит, оне ее будут мучить, чтоб она испортила курицу ли, кошку, любую скотину, если человека не может спортить. Она родную мать испортит, накажет. А меня она любила. Всё в гости ходил к ней в воскресенье, то блины, то шанежки напекут, потчеват. А вот в бане с ей бабы боялись мыться. В баню, грит, придет, лихость ее берет, лешакатся, волосы поднимаются дыбом. Ее боятся, раз лешакатся, бабы. Уходят, даже не моркуются. А она сидит, ругается, лихость из ее выходит, спортить ей надо. Она вот меня и спортила. Меня наладила на надсаду: мене надо в лес

идти, у меня надсада. Меня в бане мнут, мне хуже. А мне надо было лекаря, чтоб он уничтожил их, бисей, против их. Ну и мне попала кубанка одна, переселенцы они. Тут у нас Гаревка есть, голод стал, оне ходили в деревню, променивали последние тряпки на хлеб, кто картошку, кто хлеб может дать, корма́ давали. Меня стали мыть в бане, мнут — пушше болит. Я прихожу с бани, она сидит тут на западёнке у нас. Она смотрит: «Я, грит, порчу поганых людей насквозь вижу». Кубанка она. Фамилия Котенко. А вот она меня лечила как. Я тогда еще первый год с первой еще жёной жил. Она грит: «Чё, сынок, плачешь?» — «Вот, грю, в бане меня мнут, пушше бо-

лит».— «А ну-ка ляг на пол, я тебя проверю». Пошшупат надсаду ли чё. Она грит: «Невестка, есть лучина?» Лучина — раньше с полена щипали лучину. «Свеча есть?» — «Есть».— «Дай мене свечку, дай мене нож, налей в чашку воды». Вот хоть верь, не верь, на себе испытано. Она мне поставила вот сюда вот, на грудь, эту чашку с водой, взяла свечу, лучину зажгла, нож, крестит воду, чё-то шепчет, и шепчет, и шепчет. Свеча растаяла, она грит: «Ты-то ету узнаешь?» Я поглядел: ну как на фотке, свеча — как тот же портрет глиняный,— тетушка сидит! Черная юбка, кофта белая. «А как это так?» — говорю. Она говорит: «Это вот твоя дорогая тетушка, она те-

бя любила, а ей время пришло, ей надо кого-нибудь испортить, она тебе и подала, надсаду наладила».

Вот я и страдал. А напротив чертей другие люди есть — заглушают их, отзывают. И вот как второй раз она эту плитку, из воска, таять стала, опять это же из меня вызывать заблуждение, эту порчу, и тут этот старик сделался: рубашка на ём, штаны, волосы под шапочку,— Иван Денисыч. «Вот, говорит, сынок, я ходила сквозь по деревням, это поганые люди». Она их знает. «Ты с ним спорил?» — «Было время, спорил». А у их раньше луга чистили, кочки раскапывать по-

мочь тут у нас собрали — всю молодежь, девок. Меня разве оставят? Я же раньше бойкий был, без меня раньше и гуляния не было ни на вечерке, нигде. Очень бойкий был. А счас не дают мне годы мои. «Вот, говорит, он тебе в стаканчике поднес». Вот и все. Меня это все и ломат. «Третий раз поглядим, что в тебе есть». Третий раз плитку эту так сделала — требушинка тока и кишочки, требушинка вылилась,

всё как скотина зарезанная выбросит. «Больше, говорит, нету. Вот эти двое тебя наказали. Невестка, утром баню

топи, я, грит, его в бане обкатю, веником оботру и все». Утром баню истопили, она со мной в баню пошла, меня веником обтерла, окатила. Вся надсада ушла. *(13)*

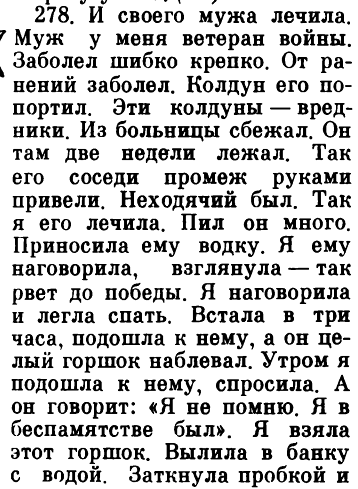
277. К одной знахарке меня водили с ногами под Березники. А мне опять антиресно. Двухэтажное здание, живет наверьху, внизу — кухня летняя. Вечером при закате солнца пришла она. Но к ней идти, так бутылку надо. Так вот пришла и спрашивает: «Кто первый?» А народу много было, я и вызвалась. Пришли, она раскладушку поставила, подушку положила. Говорит: «Раздевайся!» Я разделась. Она гладила все, массажировала, села за головой. Она стала счи-

тать, я за ней повторяю. Потом говорит: «Эдак спи и не гляди». Я тихонько в шифонер гляжу, там зерькало. Она ме-

ня увидела. Снова сказала: «Спи, закрой глаза». Сама читает молитвы. Потом я встала, она молитвы наставила на животе. Говорит: «Ты хитрая бабка». А пошла домой, говорит: «Доро́гой ни с кем не разговаривай». Мужик шел рядом, спросил время. А я молчала, молчала да и говорю,

сколько времени. Это ответила и сразу упала. *(10)*

278. И своего мужа лечила. Муж у меня ветеран войны. Заболел шибко крепко. От ранений заболел. Колдун его попортил. Эти колдуны — вредники. Из больницы сбежал. Он там две недели лежал. Так его соседи промеж руками привели. Неходячий был. Так я его лечила. Пил он много. Приносила ему водку. Я ему наговорила, взглянула — так рвет до победы. Я наговорила и легла спать. Встала в три часа, подошла к нему, а он целый горшок наблевал. Утром я подошла к нему, спросила. А он говорит: «Я не помню. Я в беспамятстве был». Я взяла этот горшок. Вылила в банку с водой. Заткнула пробкой и

вынесла на крыльцо. А в банке сидит человек. Голова, уши человечьи, руки человечьи, а лапы собачьи и хвост. Как мышонка. Стоял у меня две недели. Люди смотрели. Потом приезжала врач из больницы. В микроскопель его смотрели. Унесли человечка. А человечек-то живой был, то лягет, то встанет. *(3)*

279. И вот одна мне нынче тоже рассказывала. В Кам-

горте опять такой случай был. Это вот выпивали, видно, за столом и до того довыпивали,

что одна женщина у мужчины схватила стакан и говорит: «Я выпью!» А тот-то рассердился, что она хочет выпить, и такое

ей сделал! Видимо, уже готово было у этого мужчины, чтобы попортить. Ее стало тут рвать. И она говорит это, старичка-де какого-то выблевала. Такое белое, как мясо. А они, говорит, его разглядели. Потом в глаза стали тыкать, а ему ни черта, говорит, не делается. Взяли бы да лучше понесли в больницу на проверку, да? Чтоб меньше разговору было. А они взяли да закопали. А потом, видимо, ста-

ли рассказывать, а те не поверили. Пошли его выкапывать, а там уж ничего нет. И вот у нее дочь все болеет, болеет очень, вся высохла. Говорит, себя готова всю исцарапать. Мне говорили, я не верила. А вот которая глаза-то тыкала, мне лично говорила. *(50)*

280. Слышала в детстве. Одна старушка, Ступиха, высокая ростом, горбатая, любила выпить. Соседка была Соколиха, с которой та не ладила. Она решила ее испортить. Взяла Соколиха ящерицу, высушила, мелко искрошила, подала в вине. Хотя сушеная, ящерица у ее срослась внутри. А Ступиха: «Как зовут тебя?» — спросила у ящерицы. «Андропка. Ты выпила вино до дна, вот я и завелась и разви-

лась в тебе с андропятками». В селении том тополь был срублен, и Ступиха подскакивала над пнем в вышину метр. Операцию стали ей делать. Ящерицу не нашли. Она потом сказала: «Стали искать, я в зад ушла». Снова стали операцию. Ящерица спряталась в пятку. Пошли к старику. Старик посоветовал ей ходить в туалет в ведро много дней дома, а из ведра на улицу не выливать. Однажды она услышала, что что-то упало в ведро. Ступиха вывалила из ведра во двор. Старик, узнав это, сказал, что не нужно было выносить во двор. Она говорит: «Двор ведь, не улица».— «А все равно». Ящерица говорит: «Если бы ты не вынесла ме-

ня, все равно бы я тогда к снохе привязалась бы». И ящерица снова стала жить в старухе. Но если бы Ступиха послушалась старика, то ящерицу можно было бы извести. *(52)*

281. Тут тоже один парень с девкой гулял. Потом не стал, дак она его спортила. «Ой-ой, сердце болит». Поехал в больницу, ему сделали операцию, а там на сердце у него лягушка. Ее никак не могли ухватить. Потом како-то магнитно зеркало взяли и ее сняли. Девка ему говорит: «Если

уедешь из деревни, я тебя убью». Он спрашивает: «Кто тебя учил?» — «Меня дедушка учил. У него воробышки в решете. Я тебя убью, если уедешь». Воробышки?! Дак это биси, их на осину посылают листочки считать, они ведь, биси-то, работу просят, а осина ведь потому и дрожит. *(71)*

282. А с колокольцá надо пить, чтобы порча заговорила. Я бабушку похоронила. У ее, бабки, была порча, разговаривáла. Ей операцию стали делать, она как соскочила со стола и бежать. «Я, говорит, ножик мимо себя поверну, сама спрячусь, вы меня не найдете»,— порча-то говорит. *(71)*

283. Женщина мне одна рассказывала из Тюлькино. В бане она работала, опоздала ба-

ню открыть и квасу забыла взять. Тут бабка дала ей квасу испить. Выпила она немного, и как будто в горло что-то попало. Больше та женщина не смогла работать, заболела. Три месяца болела, к врачам ходила, к старухам разным — ничё не помогло. Сидит она как-то раз в очереди к врачу, подошла к ней маленькая старушка и говорит: «Порча у тебя. Вот семь вещей — вымой, выпей. Вырвет — вылечишься. Первый раз не поможет — второй делай». Вымыла, выпила она эти семь вещей, вырвало — не помогло. А на второй раз вылетел камушек, весь кругóм в глазах. *(87)*

284. У меня в голбце черти сидят. Старушка одна посади-

ла. Как выпьешь сто грамм, песни поют там всякие в голбце. А теперь еще щекочут. Она на пьянку посадила. Она сказала: «Вот ходила ко мне, брагу пила, вот теперь тебе и попало». Она зналася с нечистым духом, с лешим. Пить-то перестала, а они говорят: «Не стала больше пить, не стала нас поить». Обратно выгнать их нельзя. Если с нечистым духом знался, то ничего не поможет. Ей посадили в голову. Маленькие-то в голове уснули, а она (порча) говорит: «Ой, маленькие мои, уморилися».— «Увидишь, тебе чё будет, увидишь, тебе чё будет».— «Ой, миленькие вы мои, миленькие-то мои».— «Плохо тебе будет, плохо тебе будет». В трезвом-то она не говорила.

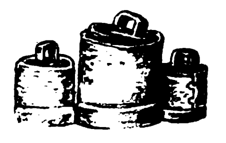
Все в левом ухе говорила, а в правом ухе старик самый главный. Она говорит: «Анна Прокопьевна хорошая, подружка старенькая». А он говорит: «Тебе подружка, а нам не подружка». *(81)*

285. С Вильгорта шла к дочерям и тетку встретила. Она мне дома дала чё-то выпить, чё-то на воду нашептала. Она меня всю осмотрела, ощупала, слова́ дала. Первые-то дала слова — я чуть не умерла, на стенки скакала, вторые-то дала — вроде лучше стало. А

третьи слова мне дочь не дала выпить, вылила. *(44)*

286. В Чердыни баба одна лечит. Я к ей не хожу. Она,

грят, лечит-калечит. Она своего старика лечила, дак у него лягушка выскочила. К ей ходя́т лечиться, а я боюся бабушек, я не хожу. Я потому что испытала. Вот тут, в Адамовой-то, старушка хорошо лечила. Вот от ее столько людей выздоравливало. Если в семье плохо живут муж и жена, она делала мир. И он жене слово не скажет, и она, живут

очень дружно. Вот она такие делала дела. Это не присушки, а просто мир. Это ведь не грех, она многим делала женщинам. Присушки — грех, это колдовство. Я читала книжку божественную, их там не колдунами, а чароедами зовут. Там прямо написано — им спасения души нету. *(8)*

287. Ратная червь-то есть, есть ратная червь. Говорят, она на счастливого человека выходит только. Женщина-то рассказывает: белая она, вот

как все равно рис. И так же она на все суставчики делится. Стелют под нее — не знаю, забыла, какой платок,— дак

все суставчики докудов не зайдут, делится она, делится. У ее (знахарки) в узелке она была. Вот она стала меня лечить

и сказала: «Эта женщина, которая спортила тебя, должна прийти, придет». На другой день я в семь часов лежу еще на постели. Она пришла, я думаю: это меня сестра испроведать. Я говорю: «Ты зачем?» — «Я, я, я, я, я»,— и больше ничё не сказала, улетела. Говорят, что который человек испортил,— будут лечить, дак он обязательно придет. У меня сестра шестнадцати го-

дов умерла,— тоже вон там один дядечка, он теперь нежи-вой,— пошла по телят, ела ре-пу, и он там ей чего-то сде-лал. Пришла и три дня только прожила. Повезли ее к фельд-шеру в Рожнево, он ничё не мог сказать. А вот бабка, она умерла уже, она наговорила, подала ей, у ее кто-то горлом пошел. Шелковую ленту ей надела, ее взадь стало ломить.

Говорит: «Везите ее в Оралову. Она к земле приговорена». Потом из Деминой бабку при-

везли, она то же самое сказала. «Вот я сейчас буду говорить, в двенадцать часов ночи тот человек придет». И пришел. Пришел. Которые чё есть, так есть. *(42)*

288. Два парня из Долдов решили убить колдуна. Пришли с ружьем. Он сидит у окна, чай пьет. Они выстрелили первый раз — осечка. Еще раз выстрелили — опять осечка. Он вышел, спросил: «Чё шумите-то?» Они испугались и убежали. Выходит, что пули-то колдуна боятся. *(25)*

289. Нужно знать воскресную молитву от их, от колдунов. Да задом наперед ее

прочитать, так его и запрешь. Вперед читают для начала, чтобы уберечься, а потом уж навыворот. *(27)*

290. Вот я слыхала, был у нас в деревне колдун, много он иделал зла, он ведь бесу верен, а не богу. Ставленник беса он на земле. Людей портил. Колдуна-то как распознать — он в глаза не смотрит, потому как, когда человека увидит, является он в глазах колдуна в перевернутом виде. *(90)*

291. У чертúста шары красные, прямо он не глядит. Сам он ласковый, ласкобай. При встрече с ним надо сказать заговор:

«Колдун, еретник,
Ешь свое мясо,
Пей свою кровь,

Нет тебе дела
До моего тела».*(35)*

292. Вот вы сказали, бесистый мужик. Надо у иголки жало сломить, ушки отломить, и где сидит он — вот сюда воткнуть, под его, в обратную сторону, в паз, чтоб держалось. И он будет сидеть до тех пор, пока, кто воткнул, не заденет. А пока не заденет, мимо проходить будет, не сойдет. Мы дядьку так привязывали. Вот в этой же мастерской. У нас дядька все ездил с деревни, с Ветлана. Он был созлый еретник, никто с ним не здоровается, никто к им в дом не ходит, а к нашему отцу все ездил, то ему рубанок он сделает там, то ему наточит зубило. Отец-то и сказал: «Ну-ко, ребята, воткните эту игол-

ку в притвор двери и смотрите, чтобы никто двери не задел». А у нас была собака все время в мастерской, на стружках лежала. Собаку мы забрали в коридор. И он три часа там высидел, лошадь стояла у окошка — он в Ныроб ехал. Отец сам говорит: «Ты чё, Омеля, не идешь, лошаде-то сена не дашь?» — «Дак ты в избу-то чё не идешь?» — «Вот стругать надо, выстругаю бруски и пойду в избу завтракать». А время уж двенадцать

часов, какой уж завтрак, он с им без завтрака просидел. А потом отец в стенку маленько деревянным молоточком по-

стучал, чтобы двери задели. Собаку выпустили, она как прибежала, стала двери царапать. Он сразу выскочил и говорит: «Ну, Микола, последний раз я у тебя здеся». А как вот он узнал? *(12)*

293. Дак привязать колдуна можно. Это колдун сидел в углé, я и забыла, у кого свадьба-то была. А его к лавке привязали, дак сколько людей за столом сидели, вот он взадвперед ползал по лавке. А потом к лоханной ножке — лохань раньше была, скота поили,— вот его к лоханной ножке привязали. Дак он весь вечер в лохани просидел! Потом ему сказали: «Иди-ко домой, чё ино сидишь? Хватит уж, отсидел!» Он шапку в охапку и убежал. *(79)*

294. Дак вот, если колдун идет, сразу веник берешь, ставишь его вверх метлой, он и не зайдет никак. Или ухват. Это так испытывают человека — колдун он, не колдун. Один раз гуляли, Михаил взял и ножик-то воткнул под ворота. А Василий идет, издалека кричит: «Не бойся, не зайду!» А он и не видел даже. Откуда бы ему знать-то?! А вот знал, видно. *(69)*

295. Вот если будешь наотмашь еду резать или пельмени подавать наотмашь, не будет бесистый есть. Через руку вот так переворачиваешь. Я одного дядьку на поминках... Вот тоже говорили: «Ой, что ты

с ним разговариваешь, он бесистый». Ну, ладно, бесистый дак бесистый. Ну, думаю, я его щас узнаю, махом узнаю: беру пельмени, значит,

ну, думаю, на чем, больше не на чем, я пельмени варила, и — раз! — всем понемногу по тарелкам с большой рассыпала, а ему наотмашь и тарелку перед ним поставила. И он у меня не заел, ни один пельмень не съел. Он не видел, как я клала, а не заел. Я к ему: «Вы почему не кушаете, у вас же остыли, я вам еще прине-

су, свежие принесу». А он: «Да я чё-то пельменьки не хочу, может, холодные поем». А я ить их посчитала. Целые, ни один не съеден. Тут я поняла, что он бесистый. Может что-то сделать с человеком. *(12)*

296. Вот тоже рассказывали. Праздник был какой-то. Да в гости к одним сосед пришел, мужик один. Ну все сели, выпили. Да им мало показалось. А у хозяйки на печке чекушка стояла, растиралась она из нее. Они и попросили: «Дай, говорят, нам!» Ну, хозяйка взяла чекушку-то левой рукой да наотмашь еще подала хозяину. Хозяин-от тот тоже наотмашь наливать стал, так у не-

го получилось. Мужчина-то тот чертистый был, он и захворал сразу, тут же. Он на голбчик сел, сойти не может. Хозяин спрашивает: «Чё с тобой?» Хозяйка-то его по голове погладила, на улицу повела. И он за ней. Хозяин-то потом ей говорит: «Зачем ты пошла на улицу? Так он пусть бы и сидел и дергался бы». *(70)*

297. Мать маленькая была, лет восемь-девять. Недалеко, за два-три дома, жила колдунья. Она заболела. Дети бегали рядом с ее домом. В доме, слышат, стукоток стоит, как поленьями играют. Мы, грит, послушали, побежали в дом: «У Харитонихи не то пляшут, не то дерутся! Но мы никого не видели». Бабушка моя

пошла смотреть. Ничё, уже тихо. Домочадцы пришли, дом открыт: она мертвая и вся в синяках, избитая. Говорят еще, что, когда умирают лю-

ди, которые много знают, их черти хотят, чтобы они их другим передали. А кто не передает, то до смерти забивают. *(6)*

298. Да, колдуны тяжко умирают. Вот в этом доме умирала колдунья, женщина. Ох и тяжко ей было. Так пока сын не залез на крышу, пока охлупень не разобрал, все не

могла умереть. Под лавку аж ее заташшило между ножек, еле достали. Так она все звала к себе, все у снохи-то ру-

ку просила. Та-то не дала. А то передала бы она свое колдовство. *(122)*

299. Оне, еретники, недоброй смертью умирают. Иной человек умрет, как спит, а они наказаны. Дьявол их наказыват. Язык вытягат. А вот факт был. Один мужчина был. Жил он самостоятельно, дом-от большой, крыша круглая, матёрая. Тожо чертей знал. Но

время вышло, видно, ему. На Печоре это было, там я людей знаю, по Унье проезжал не раз. У их был пацан-де годов пяти, он ведь всё понимат, лепёчет всё. А баба ушла корову доить, а он чё-то приболел, лежал на лавке больной, раньше коек не было. Он, говорит, лежал там, а пацан сидел тут на голбце. Она приходит с двора — корову-то подоила. А он говорит: «Мама! Каки-то три дяденьки зашли». Они ему по-

казалися. «Двое-то тятю-то увели, а один на его место лег».— «Да ты чё врешь?!» —

«Нет, мама. Тятю-то двое-те дяденьки забрали, а третий лег». Помер, он притворился, что помер. А народ-то везде одинаковый, оне это тоже берут на пушку. Ежели, говорят, дьявол,— пятки-то будешь жечь ему, огонь поставишь, он только мелькает. А ежели человек,— ему пятки будешь жечь, он не пошевелится. Вот и сделали. Приспособили огонь, подставили ему под пятки огонь, он как рванул, потолок кверху улетел. *(13)*

300. Старик-переселенец лежал в больнице. Наказывал сыну: «Умру, вызовите читать молитву надо мной одного старика. А сами уйдите». Старик читает и видит: рука откинулась, другая, нога, другая. Старик испугался, убежал. Ут-

ром приходят — тот на месте лежит, не шелохнется. Схоронили его. Но как ночь — ходит по полу, брякает. Что останется — съест. Они поды-

мутся — никого нет. Тогда они мукой пол обсыпали — и остались следы, лапы. Они пошли к священнику. Он сказал, что старик-то богом проклятый и они должны его проклинать. Они стали проклинать его, он ходить перестал. *(51)*

301. За рекой у нас колдунья жила. Умирала очень долго, три дня мучилась. Сорока по коньку бегала все три дня. Муж оторвал конек и сбросил сверху. Сорока перестала бе-

гать, и старуха умерла. Она вылетела из окна сорокой. *(123)*

302. Раз как-то старик один помирал, дак он двести сорожек съел и двести окуней. Это значит, двести мужчин и двести женщин. И от этого четыре тысячи чертей народилось. Сказывали, что он колдун, мужик-от этот. *(27)*

ПАСТУХИ ШАЛЯТ, А НА ВОЛКА МОЛВА ИДЕТ

Рассказы о знатливых пастухах

303. Пастух сам коров не пасет, их леший пасет. Филя у нас был, пастух, отец и мать сказывали. Берет у него лешак дойную корову и доит ее. Пастух если ему мешать станет,

дак выше елок летит. Леший на трубочке играл. Это в старину все было. А теперь леших нет, теперь люди все сами лешие. *(19)*

304. Раньше у нас были таки пастухи, что наказывали: если кто к стаду подходит, голос свой обязательно подать должон. Эти пастухи с бесом зналися, а это все для того, чтобы лешего не увидел никто. *(27)*

305. Я маленькая была, с пастухом коров пасти ходила. Пастух сказал мне: «Сиди здесь и не ходи никуда». Я сижу, весь день пастуха не видела, и коровы где-то ходят. Где пастух ходил, бог его знает. Вечером все коровы собираются там, где надо: он в этом месте бадог вкапывал со

ПАСТУХ

словами какими-то. Еще была у пастуха трубка какая-то. Знания у пастуха не знаю как перенимали, но он ничего ни-

кому не рассказывал. Не знаю, как это коровы всегда собирались в одном месте, может, помогал ему кто. *(35)*

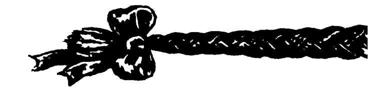
306. Пастух был. На крыльцо выйдет, струби́т, и корова идет. Труба из бересты была свита. Струбил, чё-ко знал, видно, и корова пришла домой. А однажды корова не пришла. Мы пошли к нему на дом, спрашиваем. Говорит: «Она идет, сейчас уже придет». Один раз как-то болтал, не у нас в деревне, будто отдал он

корову дьяволу. С дьяволом, говорят, знался. *(42)*

307. У нас когды-ко свекор рассказывал. У их тожо пастух жил, Филя-то. И вот хозяин-то не угодил лешему-то, и вот леший-то корову-то и угнал. У их украл, где пастух-то на фатéре жил. Оне ведь все лето искали корову. Он их сперва поманéжил, где-ко спрятал корову-то у их. Потом она вышла, корова, пришла. Вместе с пастухом искали. Потом уж отдал леший корову. *(21)*

308. В Кирьяновой пастушиха была, Евдокия, Соколовной звали. Зналася с окаянным. Выйдет на поле, три раза крикнет — весь скот на нее идет. Один пастух видел, как она на Бояршин луг пошла и что-то поет. Стоит у елки, во-

лосы вскосматила, ногами как заяц прыгает. Он смотрел, а она все прыгала. Тут треснула ветка, она обернулась, а бежать-то поздно. «Ты что, говорит, испугалась?» Она ему ничё не сделала. Двадцать пять лет пасла, и весь скот к ней шел. *(46)*

309. И потом вот это я услышала. Старик был, он умер, рассказывал. Коров-то надо пасти — на Великий иди, ссякай древнюю елку в полдень комлём. И на этот, говорят, садися комель. Придет большушший мужик, ты с ним ничё

не говори. Придет меньший старик, тогда с этим мужиком разговаривайся — или коровой платить или молоком за помощь. Вот раньшо у коров молоко терялось. Вот такие-то раньшо пастухи знающие были. Вот запрут где-ко коров, и коровы домой не идут. Люди видят, а хозяин не может найти. И много таких случаев не так давно было. *(48)*

310. Я сама пасти-то нанималась, а там с лешим и встретилась. Он пришел и не пасет, говорит мне: «Раз пришла в лес, вали, вали осину на полдень вершиной». Первый раз, как пришел, чтоб пасти, он со мной не разговаривал. Это всегда так. Когда только второй раз при-

дет, тогда об этом разговаривают. *(23)*

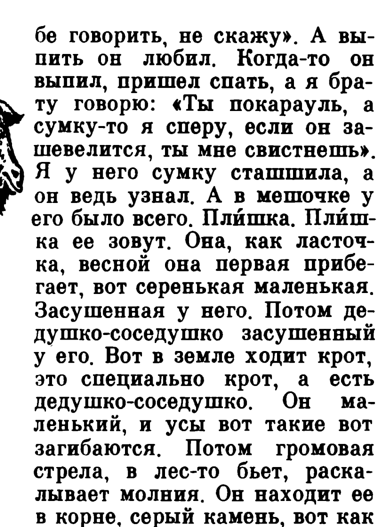
311. Леший, говорят, есть. И черт есть. У нас-то пастух был, Андрий тоже. Вот как только весна будет, с лещим он идет яичко делить. Ворует яичко — на Христов день раньшо воровали яичко-де в церкви ли, где ли, пастухи-те. Потом пошел в лес, где-ко осину срубил,— это он все рассказывал,— сели-де на осину с им. Тот-де на том конце, леший на другом. И вот все ближе и ближе, друг к другу ближе. Кто яичко достанет. Вот забыла, то ли Андрею яичко досталось... Нет, лешему. И вот он за одно яичко все лето пас.

Только не знаю, правда не правда. *(21)*

312. Я, значит, когда первое лето попасла, видела: он, пастух Иона, когда коров сме-

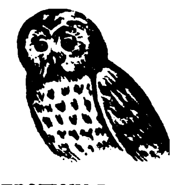
щал, у этой коровы возьмет волосы вот отсюда, с головы, к той сует, от той возьмет — другой сует, вот так вот всех коров обойдет, ну он это смещение делал всех коров, чтоб оне дружно были. А потом он берет из сумки мешочек какой-то небольшой и все с мешочком ходит. Ну, как же, думаю. «Сват Иона, а чё у тебя в мешочке?» — «Нельзя те-

бе говорить, не скажу». А выпить он любил. Когда-то он выпил, пришел спать, а я брату говорю: «Ты покарауль, а сумку-то я сперу, если он зашевелится, ты мне свистнешь». Я у него сумку стащила, а он ведь узнал. А в мешочке у его было всего. Пли́шка. Пли́шка ее зовут. Она, как ласточка, весной она первая прибегает, вот серенькая маленькая. Засушенная у него. Потом дедушко-соседушко засушенный у его. Вот в земле ходит крот, это специально крот, а есть дедушко-соседушко. Он маленький, и усы вот такие вот загибаются. Потом громовая стрела, в лес-то бьет, раскалывает молния. Он находит ее в корне, серый камень, вот как палец. Потом у него ратная

червь белая, а вечером да ночью она вот идет, рассыпается, как рис, вся. А потом она соединяется, как свет на ее пал, там солнце или ишшо что. И вот я все колы́шечки разобрала у него. Он проснулся, ну, думаю, всё, он в лесу меня отлупит. Поглядел так на меня и говорит: «Сумка-то не на месте стоит». Ну так же поставила, ну, как было, так и поставила! «Как же, говорю, не на месте? Не, сват Иона, как было, так и стоит».— «Ты ее брала?» — «Да я ее передвинула только». Открыл: «Ну как же ты ее передвинула, я же вижу, что брала. Ну и что ты там поняла?» Думаю: «Ну все, сейчас мне взбучка будет». Ой, я в тот день сама не своя была, боялася его! Потому что я

знаю, что он слова какие-то знает, что он загонит меня в тайгу, что я и до́ма-то не найду. Ну я уж тут со слезами стала прощенья просить: «Сват Иона, я же просила показать, показать, а ты не показал». И вот всю дорогу с коровами идем, и всю дорогу я ему напеваю, аж сама до слез. Он говорит: «Ну ладно, ладно, все тебе прошшаю. Никому не говорила?» — «Нет».— «Никому не сказала?» — «Да боже ж, никому не скажу, что ты, неет». Лишь бы только самой хотелось посмотреть. «Ну все, прошшаю я тебе». И вот я его спрашиваю: «Зачем это?» — «А мало ли что. Видишь, чтоб

у меня коровы не заболели». Он, значит, берет этот узелок и ряд проходит коров, потом второй ряд идет так вот. А говорить, вроде он ничё не говорил. Как опрыскивает, и ничё не сыплется — мешок-то ядреный. *(12)*

313. Бывало это, был у нас пастух другой, они соревновались. Не соревновались, а просто у них как-то не везло друг к другу. Между собой у них чё-то не гладко было. Если каку корову переведут к этому — корова ведь не виновата, конечно,— то тот ее подальше загонит, чтобы он искал подольше. Это было. *(12)*

314. За Камой пастух и на нашей стороне пастух, напро-

тив нас. Три-четыре километра прямо-то. И по ту сторону Камы и здеся коровы наши. Там пастух и там пастух. И вот тот пастух, говорят, струби́л — все наши до одной коровы в реку. И переплывают на ту сторону. Опять все эти коровы, как наш пастух струбил, вот здешний пастух, на эту сторону пошли. Полдня, говорят, так маяли коров. Ни один пастух не пересилил. Так вот разделились

коровы. Те на ту сторону, другие — на другую. Неужели таку силу воли имели? Вот это

я сама удивляюсь. Это была правда. Но это давно, конечно. *(48)*

315. Вот старушка умерла, уж тожно девяносто лет. У ей было это дело. Вот пастуха-то из-за стола вывели, чё-то испугался хозяин-то, неаккуратный был пастух, вот. И он у них усушил коров-от. Три недели коровы вкруг одного места ходили. Так землю истоптали, до колена тонули коровы. В грязи истоптали. Сухое место, вот. Как он привязал их тут-то? Люди увидят, пойдут искать, нигде коров нет. Три недели коровы домой не ходили. Какое молоко-то? За три недели сами едва живы пришли. Вот это такие хитрые люди были, пастухи. *(48)*

316. С пастухом поругалась

хозяйка. Он привязал ее корову словами, слова наговорил. И она никуда не ушла, землю все копала, все ходила по кругу, и нигде травинки вот ни столько не было. Она вокруг этих деревьев все ходила, вот по кругу этому. Там поляна такая. Вот за то, что хозяйка поругалась: далеко-де скота гоняете, корова не наедается, и потом вечером рано прига́ниваете. И вишь, целую неделю мучилась. И мама у меня искала корову эту, отец не ходил, правда. С пастухато не спрашивают, корова где, подпасок отвечает, я и отвечаю, он только утром собирает, я их загоняю вечером. *(12)*

317. Как-то у наших соседей корова пропала. Пастух был зна́ткий человек, с бесом знался. Микита у нас пас, ему по-

сулили бахила, да обмануть, видно, хотели. А он за этот обман что сделал: коровы-то мычат, а на двор не идут. А Микита бегает и кричит: «Бахилы, бахилы бегают». Сшили ему потом бахилы-то. *(27)*

318. Это хозяйку, котора ругалась из-за коровы, пастух стегнул вичкой. Заболела нога и заболела, он знал чё-то, видимо. Я с ним пасла, но не знаю, что за вичка така́ была.

Она была у его из ивы, с ей и пас все лето, она ить не изломается, хоть суши ее. Это я помню. *(12)*

319. Нас одолели волки. По нашей дороге. Вот зимой в это время. Пастух к нам часто приходил, он ведь в лето пас. Отец и говорит: «Сват Иона, волки заедают нас. Собаку выпустить нельзя». Он говорит: «А где бушлат-от, Коля-то в котором пас?» — «Дак вон он висит».— «Пусть он накинет его, на лыжи встанет да обойдет так метра по три, шириной так метра по три. Вкруговую нашего дома. Ну пусть больше

там пройдет, ну, по пять метров может пройти».— «Ну и чё, это поможет?» — «Ну дак пусть пройдет, поможет не поможет»,— он опять это говорит. Ну брат встал, одел этот бушлат, никаких ни слов, ничего не знал он, одел этот бушлат, стал на лыжи. Ну, он вицы эти, которыми первый день выгоняешь коров, не велел бросать. Вот я два лета

пасла, и оба лета была у меня вица одна. Говорит: «Если вица у вас не брошена,— а у нас в сарае подволóка такая, ну,

мы все в подволоку ложили,— пусть вицу эту возьмет». Ну, у меня парень сходил, обошел вот так кругом дома три раза, там воют, вот так воют, а около нас нету. *(12)*

НИ БОГУ СВЕЧКА, НИ ЧЕРТУ КОЧЕРГА

Рассказы-пародии

320. Черт обиделся на людей. Пришел жаловаться к богу. Почему всё валят на меня? Сидят с богом на берегу и рассуждают, а мимо шел мужик, запнулся, упал и говорит:

«Черт попутал». А черт сидит и говорит богу: «Я ведь с тобой был». Мужик поднялся — видит, что живой и невредимый, и говорит: «А вот бог помог». *(105)*

321. Один мужик пошел на кладбище на спор. Дошел до половины. Чтобы показать, что здесь был, вбил в крест гвоздь. Повернулся, хотел идти, а его кто-то держит. Он испугался и умер от разрыва сердца. Утром пришли люди и увидели его мертвым, прибитым гвоздем к кресту за уголок воротника. *(39)*

322. Солдат пошел на кладбище за водой. Вдруг у свежей могилы увидел кого-то белого. Испугался, выстрелил, бросил ружье и убежал. Ему от начальства попало. Затем все по-

ЧЁРТ

шли на кладбище, а там у свежей могилы лежала белая мертвая коза. *(39)*

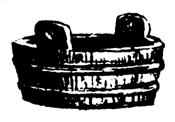
323. Раньше девки гадали, за кого выйдут замуж, за богатого или за бедного. Ходили девчонки на овин не по одной. Пойдет девчонка, снимет штаны и голый зад покажет. И если ей покажется, что погладил ее кто-то мохнатой рукой, значит, выйдет замуж за богатого, если голой — за бедного. Так вот, один мужик узнал, на какой овин пойдут девки, надел на руку собачью перчатку мехом вверх и спрятал-

ся. Вот пошла одна девчонка, он ее и погладил. Она испугалась, домой побежала, да на дороге упала и умерла от разрыва сердца. *(54)*

324. Про нечистую силу ничего не знаю. Да ничего этого нет. Да я и не верю. Я ярая атеистка, и родители мои такими же были. Если с ними что такое и случалось, так они для всего находили объяснения и всё ставили на научную основу. Так и меня воспитали. Вот, например, мама рассказывала. Собирались они в бане. Человек двенадцать. Сделали кудель. Вдруг к ним черт пришел. Весь черный, с хвостом, с рогами, во рту огонь. Все перепугались. А мать с подружкой побежали за ним. А он побежал к соседям. Они ту-

да. И оказался это наш сосед. Хотел их напугать. А потом сам же в баню просился: «Пустите, девки, в баню отмыться, а то весь в саже». Вот так. *(49)*

325. Я же старик уже, надо умирать. Ну я и написал заявление, значит, к чертям, в ад небесный, то есть вечный. Они мне отвечают: «Ты шипко матькаешься, ты нас всех чертей выгонишь отседав». Ну а я потом,— раз тут не берут, надо в царствие небесное писать,— я пишу в царствие небесное заявление, а мне боги

отвечают: «Ты с чертями-то не мог ужиться, а ты нас всех здесь к чертовой матери выгонишь, с тобой не уживешься». Так и не приняли. Так по землям вот и живу. *(58)*

326. У нас когда-то одне в Сибирь поехали. Вот когда-ко оне в Сибирь уехали, люди-то говорят: «Не позвали суседката с собой, домохозяина-то. Он, грят, каждый день тут ревет». Ладно, я тогда пошла с конца на конец, к им пошла. Ну я уж большая была. А у их дымная изба была. Пол-от не весь ставлен. Двери меня чуть не смяли, я пошла, босиком пошла, пятки в кровь, двери-то отпустила. Комната у их дымная была. До двенадцати часов там просидела. И вправду, ревет. Домой иду — господ-

ди! — ну, просто я не знаю, летела, как молния,— бояласся. Это, видно, он. А рядом тут дом стоял, и эта женщина (хозяй-

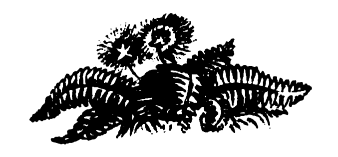
ка дома) болела болезнью нехорошой, и вот у ее в горле-то что-то наросло, она, видно, и керкала. *(42)*

327. За нами жила старая старушка, она пела, на гармошке, на балалайке играла. Ребята,— окно там, стекла на гвоздике приколочены, она, что ли, не заметила,— они на нитку привязали катушку целую. Она и — стук, стук — стукается. Она, слышь, прибежа-

ла ко мне. «Иван, ко мне какой-то леший». Я пошел, ничего не слышу. Потом она опять прибежала: «Стукается». Я пошел и тогда понял: там катушка. *(73)*

328. Это старые люди говорили. Сейчас сижу один, никаких чертов, никаких богов. Раньше чудилось. Тут старушка говорила. Говорит: «Степан жить не дает, ходит, ходит».— «Кто к тебе ходит? Это к тебе суседиха ходит, простукивается».— «Да мужик постукивается».— «Леший к тебе ходит». Да это вода под окном стукается, а не суседиха! *(73)*

329. Старушка пенсию получала, а сосед узнал, притаился — и к ей. Чертом сделался сам, пришел ночью, в саму полночь: «Отдай деньги, отдай деньги!» Ну она и отдаст их. До того добился, что она сама без копейки начала жить. Стала-де просить у людей. «Дак ты ведь получаешь деньги-то. Что тебе? Пошто просишь у людей?» — «Да у меня черт

уносит». Два мужика согласились караулить черта. Черт ходит к ней в саму полночь.

Подзывает черт деньги просить, а мужики спрятались на полати. Да вот его споймали. Узнали, что за черт — свой сосед — лазит. *(41)*

Словарь диалектных и устаревших слов

Бадóг — палка, посох

Бахи́лы — самодельная кожаная обувь с голенищами

Блазни́ть — казаться, чудиться. Блазнь — то, что причудилось

Визи́ра, визи́рка — лесная просека

Гóлбец — подпол

Гýбы — грибы

Гумнó — постройка, где ставят хлеб в кладях для просушки и хранения

З а п а д н я́ — крышка над люком в подпол

З а ч у р а́ т ь — ударить наотмашь с целью завладеть чем-либо

З ы́ б к а — колыбель

К а́ м е н к а — очаг, выложенный из камня в бане, на гумне

К о с я́ к — крутой скошенный берег

К у л и́ г а — ровное безлесное место, поляна

К у ш а́ к — пояс, опояска

К у ш т а́ н — кирка, кайло

М е́ д н и к — котел

М о́ р д а — рыболовная снасть

М с т и т ь — *см.* блазни́ть

О в и́ н — постройка для сушки хлеба

О г а́ р к а — место лесного пожара, поросшее молодым лесом

О́ х л у п е н ь — конек крыши

Пестéрь — плетеный короб

Повóдник, повóйник — платок, шаль

Подволóка — чердак

Подворóтня — доска, закрывающая щель между воротами и землей

Подковрúга (от коврига) — холм, место под склоном холма

Полáти — помост, настил от печи к противоположной стене, на котором спят

Пóмочь — работа, выполняемая группой крестьян для одной семьи

Пропадáть — умирать, погибать. Пропáвший — погибший, умерший

Прýслице, прéсница — прялка

Стáйка — конюшня

С т р у б, с р у п — недостроенная постройка

С у с л о́ н — составленные для просушки снопы, накрытые одним снопом

У х а т ь, з у́ х а т ь — вскрикивать, выкрикивать

Ш а́ я т ь — тлеть

Ш е с т о́ к — припечник, место между устьем и топкой печи

Ш и ш о́ к — подпечное пространство, где зимой держали домашнюю птицу

Ш у́ т ь м а — заброшенные поля, пустошь

Указатель персонажей

Указатель исполнителей по населенным пунктам

Чердынский район

г. Чердынь

1. Кузнецова Т. М., 1929 г. р.— *15, 191, 199, 241*
2. Томашина А. П., 1903 г. р.— *83*
3. Югринова К. П., 1915 г. р.— *121, 133, 141, 165, 179, 278*
4. Южанинова А. В., 1906 г. р.— *129, 167, 253*
5. Чудинова Е. И., 1889 г. р.— *140*
6. Лиханова Е. Н., 1901 г. р.— *147, 153, 166, 174, 297*
7. Заболотных М. Г., 1917 г. р.— *223, 251*

г. Ныроб

8. Абзалова А. С., 1916 г. р.— *21, 105, 122, 146, 189, 224, 238, 260, 286*
9. Чагина Е. А., 1917 г. р.— *90*
10. Строилова Т. А., 1929 г. р.— *138, 277*
11. Судницина О. Ф., 1916 г. р.— *226*
12. Пушина А. Н., 1919 г. р.— *292, 295, 312, 313, 316, 318, 319*

д. Петрецово

13. Пашин Е. И., 1909 г. р.— *10, 18, 33, 45, 85, 112, 132, 135, 136, 163, 242, 243, 246, 269, 276, 299*
14. Пашина А. Е., 1935 г. р.— *127, 128*
15. Пашина Л., 1975 г. р.— *99, 119, 154, 168, 171, 200, 202, 203*

пос. Петрецово

16. Федосеева А. А., 1904 г. р.— *57, 77, 108, 188*

д. Большие Долды

17. Микова Ф. Е., 1909 г. р.— *1, 14, 29, 34, 38, 126*
18. Селянинов Н. Н., 1928 г. р.— *22*
19. Никонова А. И., 1920 г. р.— *28, 303*
20. Половиченко С. А., 1913 г. р.— *39, 131*
21. Калинина Т. П., 1909 г. р.— *42, 107, 125, 307, 311*
22. Галашова Т. В., 1934 г. р.— *67*
23. Володина А. В., 1924 г. р.— *198, 310*

д. Малые Долды

24. Калинина Т. Н., 1971 г. р.— *56*
25. Калинина Е. Ф., 1926 г. р.— *255, 288*

д. Печинки

26. Давыдова А. Я., 1908 г. р.— *93*
27. Давыдова К. Д., 1916 г. р.— *289, 302, 304, 317*

д. Пянтег

28. Двинянинова А. И., 1909 г. р.— *36, 134*
29. Черных А. Д., 1911 г. р.— *130*
30. Мясникова А. Г., 1912 г. р.— *231, 232*

с. Редикор

31. Могильников С., 1970 г. р.— *62*
32. Черепанова М., 1977 г. р.— *65*
33. Порошина Т., 1977 г. р.— *94*
34. Константинов И. М., 1907 г. р.— *170*
35. Южанинова А. А., 1924 г. р.— *184, 193, 194, 291, 305*
36. Дубовикова А. С., 1932 г. р.— *196*
37. Могильников А. А., 1925 г. р.— *201*
38. Шарова Е. М., 1912 г. р.— *254*
39. Могильников К., 1973 г. р.— *321, 322*

д. Карпичева

40. Носова Н. А., 1905 г. р.— *9, 245, 259*

с. Искор

41. Попова Т. М., 1899 г. р.— *4, 190, 329*
42. Ударцева П. В.. 1906 г. р.— *20, 102, 103, 287, 306, 326*
43. Пешехонова М. Н., 1911 г. р.— *84*
44. Копытова П. В., 1912 г. р.— *221, 285*

д. Нижний Шакшер

45. Крюкова З. Е., 1914 г. р.— *2, 13, 81, 139, 186, 247, 248, 252*
46. Крюкова А. Я., 1898 г. р.— *11, 54, 308*

д. Усть-Уролка

47. Зарубин П. Д., 1916 г. р.— *180—183*
48. Зарубина Е. А., 1909 г. р.— *17, 205, 309, 314, 315*

с. Вильгорт

49. Езова Е. В., 1933 г. р.— *51, 72, 142, 144, 324*
50. Володина О. И., 1936 г. р.— *279*

с. Камгорт

51. Лягаева Ф. Р., 1916 г. р.— *48, 257, 300*
52. Суслова М. П., 1926 г. р.— *280*

д. Бигичи

53. Катина Ф. Т., 1910 г. р.— *41*
54. Потапов П. С., 1924 г. р.— *239, 323*

с. Бондюг

55. Якушева Е. Ф., 1901 г. р.— *24*

д. Русинова

56. Русинова М. Р., 1918 г. р.— *50*

с. Лимеж

57. Малкова А. Е., 1918 г. р.— *117, 250*

д. Березовая

58. Чагин В. И., 1898 г. р. — *23, 325*
59. Чагин А. Т., 1899 г. р.— *222, 227*

д. Тименская

60. Собянина Ф. К., 1907 г. р.— *63, 258*

61. Собянина П. Т., 1922 г. р.— *80*

д. Кулакова

62. Власов П. А., 1921 г. р.— *96*

д. Данькова

63. Большакова Н. А., 1910 г. р.— *98, 101, 115, 197, 228*

д. Кирьянова

64. Матвеева М. И., 1928 г. р.— *159*

с. Кольчуг

65. Копытова А. А., 1911 г. р.— *177, 178*

пос. Рябинино

66. Мясникова А. Ф., 1915 г. р.— *225*

д. Исаково

67. Баяндина Д. И., 1914 г. р.— *237, 244, 274*

д. Гадья

68. Южанинова А. С., 1918 г. р.— *240*

с. Лёкмартово

69. Сафьянова М. Н., 1913 г. р.— *294*

д. Серёгова

70. Алина С. П., 1910 г. р.— *296*

Красновишерский район

г. Красновишерск

71. Ильиных А. Г., 1913 г. р.— *271, 281, 282*

д. Писаная

72. Ильиных Н. А., 1928 г. р.— *49*
73. Ильиных И. С., 1910 г. р.— *327, 328*

д. Талица

74. Семерякова Д. А., 1907 г. р.— *61*
75. Семерякова М. С., 1911 г. р.— *151, 185*

д. Нижняя Язьва

76. Петрова А. С., 1918 г. р.— *272, 275*

д. Акчим

77. Усанина Т. М., 1919 г. р.— *64*
78. Горшкова Н. П., 1931 г. р.— *137*

с. Губдор

79. Жунева А. С., 1906 г. р.— *293*

д. Ратегово

80. Щёткина А. Г., 1905 г. р.— *249*

д. Бахари

81. Ермакова Т. А., 1908 г. р.— *284*

Соликамский район

д. Тетерина

82. Мельников И. В., 1912 г. р.— *7, 53, 158, 161*
83. Неверова А. И., 1915 г. р.— *27*
84. Пегушина Е. Е., 1908 г. р.— *30, 37, 55, 111*

85. Пузанкова Е. Л., 1968 г. р.— *74*
86. Пегушина А. И., 1917 г. р.— *113, 116, 148—150, 157, 160*

пос. Тетерино

87. Мовченюк Т. С., 1912 г. р.— *86, 92, 283*
88. Цыпуштанова Г. С., 1905 г. р.— *100*

д. Белкина

89. Слонова Е. А., 1918 г. р.— *5, 6, 35, 46, 109, 152, 209, 211, 217*
90. Пегушина К. А., 1914 г. р.— *91, 290*

с. Касиб

91. Пантелеева А. В., 1921 г. р.— *8, 273*
92. Тарасова А. В., 1923 г. р.— *16, 195, 270*
93. Черноусова М. А., 1918 г. р.— *43, 70, 78, 143, 169*
94. Швецова А. П., 1906 г. р.— *47*
95. Верещагина Ф. А., 1909 г. р.— *95*

д. Лызиб

96. Карпенко А. С., 1928 г. р.— *40, 52*

д. Половодово

97. Шерстобитова А. А., 1925 г. р.— *89, 110*

Добрянский район

г. Добрянка

98. Колесникова В. В., 1929 г. р.— *19, 32, 172, 268*
99. Ковина О. А., 1918 г. р.— *31, 236*
100. Плотникова Л. М., 1928 г. р.— *44, 59, 71, 79, 104, 210*
101. Рыжкова П. Н., 1905 г. р. — *76, 215*
102. Корепанова Е. А., 1920 г. р.— *206*
103. Бажукова Р. П., 1935 г. р.— *214, 220, 235*
104. Плавская А. Н., 1922 г. р.— *212*
105. Токарева В. К., 1937 г. р.— *320*

Куединский район

с. Большие Кусты

106. Бубнов Ф. В., 1906 г. р.— *12*
107. Кустова Т. С., 1906 г. р.— *25, 60, 66, 68, 87, 118, 123, 156, 207, 208, 213, 219, 265*
108. Коробейников У. И., 1923 г. р.— *26*
109. Лакомова Е. П., 1911 г. р.— *58*
110. Клячина А. А., 1932 г. р.— *69, 218*
111. Морозова Л. В., 1968 г. р.— *73*
112. Порошина Е. А., 1921 г. р.— *75*
113. Суханова А. М., 1909 г. р.— *88*
114. Клячин П., 1979 г. р.— *97*
115. Сюткина М. П., 1934 г. р.— *106, 124, 256*
116. Сазонова А. А., 1908 г. р.— *114, 120, 162, 164, 173, 204, 234, 262, 266, 267*
117. Шутова Ф. И., 1929 г. р.— *155, 261*
118. Кустова Е. П., 1911 г. р.— *175, 176, 187*
119. Шмелева А. Г., 1922 г. р.— *192*

120. Вотякова Е. К., 1927 г. р.— *216*
121. Морозова К. И., 1927 г. р.— *263*
122. Горбунова А. И., 1916 г. р.— *298*
123. Башкирова Л. П., 1938 г. р.— *301*

с. Кашка

124. Мерзляков О. Е., 1917 г. р.— *3*
125. Шаболин Д. П., 1921 г. р.— *233, 261*

с. Нижний Тымбай

126. Унисова М. М., 1915 г. р.— *82*

Сивинский район

с. Екатерининское

127. Антонов А. И., 1919 г. р.— *145*

г. Пермь

128. Калинина Н. А., 1971 г. р.— *56, 229, 230*

В сборнике использованы записи текстов быличек и бывальщин, сделанные преподавателями, сотрудниками и студентами Пермского государственного университета в ходе фольклорных экспедиций: К. Шумовым, О. Гордеевой, Е. Двиняниновой, М. Мамонтовой, А. Альбинским, Л. Киреенко, Л. Глуховой, О. Марасановой, А. Угольниковой, В. Калининой, И. Никулиной, И. Новиковой, С. Середкиной, Н. Брыляковой, Н. Доносовой, Е. Пепеляевой, М. Тонких, О. Катаевой, Т. Голушковой, Е. Лантратовой,

О. Бурдюк, И. Зиновьевой, Г. Соловьевой, М. Ивановой, Е. Погоржальской, С. Ковязиной, Т. Карташовой, Ю. Мусихиной, Т. Щедриной, Н. Шульгой, А. Пшеничновой, И. Имшинецкой, Е. Кавериной, О. Агеевой, О. Сипуновой, И. Фещенко, Н. Широких, А. Родиным, М. Минсадыровой, О. Мурашовой, О. Толкуновой, Н. Хребтовой, С. Федечкиной, Н. Поплаухиной, М. Седовой, Я. Соколовой, Н. Кителевой, М. Дмитриевой, Ю. Ведерниковой, Л. Шаровой, Т. Сычевой, О. Таракановой, С. Вологжаниной, Т. Карандашовой, Э. Еремеевой, Н. Субботиной, В. Торховым, Д. Фишбейном, С. Захаровой, А. Колчановой, О. Кутаковой, С. Студеникиной, Е. Лакомовой, А. Еремеевой, Е. Кропман, О. Бойченко, М. Миковой, И. Русиновой, С. Бузаковой, М. Коркуновой, С. Федченко, О. Гапоненко.

Фамилии собирателей размещены в зависимости от количества записей, сделанных ими.

Содержание

Литературно-художественное
издание

БЫЛИЧКИ И БЫВАЛЬЩИНЫ

Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье

Редактор *И. Остапенко*
Художественный редактор *Т. Ключарева*
Технический редактор *Г. Пантелеева*
Корректоры *Г. Борсук, Г. Черникова*

ИБ № 1989.
Сдано в набор 06.11.90. Подписано в печать 23.08.91. Формат $60 \times 84^1/_{64}$. Бум. офсетная № 1. Гарнитура обыкн. новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,05. Усл. кр.-отт. 12,3. Уч.-изд. л. 6,035. Тираж 5000 экз. Заказ № 10102. Цена 8 р. 60 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Б95 **Былички и бывальщины:** Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье/Сост. К. Шумов; Художник С. Ковалев.— Пермь: Кн. изд-во, 1991.— 410 с.
ISBN 5-7625-0117-5

Сборник рассказов о леших, домовых, русалках и других демонологических персонажах отражает не только одну из сторон религиозного сознания человека, но и его быт, представления о мире, нравственные нормы поведения. Адресован фольклористам, этнографам, широкому кругу читателей, интересующихся культурой и историей пермского края.

Б $\frac{4702010205-64}{М152(03)-91}$ 64—91 ББК 82. 3Р

Над книгой работали
полиграфисты:

Наборщики
Л. Чадаева, В. Нечаева
Ретушер
В. Батуев
Печатники
А. Егоров, В. Окулов
Переплетчики
В. Клопова, Т. Лабутина,
Н. Панина

